

Ө. Е. МЕЛЬНИКОВЪ.

РАЗСМОТРѢНІЕ

КНИГИ

„ПРАЩИЦА ДУХОВНАЯ“

И

СОБОРНАГО ДѢЯНІЯ

НА

МАРТИНА АРМЯНИНА.

МОСКВА.

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій пер., соб. домъ
1915

15.
БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ

3-202

ВН
51
11/11

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

51
5

Только что вышла четвертымъ изданіемъ книга «Пращица духовная». Въ первый разъ она вышла изъ печати въ 1721 году въ Петроградѣ, во второй— въ 1726 году въ томъ же городѣ, въ третій разъ издана въ Москвѣ въ 1752 г. Первое изданіе вышло съ одобренія и благословенія «преосвященныхъ архіереевъ» русской господствующей церкви, два послѣдующихъ—по благословенію «святѣйшаго правительствующаго синода». Издавалась «Пращица» всѣ три раза съ цѣлю—изобличить старообрядцевъ въ неправдѣ и лжемудрствованіи. Нынѣ же она издана какъ цѣнный историческій матеріалъ, раскрывающій взгляды господствующей церкви на многіе церковные вопросы и выясняющій отношеніе ея къ старообрядчеству въ царствованіе императора Петра Великаго и въ послѣдующее за нимъ время.

«Пращица духовная» составлена нижегородскимъ архіепископомъ Питиримомъ. Въ исторіи старообрядчества онъ извѣстенъ не только какъ авторъ настоящей книги, но и какъ жестокій гонитель и истребитель старообрядцевъ. Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ самое мрачное для старообрядчества время. Тогда были въ силѣ изданныя по настоянію московскаго патріарха Іоакима статьи царевны Софіи. По нимъ требовалось пытать и сжигать старообрядцевъ за ихъ противленіе господствующей церкви, говоря точнѣе, за ихъ неже-

ланіе пзмѣнить завѣтамъ и преданіямъ древней Церкви. Статьями Софьи приказывалось «казнить смертію безо всякаго милосердія» даже тѣхъ, кто, будучи виновенъ въ перекрещиваніи, искренно въ этомъ раскаивался и присоединялся къ господствующей церкви. О нихъ рѣшительно сказано: «хотя они церкви Божьей и покоренье приносятъ и отца духовнаго и св. Таинъ причаститься желати будутъ истинно и ихъ, исповѣдавъ и причастивъ, казнить смертію безъ всякаго милосердія» («Новые матеріалы для исторіи старообрядчества», собр. Е. В. Барсовымъ, стр. 27)

Эти убійственныя предписанія вынудили старообрядцевъ бѣжать изъ центральныхъ городовъ и селеній Россіи и искать себѣ убѣжища на далекихъ окраинахъ. По свидѣтельству П. П. Мельникова-Печерскаго, «вско-рѣ отдаленное Поморье и южныя украины на Дону, на Волгѣ, на Янкѣ, въ Сибири—наполнились старообрядцами. Казаки поступили въ старообрядчество *) почти поголовно. Московское правительство не ослабляло между тѣмъ мѣръ преслѣдованій: костры горѣли, рѣзались языки, рубились головы, удары кнута раздавались въ застѣнкахъ и на площадяхъ, тюрьмы и монастыри были полны старообрядцами. Царевна Софья или вѣрнѣе сказать, ея богомолецъ, святѣйшій патріархъ Іоакимъ, малоросецъ, самый ужасный изъ всѣхъ гонителей старообрядчества, въ 1689 году велѣлъ «смотрѣть накрѣпко, чтобы раскольники въ лѣсахъ и волостяхъ не жили, а гдѣ объявятся—самихъ ссылатъ, пристанища ихъ разорять, имущества продавать, а деньги присылать въ Москву». Преосвященный Макарій въ своей «Исторіи раскола» говоритъ, что «расколъ

*) Мельниковъ часто называетъ старообрядчество расколомъ, а старообрядцевъ—раскольниками. Мы позволили себѣ эти бранныя опредѣленія замѣнить настоящимъ именемъ старообрядчества. Сдѣлали мы это въ цитатахъ, взятыхъ и у другихъ писателей.

рѣшительно былъ запрещенъ въ Россіи и никто ни въ городахъ, ни въ селеніяхъ не смѣлъ открыто держаться его. Потому раскольники или тайли вѣру свою, или убѣгали въ пустыни и лѣса, гдѣ заводили для себя пріюты. Но и тамъ ихъ отыскивали, жилища ихъ разоряли, а самихъ приводили къ духовнымъ властямъ для убѣжденій, а въ случаѣ нераскаянности, предавали градскому суду и часто смерти» («Акты историческіе», V, № 223). И этихъ словъ достаточно для уразумѣнія того безвыходнаго страшнаго положенія, въ какомъ находились старообрядцы, особенно во время Іоакимова патріаршества. Имъ не позволялось жить ни въ городахъ, ни въ волостяхъ, ни въ лѣсахъ, ни въ пустыняхъ. Куда же было дѣваться? Ушли они въ лѣса поморскіе, сибирскіе, печерскіе, чердынскіе, кайгородскіе, керженскіе; ушли туда, гдѣ, быть можетъ, до того и ноги человѣкъ не накладывалъ, но сыщики и тамъ ихъ находили. Ихъ ловили, и если они объявляли себя старообрядцами, но не отказывались отъ своихъ вѣрованій, не присоединялись, въ виду казни, къ господствующей церкви, готовъ былъ срубъ или костеръ. Если не сознавались въ расколъ, готовъ былъ кнутъ, а за нимъ ссылка и конфискація имѣнія. Если же наконецъ они обращались въ православіе, имъ, все-таки, на основаніи Софійныхъ статей 1685 года, «чинили наказаніе», послѣ чего отправляли въ домъ патріарха или епархіальнаго архіерея «ради исправленія» на тяжкія работы, за замки и затворы, на хлѣбъ и на вѣду. Старообрядцы бѣгали по лѣсамъ, съ разоренныхъ жилищъ въ глубокія трущобы, за болота, за трясины, но усердные сыщики и здѣсь отыскивали ихъ. Въ это тяжелое для старообрядцевъ время изъ конца въ конецъ русской земли раздавался голосъ наставниковъ старообрядчества: «за рубежомъ древлее благочестіе во ослабѣ» (т.-е. за границей старообрядчество

свободно, не преслѣдуется). И громадныя толпы бросились въ Швецію, въ Пруссію, въ Польшу, въ Турцію, за Кавказъ, въ китайскія владѣнія и даже, если вѣрить Марку Топозерскому, въ Японію». («Полное собр. соч. П. И. Мельникова», т. VII, стр. 32—33, изд. Маркса). Только здѣсь, подъ покровомъ чуждаго намъ правительства коренные русскіе люди находили себѣ спасеніе. На родинѣ же не могли ихъ укрыть отъ сыщиковъ ни горы, ни пустыни, ни болота, ни лѣса и никакія другія тайныя мѣста. Повсюду ихъ ловили и предавали безпощадно истребленію.

Многіе изъ старообрядцевъ еще въ патриаршество Никона и особенно послѣ собора 1667 г. бѣжали въ нижегородскіе предѣлы, преимущественно на рѣку Керженецъ, лѣвый притокъ Волги, впадающій въ нее въ шести верстахъ отъ большого торговаго села Лыскова. Имя рѣки, захватывающей своимъ теченіемъ, вмѣстѣ съ притокомъ Бѣлбашъ, значительную часть Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губ., усвоилось и всей окрестной мѣстности. Керженскіе и чернораменскіе лѣса давали возможность русскимъ вѣрующимъ людямъ найти здѣсь безопасное убѣжище отъ правительственныхъ преслѣдованій. На первыхъ порахъ они зажили на Керженцѣ дѣйствительно спокойно и даже свободно. Средоточіемъ религіозной жизни здѣсь были многочисленныя скиты, вліяніе которыхъ простиралось далеко за предѣлы сосѣднихъ старообрядческихъ поселеній. Мѣстное преданіе связываетъ начало скитовъ съ славными именами первыхъ старообрядческихъ проповѣдниковъ въ нижегородской области: игумена Бизюковскаго монастыря о. Сергія Салтыкова (происходившаго изъ рода смоленскихъ бояръ), инока Ефрема Потемкина и др. выходцевъ смоленскаго края. Основанный ими скитъ *Смоляны* возникъ, какъ гласитъ преданіе, еще въ 1656 г.; въ немъ поселились царскіе

бояре, не хотѣвшіе принять Никоновыхъ новшествъ. Во второй половинѣ XVII в. эта св. обитель была главнымъ центромъ церковной жизни на Керженцѣ. Первымъ руководителемъ ея былъ священноинокъ Діонисій Шуйскій, который имѣлъ при себѣ запасы св. Даровъ и мѣра, освященныхъ патріархомъ Іосифомъ. Преемникомъ о. Діонисія, около 1690 г., сталъ священноинокъ Θεодосій (изъ г. Рыльска). вмѣстѣ съ настоятельствомъ въ скитѣ о. Θεодосій управлялъ и внутренними дѣлами старообрядческой церкви и на всемъ Керженцѣ, ревностно занимаясь распространениемъ древней истинной вѣры, собирая церковные соборы и принимая къ св. Церкви приходящихъ къ ней отъ никоніанства іереевъ. Но правительственные розыски о немъ заставили о. Θεодосія бѣжать сначала въ Калугу, а отсюда на Вѣтку—другой тогдашній церковный центръ старообрядчества. Отсюда священноинокъ Θεодосій продолжалъ, однако, управлять и Керженцемъ. Возникновеніе другого скита преданіе относитъ ко временамъ знаменитаго Соловецкаго сидѣнія, когда царскій воевода Мещериновъ обложилъ древнюю Соловецкую обитель и уже не оставалось надежды на избавленіе ея. Въ это время монастырская икона Казанской Божіей Матери, бывшая раньше комнатною иконой царя Алексѣя Михайловича, была чудеснымъ образомъ перенесена по воздуху въ пустынные лѣса чернораменскіе, на урочище *Шарпанѣ* (близъ г. Семенова); руководимый ею, также чудесно, черезъ дебри, непроходимыя болота и другія препятствія, пришелъ ветхій инокъ-схимникъ Арсеній и основалъ здѣсь свой скитъ, послужившій разсадникомъ множества новыхъ скитовъ по заволжскимъ лѣсамъ. Съ именемъ соловецкаго же выходца, священно-инока Софонія, связывается начало *Софонтіева* скита (верстахъ въ 15 отъ г. Семенова), основатель котораго прибылъ въ кержен-

скіе лѣса еще при Діонисіи Шуйскомъ (около 1677 г.) Изъ насельниковъ этого скита получилъ большую извѣстность въ началѣ XVIII в. приходскій священникъ Авраамій Ивановъ. Почти одновременно съ двумя послѣдними скитами (не позже 1678 г.) возникъ скитъ *Онуфріевскій*. Во главѣ его стоялъ старецъ Онуфрій, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ на окрестныхъ скитниковъ. Изъ женскихъ скитовъ, появившихся на Керженцѣ также еще во второй половинѣ XVII вѣка, большою извѣстностью пользовался въ теченіе многихъ лѣтъ *Оленевскій* скитъ (въ 12 верстахъ отъ г. Семёнова), основанный родственницею св. Филиппа, московскаго митрополита, Анфисою Колычевой (см. «Богословскую энциклопедію», т. IX, столб. 520—523). Всѣхъ обителей старообрядческихъ на одномъ Керженцѣ къ концу XVII столѣтія было около сотни, а всѣхъ старообрядцевъ въ одной Нижегородской губерніи насчитывали сотнями тысячъ душъ.

Разумѣется правительство не оставило въ покоѣ этихъ мирныхъ и глубоко вѣрующихъ русскихъ людей. Сюда былъ командированъ Питиримъ, стяжавшій себѣ громкую извѣстность въ исторіи старообрядчества своей борьбой съ нимъ. Какъ характеризуетъ его дѣятельность свящ. А. Синайскій, «Питиримъ былъ и сыщикомъ, и миссіонеромъ, и администраторомъ, и писателемъ-обличителемъ, и совѣтникомъ Петра» (А. Синайскій: «Отношеніе русской церковной власти къ расколу», стр. 50). Столь разнообразный дѣятель происходилъ изъ простыхъ крестьянъ Нижегородскихъ предѣловъ. Родился Питиримъ въ 1665 году. Въ молодыхъ лѣтахъ ушелъ на польскую границу, въ Стародубскую область. Монашество онъ получилъ, вѣроятно, на Вѣткѣ, здѣсь Питиримъ пробылъ недолго. Онъ возвратился на родину и уклонился въ никоніанство. Что заставило его измѣнить старообрядчеству, остается неизвѣстнымъ.

Впрочемъ послѣдующая его дѣятельность убѣдительно свидѣтельствуешь, что онъ былъ способенъ на какое-угодно дѣло, поэтому его отступничеству съ старообрядчества удивляться не приходится. Отступники обыкновенно фанатики. Таковымъ былъ и Питиримъ. Но его фанатизмъ особенный, проникнутый необычайной жестокостью и ядомъ смерти.

По присоединеніи къ господствующей церкви онъ поселился въ Никольскомъ Переяславскомъ монастырѣ, что въ Переяславль-Залѣскомъ. Здѣсь обратилъ на него вниманіе Петръ I, посѣтившій этотъ монастырь во время шведской войны. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 1707 г. и по благословенію Стефана митрополита рязанскаго и муромскаго Питиримъ назначенъ былъ въ Нижегородскіе предѣлы миссіонеромъ для искорененія здѣсь старообрядчества. Въ его вѣдѣніи находились двѣнадцать участковъ: Нижній, Балахна, Юрьевецъ, Городецкая волость, Чернораменскіе лѣса, Арзамасъ, Алатырь, Курмышъ, Гороховецъ, Вязники, Ерополъ и Ветлуга. За порученное ему дѣло Питиримъ принялся съ большою настойчивостью и рѣшительностью. На мѣстѣ своей дѣятельности онъ обнаружилъ, что почти все населеніе Нижегородскаго края принадлежитъ къ старообрядчеству, даже т. н. православные искренно сочувствовали старой вѣрѣ, а священники господствующей церкви покровительствовали старообрядцамъ и втайнѣ, а иные и явно, переходили на ихъ сторону. На сторонѣ старообрядцевъ была и гражданская власть, во главѣ съ нижегородскимъ «ландрихтеромъ» Нестеровымъ Имѣя обширныя полномочія, Питиримъ озаботился прежде всего убрать отсюда г. Нестерова, на мѣсто котораго, по ходатайству Питирима, былъ назначенъ капитанъ гвардіи Юрій Ржевскій. О немъ Питиримъ отзывался, какъ о ревностномъ своемъ сотрудникѣ по обращенію старообрядцевъ.

«Я имъ зѣло доволенъ»,—писалъ Питиримъ Петру («Раскольниковы дѣла», Есипова, часть II, стр. 265, прилож.).

Въ царствованіе Петра Великаго старообрядцы подвергались безчеловѣчному преслѣдованію. Но въ этомъ дѣлѣ повиненъ не столько Петръ и гражданская власть, сколько іерархическая власть. Великій преобразователь Россіи имѣлъ раньше намѣреніе дѣйствовать на старообрядцевъ мирными способами Равнодушный къ религіи, сильно занятый государственными и военными дѣлами, Петръ едва ли разбирался въ тѣхъ основахъ и причинахъ, которыя создали русскій церковный расколъ. Онъ не подорожилъ даже такимъ церковнымъ учрежденіемъ, каково патріаршество, смѣлся надъ самыми таинствами церковными, кощунствовалъ надъ богослуженіемъ. Въ его глазахъ никакой цѣны не имѣли ни икононская реформа, ни опредѣленія московскихъ соборовъ, ни даже само троестерстіе, изъ-за котораго вели упорную и кровавую войну со всей Россіей архипастыри его времени. Съ ногъ до головы онъ былъ государственнымъ человѣкомъ. Но современное ему духовенство втянуло его и въ религіозную войну со своимъ же народомъ, больше его самого любившимъ свою дорогую родину—святую и благочестивую Русь. Въ сохранившейся собственно-ручной его запискѣ онъ писалъ: «Съ противниками церкви съ кротостію и разумомъ поступать, по апостолу: быхъ беззаконнымъ яко беззаконенъ, да беззаконныхъ приобрящу, быхъ всѣхъ вся да вси... спасу и не такъ какъ нынѣ жестокими словами и отчужденіемъ» (Кабинетскія дѣла, кн. 31, отд. I, стр. 19; у Есипова, т. II, стр. 218). Иначе смотрѣла на борьбу съ «противниками церкви» духовная власть. Наиболѣе яркимъ и откровеннымъ до цинизма выразителемъ ея принциповъ былъ Питиримъ. Донося императору Петру о

громадномъ количествѣ старообрядцевъ въ Нижегородской губ. и о томъ, что «попы едва-ли не все» укрываютъ ихъ, Питиримъ предлагалъ слѣдующія мѣры для борьбы съ старообрядчествомъ: «ловить хватать и наказывать расколуучителей и не худо ихъ неявнымъ промысломъ смирять». Монахнѣ, которыхъ въ лѣсу до четырехъ тысячъ, всѣхъ взять въ монастырь и давать имъ въ пищу хлѣбъ и воду, а которые обратятся, тѣмъ «подобную пищу».—Монахамъ запретить жить въ лѣсахъ, въ поляхъ, на погостахъ и по мірскимъ домамъ—а велѣть жить въ монастыряхъ, а причину выставить «для отводу», что по лѣсамъ въ келіяхъ живутъ бѣглые солдаты, драгуны, разбойники и разные люди, убѣгающіе отъ службы и податей.—Непремѣнно постановить, чтобъ ежегодно собирали штрафъ съ неисповѣдающихся и двойной окладъ съ раскольниковъ, а мы,—писалъ Питиримъ,—подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ писаніемъ удобнѣе къ церкви присоединяти будемъ.—Въ старосты и бурмистры раскольниковъ не выбирать. Разорить немедленно раскольниковыя поселенія и церковь на вѣткѣ: «велія будетъ въ томъ польза, понеже бѣжать будетъ некуда». Произвести слѣдствіе о полахъ, утаивающихъ раскольниковъ и жестоко ихъ наказать для примѣра; къ тому и въ Москвѣ и въ другихъ городахъ попы укрываютъ раскольниковъ. Въстѣ съ тѣмъ Питиримъ объяснялъ Петру, что онъ, зная все, не извѣщалъ ландратамъ (мѣстной полиціи) изъ опасенія, что раскольники не будутъ приходить къ нему и бесѣдовать, обращенію будетъ препятствіе «и чтобы не дать имъ знаку», что онъ ихъ гонитъ» («Раскольниковы дѣла», Есипова, т. II, стр. 220—221). Жаловался Питиримъ Петру, что «и градскіе начальники, и волостные прикащики, и старосты» не только не помогаютъ ему въ дѣлѣ обращенія старообрядцевъ въ государственную церковь, но

и препятствіе ему чинять («Исторія нижегородской іерархіи», стр. 47).

Доносъ Питирима во многихъ отношеніяхъ характеренъ. Этотъ доморощенный іезуитъ предлагаетъ іезуитскія средства: «не явнымъ промысломъ смирать» старообрядцевъ, а косвеннымъ, т.-е. преслѣдовать ихъ въ дѣйствительности за ихъ вѣру, а «для отводу» придумывать иную причину преслѣдованій. Питиримъ безъ всякаго стѣсненія совѣтывалъ русскому монарху обманывать свой народъ. Предлагая Петру «жестоко наказывать» старообрядцевъ и сочувствующихъ имъ іереевъ, онъ въ то же время заботится о томъ, чтобы старообрядцамъ не было дано «никакого знаку, что онъ ихъ гонитъ». Хотѣлось ему щеголять предъ ними въ «овечьей одеждѣ».

Доносъ Питирима имѣлъ рѣшительный успѣхъ. Петръ призналъ іезуитскую дѣятельность Питирима «равноапостольной» и на его доносъ положилъ такую резолюцію: «По сему прошенію отца игумена Питирима запрещается всѣмъ—ему возбранять въ семъ его равноапостольскомъ дѣлѣ; но повелѣвается ему паче вспомогать. Ежели же кто въ семъ святомъ дѣлѣ ему препятствовать будетъ, тотъ *безъ всякаго милосердія казенъ будетъ смертію*, яко врагъ святыя церкви; а буде кто изъ начальствующихъ не будетъ помогать, тотъ будетъ лишенъ имѣнія своего» («Исторія нижегородской іерархіи», стр. 48). Страшная смертная казнь стала опорой въ «равноапостольскихъ» подвигахъ знаменитаго автора «Пращицы духовной». Петръ Великій пошелъ и на іезуитскую удочку Питирима. Въ инструкціи, данной имъ Юрію Ржевскому, онъ собственноручно начерталъ слѣдующія мѣры воздѣйствія на старообрядцевъ: «Буде возможно, явную вину сыскать, *кромѣ раскола*, такихъ съ наказаніемъ и, вырѣзавъ ноздри, ссылатъ на галеры, а *буде нѣтъ причины явной*,

то чинить съ ними по словесному указу. Объ всѣхъ этихъ дѣлахъ совѣтовать съ помянутою персоною (т. е. Птиримомъ) *какъ можно тайно*, дабы о томъ другіе никто не вѣдали» (Есиповъ, т. II, стр. 221—222) «Въ этомъ распоряженіи явно,—говоритъ о немъ г. Есиповъ,—что Петръ Первый въ это время имѣлъ намѣреніе дѣйствовать осторожно съ расколомъ и не желалъ, чтобы раскольники думали, что Птиримъ и онъ воздвигли на нихъ гоненіе. При его рѣшительномъ характерѣ и твердой волѣ, не стѣснявшейся ни чѣмъ и не знавшей препятствій, замѣчательна уклончивость, какая-то нерѣшительность — и до такой степени, что при наказываніи и ссылкѣ расколуучителей онъ велѣлъ Ржевскому приписывать причины виѣ раскола» (тамъ же). Такой хитрости Петра удивляется и другой изслѣдователь правительственныхъ мѣръ, направленныхъ при Петрѣ противъ старообрядцевъ (священникъ А. Синайскій). «Еще хуже были,—говоритъ онъ,—дѣйствія противъ старообрядцевъ тайныя, соединенныя съ хитростью и прикрытыя другими, quasi благовидными, побужденіями. Замѣчательно то, что къ подобнымъ, противорѣчившимъ открытому и рѣшительному своему характеру, мѣрамъ прибѣгалъ самъ Петръ, давая соблазнительный примѣръ для подражанія другимъ лицамъ; извѣстно, что царь далъ совѣтъ (т. е. приказаніе) Птириму, при изслѣдованіи и наказаніи старообрядцевъ, «сыскивать явную вину, буде возможно, кромѣ раскола». Это значитъ: дозволялось придумать другое преступленіе для увеличенія наказанія; отыскивать такое преступленіе было не трудно: «для отводу» выставляли, напримѣръ, (если ловили тайныхъ старообрядцевъ) то, что по лѣсамъ въ кельяхъ живутъ бѣглые солдаты, разбойники и разные люди, убѣгающіе отъ службы и податей. Хотя это распоряженіе Петра дано было въ 1718 году, но оно не потеряло своего

значенія и дѣйствія и въ послѣдніе годы его царствованія» («Отношеніе русской церковной власти къ расколу», свящ. Синайскаго, стр. 305—6).

Заручившись такими неподобными распоряженіями самого императора, миссіонеръ Питиримъ и его сподвижникъ капитанъ гвардіи Ржевскій принялись за возложенное на нихъ дѣло вразумленія и обращенія старообрядцевъ съ присущей имъ страстью и жестокостью. Началась звѣриная ловля старообрядцевъ. Питиримовскій принципъ «хватать, ловить и наказывать» осуществлялся въ чудовищныхъ размѣрахъ. Питиримъ доносилъ Петру, что онъ тысячами обращаетъ старообрядцевъ: съ 1718 г. по 1724 г. онъ «обратилъ въ православіе» 68,462 старообрядца (мужскаго пола 35,375, женскаго—33,087). Успѣхъ необычайный. Средствами вразумленія были: штрафы, непосильныя оплаты, тюрьма, ссылка, каторжныя работы, битье кнутомъ, рванье ноздрей, пытки и смертная казнь. Истязывали и казнили не только мужчинъ, но и женщинъ, не давалось пощады и дѣтямъ. Ловили и ссылали и священниковъ. Послѣднихъ привлекали къ отвѣтственности большими десятками лицъ. Въ 1721 г. Питиримъ доносилъ Петру: «Еще предлагаю Вашему Величеству, попы разныхъ церквей *числомъ осьмьдесятъ пять*, въ росписяхъ укрывали раскольщиковъ—писали не раскольщиками, неисповѣданныхъ исповѣданными, и таковыхъ Вашего Величества указомъ *повѣлено обножа священства наказавъ, посылать на каторгу*. А мнѣ о нихъ присмотрѣлся, что они въ томъ не научены и не остережены были отъ архіерея своего, и не повелить ли Ваше Величество отъ такового наказанія ихъ пожаловать свободою, кромѣ оныхъ, кои не исправятся впредь въ таковыхъ винахъ. А о раскольщикахъ нынѣ прилежать надобно, *не опуская со всѣхъ сторонъ*, елико можно, понеже они во всей догмѣ по прежнему изне-

могли, и инаго они о себѣ способу не смотрятъ *точію бѣжати туды*, гдѣ объ нихъ не прирадятъ ко обращенію и къ правожѣ съ нихъ денегъ за расколъ, того ради, что въ прочихъ губерніяхъ и во епархіяхъ о нихъ весьма упущено» (Есиповъ, т. II. стр. 266, въ прилож.). Какое искреннее признаніе вырвалось у Питирима относительно старообрядцевъ: онъ такъ усердно ихъ «вразумлялъ», что у нихъ не оставалось никакого иного способа избавиться отъ его «вразумленій», какъ «точію бѣжати» въ другія губерніи и епархіи. Но пекущійся о ихъ «спасеніи» Питиримъ слѣшитъ указать императору, чтобы и въ этихъ губерніяхъ и епархіяхъ не было бы «упущено» обычное у него «вразумленіе» старообрядцевъ. Неизвѣстно, помиловалъ ли кого Петръ изъ числа 85 священниковъ, указанныхъ Питиримомъ. Но самъ Питиримъ, хлопотавшій за нихъ, не давалъ никакой пощады тѣмъ священникамъ, которыхъ онъ хотя бы въ чемъ-либо заподозрилъ въ склонности къ старой вѣрѣ. Въ 1723 г. Питиримъ, будучи уже архіереемъ, лишилъ сана 52 священника разныхъ сель нижегородскаго, алатырскаго и балахнинскаго уѣздовъ,—однихъ за то, что укрывали старообрядцевъ, другихъ—за совершеніе службъ по старому требнику (Синайскій, стр. 58—59).

Огромное количество изловленныхъ Питиримомъ поповъ въ одной только Нижегородской губерніи и уличенныхъ въ склонности и покровительствѣ старообрядчеству показываетъ, что низшее духовенство господствующей церкви было на сторонѣ старообрядчества и раздѣляло его вѣрованія, а нерѣдко и страданія. Сохранялись донесенія императору Петру Питирима и капитана гвардіи Ржевскаго о ихъ мѣрахъ борьбы съ старообрядчествомъ. Жестоко и безчеловѣчно раздѣлывались эти «равноапостолы» съ русскими вѣрующими людьми и ихъ пастырями. Въ 1718 г.

Ржевскій доносилъ: «А нынѣ до Вашего Величества послалъ раскольщиковъ не обратныхъ сущихъ и замерзѣлыхъ, они же и указу твоему учинилися противны, и положеннаго окладу платить не хотятъ, и отреклися обратно и за то биты кнутомъ и выняты ноздри, и посланы въ каторжную работу числомъ 23 человекъ, и въ томъ же числѣ посланъ раскольникъ не обратный Василій Пчелка, который подъ образомъ юродства многихъ развращалъ въ расколъ и пакости дѣялъ,—а посланъ съ такимъ же наказаніемъ, какъ и тѣ противники. Да такихъ же замерзѣлыхъ раскольниковъ, *женскаго полу* 46 человекъ, послалъ въ дѣвничій монастырь въ вѣдомство Питиримово подъ начальъ, совѣтовавъ съ нимъ же Питиримомъ, негли кто и обратится, а они указу твоему воспротивилися же и положеннаго окладу платить отреклися, и за то изъ нихъ *учительницы ихъ биты кнутомъ* 13 человекъ, чего безъ наказанія оставить было нельзя. А при томъ *наказанія въ народъ расколу ихъ не являли, только за противность твоею Государь указу наказаны*» (Есиповъ, т. II, стр. 195, въ прилож.). Подъ этимъ донесеніемъ подписанъ и «доброжелательный и нижайшій богомолецъ Питиримъ». Замѣчательно въ этомъ донесеніи сообщеніе, что настоящая вина наказанныхъ лицъ скрывалась отъ народа. Народу объявляли Ржевскій и Питиримъ, что они бьютъ кнутомъ русскихъ людей, вырываютъ имъ ноздри и ссылаютъ ихъ въ каторгу не за вѣру, какъ было на самомъ дѣлѣ, а «запротивность» государю. Въ этомъ фактѣ заключается признаніе тогдашней государственной и духовной власти, что русскій народъ былъ на сторонѣ старообрядцевъ. Иначе зачѣмъ было бы скрывать отъ него, что старообрядцевъ преслѣдуютъ за вѣру и выдумывать на нихъ «для отводу» иную вину, совсѣмъ не религіознаго, а политическаго характера.

Въ февралѣ 1719 г. Ржевскій доносилъ Петру:

«Да присланы ко мнѣ отъ Питирима архимандрита замерзѣлыя самыя противники учителя раскольническіе келейныя жители Василій Власовъ, Василій Ивановъ, и за то имъ учинено наказаніе: биты кнутомъ и вырѣзавъ ноздри посланы на каторгу» (тамъ же, стр. 202). 23 ноября 1719 года Ржевскій отправилъ 13 чело-вѣкъ въ Петербургъ на каторгу, въ томъ числѣ двухъ поповъ, которые скрывали старообрядцевъ. Объ этихъ посланныхъ на каторгу Ржевскій доносилъ государю: «По тому твоему Царскаго Пресвѣтлаго Величества указу въ Нижегородской губерніи по сыску явились попы, которые укрывали раскольщиковъ и писали въ поданныхъ своихъ росписяхъ исповѣданныхъ исповѣданными, и раскольщиковъ не раскольщиками, а многихъ укрывая и въ росписяхъ не писали. И за то они попы разстрижены и наказаны: биты кнутомъ и посланы въ каторжную работу. Да съ ними же посланы въ тое работу раскольщики: попъ ихъ раскольническій, который между ими называлъ себя патріархомъ, разстриженъ же и битъ кнутомъ и ноздри пороты. Да заводчики раскола Нижняго-Новгорода, жители ямщики съ товарищи ихъ, наказаны жъ биты кнутомъ и ноздри пороты» (Есиповъ, т. II, стр. 212—213, въ прилож.). Всѣ наказанныя и сосланные на каторгу лица утѣшали себя тѣмъ, что они все же остались при старой вѣрѣ, не измѣнили Церкви истинной. Вырвали у нихъ ноздри, изуродовали ихъ тѣло, но не вырвали и не изуродовали ихъ души и ихъ вѣры. Но были случаи, что принуждали людей старой вѣры отказаться и отъ послѣдней. Вотъ яркій образчикъ тѣхъ способовъ и средствъ, какими удавалось Питириму совращать старообрядцевъ въ никоніанство.

22 февраля 1720 г. Императоръ Петръ отдалъ приказаніе относительно одного старообрядца, нѣкоего Іоны Львова: «Іону пытать до обращенія или до смерти,

ежели чего по розыску не явится». За что назначенъ былъ къ такой жестокой пыткѣ Іона, въ дѣлѣ не сохранилось документовъ. Остались только отмѣтки о его пыткахъ и доказательства, что онъ «обратился отъ раскола». 22 февраля отмѣчено въ дѣлѣ: «А Іона Львовъ ко обращенію ни мало склонился и ничего не говорилъ и было ему 23 удара». На другой день снова пришлось его увѣщателямъ доказывать ему спасительность никоніанства. Доказательства приводили все тѣ же—битье. 24 февраля отмѣчено въ дѣлѣ: «А Іона ничего не говорилъ, какъ и съ прежняго розыску—было ему 15 ударовъ». Новыхъ пятнадцать доказательствъ правоты никоновской вѣры мало помогли дѣлу: Іона оставался непреклоннымъ. Тогда устроили съ нимъ диспутъ. Въ дѣлѣ значитъ: «25 февраля Александровскаго монастыря архимандритъ Θεодосій съ помянутымъ Іоною Львовымъ имѣлъ диспуты, при которыхъ оной Львовъ къ обращенію ни малой склонности не показалъ и говорилъ тоже, какъ въ воровскихъ его письмахъ написано». И диспутъ оказался малоубѣдительнымъ. Снова начали убѣждать Іону ударами кнута. 3 марта отмѣчено: «А Іона Львовъ, какъ и съ прежнихъ двухъ розысковъ ничего не говорилъ, было ему 11 ударовъ». «16 марта Іоною Львовымъ розыскивано въ четвертый. А съ розыску ничего не говорилъ, было ему 37 ударовъ». Начали, какъ видимъ, съ большей силой убѣждать Іону въ правотѣ никоніанства: сразу нанесли ему 37 ударовъ, но и такое количество аргументовъ не сломило стойкости мученика. «Того жъ марта 22 день выше писаннымъ Іоною Львовымъ розыскивано въ пятыя. А съ розыску не говорилъ ничего же, было ему 15 ударовъ». Снова ни къ чему не привели столь важныя доказательства истинности новой вѣры. Увѣщанія продолжались. «И марта въ 31 день выше писаннымъ Іоною Львовымъ розыскивано въ

шестыя. А съ розыску ничего не говорилъ же, было ему 55 ударовъ». Последнее вразумленіе по количеству своихъ ударовъ превзошло всѣ предыдущія увѣщанія. И измученный Іона заколебался. «И апрѣля 10 дня сего 720 года,—говорится въ дѣлѣ,—вышеписанный Іона Львовъ, черезъ бомбандира Никифора Соловьева, который у него на караулѣ, требовалъ, чтобъ повелѣно было къ нему быть Александроневскаго монастыря іеромонаху Прибыловичу. И апрѣля въ 13 день архимандритъ Θεодосій въ тое канцелярію прислалъ того іеромонаха Прибыловича, который помянутому Іонѣ Львову объявленъ, и спросилъ оной іеромонахъ его Іону, чего ради онъ видѣть его требовалъ, и онъ Іона на то ему отвѣтствовалъ: какъ де мнѣ быть, я насмертникъ есть, прошу де твоего о томъ ученія. И онъ, іеромонахъ Прибыловичъ, началъ его учить о вѣрѣ, отъ святыхъ книгъ, отъ евангелія и отъ апостола, и отъ прочихъ, чтобъ онъ Іона отъ заблуждающагося пути, то есть отъ расколу, обратился къ восточной католической соборной и апостольской церкви, и онъ Іона, слушая того ученія, сказалъ: изрядныя де твои *сладкія глаголы*, которымъ де послѣдую и я прежде въ расколѣ заблужденіе отmeshу и хочу де быть сынъ той восточной церкви». (Есиповъ, т. II, стр. 271—272). Наконецъ-таки убѣдили Іону «сладкими глаголы» присоединиться къ «соборной и апостольской церкви». «Сладкіе» глаголы были подкрѣплены 156-ю ударами. Нужно удивляться, какъ могъ многострадальный Іона выдержать такое жестокое увѣщаніе. Видно, крѣпкій былъ человекъ;—слабый съ первыхъ же дней отдалъ бы Богу душу. Били тогда безъ всякой пощады и съ звѣриной яростью. Тысячи русскихъ людей скончали животъ свой подъ воздействиемъ такихъ увѣщаній, а еще большее число ихъ обратилось въ новую никоновскую вѣру, не выдержавъ внушительной силы не-

обыкновенно «сладкихъ глаголовъ» пастырей господствующей церкви.

Съ цѣлю отыскать старообрядцевъ, какимъ-нибудь способомъ укрывшихся отъ сыска, Пителимъ пускалъ въ ходъ не одни штрафы и тѣлесныя вразумленія, онъ пользовался въ широкихъ размѣрахъ и проклятіями и анаѣмами. «Аще явный раскольщикъ, а укрывается по согласію съ попомъ церковнымъ, якобы онъ сынъ святыя церкви и попъ таковаго воровски укрывая называетъ себѣ сыномъ духовнымъ, то повелѣтъ,—требуется Пителимъ,—того раскольщика исповѣдати иному попу суще вѣрному, которой не укрьлъ бы раскольщика, а по исповѣданіи оный раскольщикъ, *аще бы онъ былъ и недостойнъ святыхъ таинъ причащенія*, но убо ради о немъ достовѣрнаго свидѣтельства, подобаетъ архіерею оныя грѣхи возбраняющія отъ святаго причащенія разрѣшать и *святыхъ таинъ повелѣтъ причаститъ*, но непросто: первое въ день недѣльный привести таковаго, иже подъ мнѣніемъ, въ соборную церковь, и по облаченіи предъ часами повелѣтъ оному раскольниковъ проклинать и *себя самого* сицевымъ образомъ: проклинаю всѣхъ тѣхъ, которыя святѣйшаго патріарха Никона называютъ еретикомъ и неправославнымъ, *да будутъ они прокляты и анаѣма*. Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже патріарховъ восточныхъ и московскихъ по Никонѣ и до сего настоящаго года престоль правящихъ, неисповѣдающихъ быти православными, но паче называютъ раскольщиками и еретиками, и всѣхъ архіереевъ и до священниковъ также называющихъ, *да будутъ они вси прокляты и анаѣма*. Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже нынѣ не исповѣдаютъ и не вѣруютъ во святѣй восточнѣй и велико-россійской церкви отъ архіереевъ и іереевъ совершающееся подъ видомъ хлѣба тѣло Христова и подъ видомъ вина кровь Христова, *да будутъ они прокляты и анаѣма*.

Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже нынѣ не вѣруютъ и не исповѣдуютъ во святѣй восточнѣй и великороссійской церквѣ отъ архіереевъ и іереевъ совершающихся всѣхъ святыхъ седми тайнахъ и о прочемъ ихъ церковномъ дѣйстви, *да будутъ они прокляты и анаѳема.* Проклинаю всѣхъ, иже нынѣ не крестятся тремя первыми персты, но крестятся двумя персты указательнымъ и среднимъ, *да будутъ прокляты и анаѳема.* Проклинаю всѣхъ таковыхъ, иже нынѣ говорятъ по псалмѣхъ *аллилуіа по дважды, а не по трижды, да будутъ прокляты и анаѳема.*

Дальше идутъ проклятія на старообрядческихъ исповѣдниковъ и мучениковъ и на всѣ старообрядческія согласія. Заканчиваются проклятія и анаѳемы слѣдующимъ самопроклятіямъ.

«Аще ли азъ имркъ, или отецъ мой или мати моя или братія и сестры мои, или жена моя, или дѣти мои, или сродники мои, онымъ вышеписаннымъ толкамъ, аще всѣмъ или коему отъ нихъ послѣдую и послѣдуютъ и таяжде противная мудрствую и мудрствуютъ, буди азъ проклятъ и анаѳема, и они будите прокляты и анаѳема. И аще ли азъ вышеписанныхъ всѣхъ противниковъ и раскольщиковъ и своихъ родственниковъ и себѣ самого проклиналъ ложно и лестию, буди я проклятъ и анаѳема не прощено въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Аминь!» («Раскольничьи дѣла», Есипова, т. II, стр. 215—217, въ прилож.).

Жестокъ и неумолимъ былъ Питиримъ и въ анаѳемахъ: не пощадилъ ими ни отца, ни матери, ни дѣтей, ни жены и никого изъ родственниковъ. Всѣхъ ихъ проклялъ. Но и этого ему было мало. Послѣ страшныхъ проклятій и анаѳемъ онъ заставлялъ проклинателя непременно причаститься, «хотя бы онъ былъ и недостойнъ святыхъ таинъ причащенія». Причастіе давалось не для очищенія отъ грѣховъ, не для душевнаго

спасенія, а съ цѣлью сыска,—посредствомъ причащенія узнавали: не «раскольщикъ-ли» это, «укрывавшійся по согласію съ попомъ церковнымъ.» Въ убійственной степени невыносима была тогда жизнь русскихъ людей. Некуда было имъ укрываться отъ сыщиковъ и гонителей: всюду ихъ разыскивали и если не добивали кнутомъ, то доканчивали анаеемами и насильственнымъ причащеніемъ.

Выступилъ Питиримъ противъ старообрядцевъ и съ полемической дѣятельностью. Она не менѣ замѣчательна, чѣмъ и полицейская его дѣятельность. Любопытна исторія появленія Питиримовой «Пращицы духовной». Въ Керженскихъ скитахъ жилъ въ это время діаконъ Александръ. По собственному его признанію на слѣдственномъ допросѣ о немъ, онъ происходилъ изъ посадскихъ людей, «изъ пригорода Костромского, называемаго Нерехта», родился въ господствующей церкви и состоялъ дякономъ «у церкви Владимирской Богородицы въ дѣвичьемъ монастырѣ», находившемся въ поименованномъ пригородѣ. Когда діакону Александру было 28 лѣтъ (въ 1701 или 1702 г.), въ немъ зародилось сомнѣніе въ истинности господствующей церкви. Онъ былъ любознательнымъ человѣкомъ и не лѣнился читать старыя книги. Читая ихъ, онъ находилъ въ нихъ тѣ самые уставы, чины, преданія, обычаи, за которые современная ему церковь предавала христіанъ строгому осужденію и проклятію. Поговорилъ онъ по этому поводу съ однимъ и съ другимъ попомъ. Тѣ подтвердили, что дѣйствительно нынѣ преслѣдуются не новшества, не ереси, а глубокая старина—святыя преданія и обычаи древней Церкви. «Сталъ Александръ молиться образу Богородицыну чудотворному, который въ той церквѣ (гдѣ онъ служилъ), при-

ходя на одинъ, чтобъ показала ему путь истинный. И то продолжалось съ полгода со слезамъ». Молитва его была услышана. Нѣкая старица Елизавета, умная и начитанная женщина, повѣдала ему «съ великимъ ужасомъ», что «нынѣ вѣра неправая», но говорить объ этомъ опасно, такъ какъ «за то мучаютъ». Но «потомъ во многіе дни» она раскрыла ему подробно, какъ и изъ-за чего произошелъ церковный расколъ при Никонѣ и указала, что «истинная вѣра обрѣтается въ сокровенномъ мѣстѣ, а именно въ лѣсу, въ нижегородскихъ пустыняхъ». «Коли хочешь спастись,—заклучила благочестивая старица,—то туда поди». Діаконъ Александръ съ готовностью и радостью послушалъ этого спасительнаго совѣта и отправился на Керженецъ, гдѣ и былъ принятъ къ истинной Церкви. Здѣсь онъ принялъ постриженіе отъ священника Лаврентія, управлявшаго однимъ изъ керженскихъ скитовъ. Послѣ смерти о. Лаврентія діаконъ Александръ сталъ начальникомъ этого скита. Къ тому времени, какъ Питиримъ воздвигъ гоненіе на нижегородскихъ старообрядцевъ, діаконъ Александръ уже стяжалъ себѣ славу мудраго духовнаго руководителя и знатока церковныхъ вопросовъ. Онъ былъ ненавистенъ Питириму, и послѣдній принялъ мѣры погубить его. «Равноапостольный» Питиримъ началъ съ полемики, а закончилъ убійствомъ діакона Александра.

1-го января 1716 г. Питиримъ отправилъ діакону Александру и его сожителемъ: священнику Герасиму и старцамъ Іосифу и Варсанофію 130 различныхъ вопросовъ, требуя подробнаго отвѣта на каждый изъ нихъ. Вопросы не заключали въ себѣ ничего неразрѣшимаго или затруднительнаго для старообрядцевъ. Отвѣчать же на нихъ было опасно. Они вызывали старообрядцевъ на признаніе, что господствующая церковь погрѣшаетъ въ своихъ вѣрованіяхъ и установленіяхъ. Но такое признаніе каралось, какъ хуленіе, жестоко—

пытками и казнями. Поэтому діаконъ Александръ и его товарищи всѣми силами старались уклониться отъ дачи отвѣтовъ. Но неумолимый авторъ вопросовъ настойчиво требовалъ отвѣтовъ и грозилъ поименованнымъ старообрядческимъ вождямъ смертной казнью, если они «противъ присланныхъ вопросовъ не будутъ отвѣтствовать», при чемъ ставилъ имъ на видъ, что вопросы его посланы съ тѣмъ собственно намѣреніемъ, чтобы старообрядцевъ «всеусердно отъ расколу обращати и въ соединеніе святой церкви привести», т.-е. требовалъ отъ отвѣтчиковъ прямой измѣны старообрядчеству.

Что же было дѣлать діакону Александру и его товарищамъ? Не отвѣчать нельзя: за это имъ грозила смертная казнь. Но и отвѣтить по совѣсти и убѣжденію своему—тоже не избѣжать смертной казни. Отступить же отъ св. Церкви и сдѣлаться соучастникомъ коварнаго и безчеловѣчнаго Птирима—это значило измѣнить Христу и Его святымъ и вѣчнымъ завѣтамъ. Положеніе отвѣтчиковъ было безвыходное. Чтобъ какъ-нибудь выбраться изъ него, они рѣшили написать Птириму свои вопросы. Это не такъ опасно: въ нихъ они выступаютъ не обвинителями и не обличителями, а только вопрошателями, желающими слышать разъясненія на свои недоумѣнія. Они составили 240 вопросовъ и подали ихъ Птириму. Однако это не выручило ихъ изъ бѣды. Птиримъ принялъ отъ нихъ вопросы и, обѣщавъ написать на нихъ отвѣты, все-же требовалъ и на свои вопросы непременно дать письменные отвѣты.

Болѣе трехъ лѣтъ тянулось дѣло съ вопросами Птирима. Много выстрадали за это время старообрядческіе отвѣтчики. Птиримъ всячески ихъ истязывалъ: почти цѣлый годъ высидѣли они въ заключеніи, были «заклепаны и въ кандалы». Но отъ подачи отвѣтовъ

не могли уклониться. Они, наконецъ, написали свои отвѣты и представили ихъ Питириму. Отвѣты вышли знаменитыми. Полагаютъ, что въ составленіи ихъ принималъ участіе извѣстный поморскій писатель, киновіархъ Выговской пустыни, Андрей Денисовъ. Питиримъ былъ прямо ошеломленъ старообрядческими отвѣтами, получившими потомъ названіе «Діаконовскихъ отвѣтовъ». Возражать противъ несокрушимой ихъ аргументаціи онъ не могъ. Питиримъ прибѣгъ тогда къ обычному своему приему. Подъ угрозой пытокъ и казней онъ потребовалъ отъ отвѣтчиковъ письменнаго отказа отъ своихъ отвѣтовъ, какъ неправо составленныхъ. Одинъ изъ отвѣтчиковъ, Варсонофій, еще раньше этой угрозы отказался отъ отвѣтовъ и велъ себя подозрительно, состоя въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Питиримомъ; остальные же отвѣтчики: діаконъ Александръ, священникъ Герасимъ и старецъ Іосифъ твердо стояли за правоту своихъ отвѣтовъ. Однако послѣ Питиримовскихъ угрозъ и они «убоялись большихъ мукъ и ссылокъ и ноздрей рванія» и вынуждены были подписать предложенное имъ Питиримомъ отреченіе отъ своихъ отвѣтовъ. Тогда «равноапостольный» Питиримъ продѣлалъ такую комедію.

Перваго октября 1719 г. Питиримъ пріѣхалъ изъ Нижняго-Новгорода въ с. Пафнутово, Дрюковской волости, и собралъ здѣсь множество народа; по его приказанію были приведены подъ командой солдатъ и составители отвѣтовъ—діаконъ Александръ съ старцами. Въ мѣстномъ храмѣ Питиримъ совершилъ литургію, по окончаніи которой вышелъ въ облаченіи, съ крестомъ и Евангеліемъ, на приготовленное возвышеніе, размѣнялся отвѣтами съ діакономъ Александромъ и прочиталъ свое посланіе, въ которомъ говорится, что онъ будто бы заботится о спасеніи старообрядцевъ по любви пастырской и по заповѣди Христовой. По про-

чтеніи посланія Питиримъ сталъ задавать о. діакону Александру вопросы. Но діаконъ стоялъ съ поникшею головою, ничего не отвѣчалъ на вопросы Питирима. Варсонофій же, рѣшившій страха ради измѣнить старообрядчеству, подалъ Питириму отъ имени отвѣтчиковъ отреченіе отъ отвѣтовъ. Въ этомъ отношеніи говорится: «Разсуждали мы многое время и разумѣли подлинно, что противу вопросовъ отвѣчали неправо, а на многіе не отвѣчали, понеже мы не возмогохомъ, како бы отвѣщати праведно. И того ради просимъ, по совѣту всего нашего сословія: прости насъ безъ истязанія въ оныхъ неправедныхъ нашихъ отвѣтахъ, понеже мы не можемъ отвѣщати нынѣ и впредь, а мы оныя наши отвѣты полагаемъ ни во что, яко бы и не писаны». Дальше излагается, что отвѣтчики съ клятвой отрекаются отъ своихъ отвѣтовъ и призываютъ на себя судъ царевъ и Божій, если стануть хвалить свои отвѣты. Наконецъ, добавляють, что они написали настоящее отреченіе не по нуждѣ и насилію, но по доброй своей волѣ. Въ послѣднемъ заявленіи звучало сомнѣніе Питирима, что народъ не повѣритъ искренности представленнаго отреченія. По прочтеніи отреченія Питиримъ однако не успокоился, онъ настойчиво требовалъ продолжать споръ. Старцы же просили прошенія, «больше ничесоже отвѣщавающе, точію поклоняющесе и лежаху не возстающе на долзѣ». Въ заключеніе разыгранной комедіи, которая для старообрядцевъ была трагедіей, Питиримъ снова приказалъ прочитать отреченіе, послѣ чего знаменитый споръ закончился. Питиримъ торжествовалъ побѣду надъ беззащитными и запуганными старообрядцами.

О своихъ успѣхахъ онъ поспѣшилъ сообщить въ Петербургъ. Съ нескрываемою радостью онъ писалъ, что съ «раскольническими учителя съ дякономъ и съ протчими вопросами и отвѣтами размѣнялися» и что

«та размѣна по премногу церкви святѣй благополучна» «а на отвѣты ихъ азъ, — заканчивалъ Питиримъ свое донесеніе, — имѣю намѣреніе сдѣлать возраженіе» (Есиповъ, т. I, стр. 642—643). Намѣренія этого Питиримъ не привелъ въ исполненіе до самой смерти. Онъ не въ состояніи былъ разобраться въ неопровержимо обоснованныхъ отвѣтахъ діакона Александра. Прошло почти двѣсти лѣтъ, какъ написаны эти отвѣты, а на нихъ до сихъ поръ не послѣдовало опроверженія со стороны миссіонеровъ и иныхъ представителей господствующей церкви. Питириму они принесли большое безпокойство. Онъ все заботился, какъ бы они не проникли въ народъ, все допытывался: не оставили ли составители отвѣтовъ копіи у себя съ этой своей замѣчательной работы.

Вскорѣ послѣ такъ ловко разыграннаго диспута съ старообрядцами въ с. Пафнутовѣ Питиримъ отправился въ Петербургъ, захватилъ съ собой и старца Варсонофія, окончательно отступившаго отъ старообрядчества. Остальные же старообрядческіе старцы, во главѣ съ діакономъ Александромъ, горько раскаявались въ своемъ малодушіи, вслѣдствіе котораго они дали возможность Питириму торжествовать побѣду надъ св. вѣрой. Они открыто повѣдали своимъ духовнымъ отцамъ и всему народу, что отреченіе отъ отвѣтовъ подписали и подали Питириму противъ совѣсти своей, убоявшись пытокъ и мукъ. Діаконъ же Александръ, мучимый совѣстью, рѣшился на смѣлый шагъ: онъ отправился въ Петербургъ и подалъ императору Петру слѣдующее прошеніе.

«Въ прошломъ 1716 году, нижегородскій алатырскій епископъ Питиримъ, бывши игуменомъ въ Бѣлбошскомъ Троицкомъ монастырѣ, прислалъ къ намъ скитожительствующимъ послѣднимъ богомольцемъ твоимъ убогимъ старцемъ 130 вопросовъ за своею рукою, прося

у насъ на тѣ вопросы отвѣтовъ; и мы убогіе, тако жъ написавъ, подали ему епископу Питириму своихъ вопросовъ 240, желая черезъ его отвѣты въ сомнѣніи нашимъ отъ святаго писанія рѣшеніе получить. И онъ противъ вопросовъ нашихъ отвѣщать обѣщаль, такожде и намъ всѣмъ противъ своихъ вопросовъ отвѣты написать и, написавъ, хотѣлъ отвѣтами размѣняться и читать предъ народомъ, яко да всякая правда и неправда на среди изыдетъ. И мы за недостатки книгъ и за скудость ума нашего отвѣтовать отрицалися, о чемъ, пришедъ къ нему въ монастырь, просили его, чтобъ отвѣтовъ отъ насъ не истязалъ, да не на досаду и прогнѣваніе возмнится наше отвѣтствованіе, за что онъ велѣлъ держать насъ за карауломъ близъ года, и мы убогіе за онымъ принужденіемъ на вопросы его, сидя во узахъ, писали къ своимъ, чтобъ отвѣты готовили, и елико возмогли, собравъ отъ святаго писанія отвѣты, написавъ подаша ему епископу въ маѣ мѣсяцѣ, зато онъ обѣщаль насъ выпустить, а принявши наши отвѣты, своихъ отвѣтовъ онъ, епископъ, тогда намъ не отдалъ и въ правдѣ своей не устоялъ и насъ не свободилъ, но паче съ яростію велѣлъ насъ заковать въ кандалы и держалъ за крѣпкимъ карауломъ и угрожалъ ранами и, пріѣхавъ онъ, епископъ, изъ Нижняго со многими солдаты въ Дрюковскую волость, въ село Пафнутово, сентября въ послѣднихъ числахъ, и повелѣлъ многихъ людей собрать, да и насъ велѣлъ изъ монастыря своего привести на Пахнутово жъ; и очернилъ онъ епископъ своею рукою доношеніе на имя наше о отложеніи отвѣтовъ нашихъ и прислалъ со старцемъ Варсофіемъ къ намъ на подворье и велѣлъ переписать на бѣло и, приложивъ руки, подать предъ народомъ и ни въ чемъ не спорить, хоша де станетъ и истязать васъ, что бы вы противъ вопросовъ отвѣтствовали, а вы де кланяйтеся, чтобъ не отвѣтствовать,

но довѣтъ доношеніемъ; и мы убогія, во узахъ истомленныя, убоявся отъ него епископа большихъ мукъ и ссылокъ и ноздрей рванія, якожь и надъ другими учинено, которые отданы въ каторжную работу въ разныхъ числахъ, для того ни о чемъ оспорить ему не смѣли, и къ такому невольному доношенію руки своя приложили неправедно, а вины въ тѣхъ нашихъ отвѣтахъ мы не знаемъ, ниже онъ епископъ по взятіи держа у себя и читая тѣ наши отвѣты полпята мѣсяца, а намъ никакой вины на письмѣ и устно не явилъ и своихъ и нашихъ отвѣтовъ тогда при множайшемъ отъ него собраніи не вычиталъ, и азъ грѣшный убоявся суда Божія и вѣчныхъ мукъ за приложеніе руки моея къ неправому доношенію, нынѣ предъ Господомъ Богомъ приношу со слезами покаяніе, а отъ Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества чрезъ вопросы правдиваго разсмотрѣнія прошу.—О семъ доносить послѣдній богомолецъ вашъ старецъ діаконъ Александръ» (Есиповъ, т. I, стр. 648—650).

Какой искренностью и вѣрой въ свою правоту дышитъ это смѣлое разъясненіе діакона Александра. Оно всполошило Питирима, такъ рѣшительно изобличеннаго здѣсь во лжи и въ разыгранной имъ въ Пафнutowо комедіи. Простая справедливость требовала произвести разслѣдованіе на мѣстѣ, чтобы выяснить—правъ ли діаконъ Александръ въ своемъ разоблаченіи Питиримовыхъ продѣлокъ и насилій. Но такое разслѣдованіе повело бы къ торжеству старообрядчества. Это хорошо понималъ и Петръ, а еще больше—Питиримъ. Все разслѣдованіе было поэтому ограничено опросомъ одного Варсонофія и пытками надъ діаконъ Александромъ. Варсонофій, хотя и передался на сторону Питирима, но еще не совсѣмъ опитиримился; у него не хватило смѣлости объявить разоблаченіе діакона Александра лживымъ. На представленномъ ему доноше-

ніи Александра онъ могъ только заявить, что «сіе доношеніе написано безъ совѣта всего нашего скита, не вѣмъ по какому умыслу» (тамъ же, стр. 650). Діаконъ Александръ писалъ доношеніе не отъ скита, а отъ своего имени, «а по какому умыслу», это ясно изъ самого доношенія. Заявленіе Варсонофія, судя справедливо, только оправдывало діакона Александра. Но въ то время не считались, разъ дѣло касалось старообрядцевъ, ни съ справедливостью, ни съ совѣстью, ни даже съ простой порядочностью. Петръ написалъ на четвертушкѣ бумаги собственноручное предписаніе: «Дьякона пытать—къ кому онъ сюда пріѣхалъ и пристававалъ и кого здѣсь знаетъ своего мнѣнія потаенныхъ, а по важныхъ пыткахъ послать съ добрымъ офицеромъ и съ солдаты отъ гвардіи и послать въ Нижній и тамъ казнить за его воровство, что мимо выборнаго старца воровски учинилъ» (стр. 640). Вотъ и вся вина невиннаго страдальца: рассказалъ своему Царю правду безъ согласія того старца, который былъ соучастникомъ іезуитской продѣлки Питирима. И только за эту правду его приговорили къ смертной казни. Наглые и безсовѣстные лжецы торжествовали, а человекъ правдивый, искренній, боящійся Бога и Царя, долженъ былъ итти на смерть. Но Господь и справедливая исторія оправдали страдальца Александра и осудили неподобнаго обманщика и лжеца Питирима. Священникъ Синайскій утверждаетъ, что «новѣшіе изслѣдователи, вопреки современникамъ и прежнимъ историкамъ, неодобрительно относятся къ Питириму за образъ дѣйствій въ с. Пафнутовѣ, и въ дѣлѣ, возникшемъ по жалобѣ діакона Александра на принужденіе его къ соглашенію и подписанію требованій Питирима» («Отношеніе русской церковной власти къ расколу», стр. 53).

Діакона Александра подвергли жестокимъ пыткамъ, но и подъ пытками онъ не отрекся отъ изложенной

имъ въ доношеніи Царю правды, никого и не запуталъ онъ въ свое дѣло. Многострадальный исповѣдникъ шелъ мужественно на смерть. Питирима же пугала даже смерть эта. Узнавъ, что діакона предназначено подвергнуть казни въ Нижнемъ-Новгородѣ, онъ съ большимъ безпокойствомъ писалъ гражданскому начальству: «Раскольщика діакона, намъ слышно, что въ Нижнемъ казнить, а мое мнѣніе все-конечно въ Нижней возить его не надо-бъ и не полезно весма, лучше здѣсь, понеже дорогою, и тамъ будучи, можетъ развращать, отчего вмѣнять его быть за страдальца и себѣ за гоненіе, поволь о семъ доложить Царскому Величеству» (стр. 648). Питиримъ не ошибся: мученическая смерть Александра дѣйствительно послужила великому торжеству Церкви Христовой. О казни этого мученика нижегородскій губернаторъ Юрій Ржевскій доносилъ въ Петербургъ слѣдующее: «Старецъ Александръ по его Царскаго Пресвѣтлаго Величества имянному указу въ Нижнемъ при всенародномъ собраніи казненъ смертно: отсѣчена голова, а тѣло его сожжено марта 21-го дня, сего 1720 года» (стр. 641). Преданіе утверждаетъ, что даже пепелъ отъ сожженнаго тѣла казненнаго страдальца былъ брошенъ въ Волгу. Однако всѣ эти мѣры не изгладили въ народѣ священной памяти о мученикѣ Александрѣ. Она сохранится и въ роды родовъ.

Мученическая кончина діакона Александра придаетъ особое значеніе его отвѣтамъ на вопросы Питирима, а также и его вопросамъ этому безжалостному гонителю старообрядчества. На твореніяхъ діакона Александра лежитъ печать его страданій и мученичества. Какъ отвѣты Александра, такъ и вопросы его не потеряли до сихъ поръ своей апологетической

цѣнности. «Пращица» Питирима ничуть не поколебала діаконovýchъ вопросовъ. Напротивъ—она только засвидѣтельствовала ихъ силу. «Языкъ въ этихъ вопросахъ—отзывается о нихъ Александръ Б.,—правильный. Мысль развивается довольно стройно,—лучше, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ старообрядческихъ учительныхъ сочиненіяхъ. Сочинитель былъ человекъ ума негрубаго, больше—даже утонченнаго, нечуждаго невѣдомыхъ простымъ русскимъ людямъ свѣдѣній историческихъ, догматическихъ, каноническихъ и другихъ» *) («Сочиненія историческія. Записки Александра Б.», часть II, стр. 160).

Вопросы діакона Александра показываютъ, что старообрядчество расходилось съ представителями и руководителями новой церкви, созданной реформами Никона и Петра, не по обрядовымъ только разностямъ, но по болѣе существеннымъ пунктамъ вѣры. Ихъ раздѣляло самое пониманіе христіанской вѣры. Они имѣли различныя взгляды на Церковь и ея сущность. Разныя отношенія у нихъ были и къ древней русской церкви. Не одинаково они понимали значеніе въ Церкви іерархіи. Различныхъ взглядовъ держались на ересь и еретическіе уставы и обычаи. Составители вопросовъ спрашивали Питирима: «Что есть вѣра?» (вопросъ 1-й). «Что есть преданіе вѣры?» (вопросъ 2-й). «Колико есть преданій вѣры?» (вопросъ 3-й). «Что есть догматы?» (вопросы 4-й и 5-й). «Догматы вѣры и преданіе вѣры едино-ли?» (вопросъ 6-й). «Что есть церковное преданіе?» (7-й). «Церковное преданіе—вѣры-ли преданіе?» (8-й). «Что есть Церковь: едина, святая, соборная и апостольская Церковь?» (10-й). «Что есть Церкви основаніе, чувственное или духов-

*) Нѣкоторые изслѣдователи старообрядчества полагаютъ, что въ составленіи діаконovýchъ и вопросовъ участвовалъ Андрей Денисовъ.

ное?» (11-й). «Что есть Церкви утверждение, и колико?» (12-й). «Какова и колика Церковь въ первобытнѣ вѣры и въ лѣта апостольская бѣ?» (13-й). «Церковь истинная та ли есть, еже гоненіе претерпѣваетъ, или та, яже иныхъ правовѣрующихъ изгоняетъ?» (236-й). «Соборъ, противляющійся прежде бывшимъ святыхъ отецъ соборомъ, правъ ли или ни?» (234-й). «Что есть ересь, еретикъ, еретическій уставъ?» (вопросъ 235-й).

Всѣ эти вопросы ставились съ цѣлю—выяснить, какъ смотритъ іерархія новой церкви на внутреннюю сущность Христовой Церкви, на ея основы и на возложенное Христомъ на Церковь служеніе въ человѣческомъ мірѣ. Далѣе вопросители желали выяснить—какъ относится вновь созданная церковь къ древней русской и древней восточной церкви: признаетъ-ли она ихъ вполне истинными и совершенно незазорными въ своихъ преданіяхъ, уставахъ, чинахъ и обычаяхъ или считаетъ эти церкви уклонившимися отъ истины, погрѣшившими въ какихъ-либо отступленіяхъ и заблужденіяхъ. Старообрядцы ставили такіе вопросы: «Вѣру, крещеніе, преданія и весь чинъ церковный, пріятый отъ восточныхъ церкви, великимъ княземъ Владиміромъ и отъ того времени въ Кіевѣ и въ Москвѣ, до лѣтъ царя Іоанна Васильевича и до лѣтъ Никона патріарха,—то ли все содержали или иное?» (вопросы 14, 15 и 16). «Право ли и неизмѣнно ли содержаша преданіе восточныхъ церкви при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ?» (вопросъ 19-й). «При Макаріи митрополитѣ на святомъ соборѣ, бывшемъ въ лѣто 7059 (т.-е. Стоглавомъ), чины и уставы церковныя право ли утвердиша,—и еще что неправо, то что именно?» (20-й и 21). «Той соборъ бысть ли когда зарѣнъ или опроченъ отъ четырехъ патріарховъ и прочихъ греческихъ, сербскихъ, болгарскихъ, и малороссійскихъ архіереевъ до Никона патріаршества?» (181-й). Отъ

лѣтъ Стоглаваго собора православленіи христіане въ Россіи всегда ли въ православнѣй вѣрѣ пребывали неизмѣнно до Никона?» (23-й). «Пять первыхъ патріарховъ московскихъ во всемъ ли согласни быша съ четырьми вселенскими патріархами, съ сербскимъ и съ болгарскимъ и съ грузинскимъ архіереями?» (26-й).

Затѣмъ, шли вопросы объ отдѣльныхъ учителяхъ древней Церкви, о состояніи греческой церкви послѣ ея паденія, о греческихъ печатныхъ книгахъ и т. п. Ставятъ старообрядцы вопросы и о новыхъ книгахъ, изданныхъ новыми московскими соборами и архиерействомъ Никоновской церкви: «Скрижали», «Соборномъ свиткѣ», «Жезлѣ», «Увѣтѣ», «Щитѣ вѣры» и «Розыскѣ» и о богослужбныхъ новыхъ книгахъ. Но подавляющее большинство вопросовъ посвящены обрядовымъ разностямъ между старообрядчествомъ или, что одно и то же, древней греко-россійской Церковью и новой никоновской церковью: о перстосложеніи для крестнаго знаменія, объ ангельской пѣсни алилуи, о начертаніи имени Христа Спасителя, о формѣ Креста Христова и друг. Однако вопросы эти не имѣли характера мелочнаго спора, затрогивающаго лишь «скорлупу» церковности. Напротивъ—они запрашиваютъ о догматическомъ содержаніи церковныхъ преданій и объ историческомъ ихъ происхожденіи. Всякое преданіе цѣнно не само по себѣ, а по его преемственности и по своему первоисточнику: съ чѣмъ и съ кѣмъ оно насъ связываетъ—съ еретиками и ихъ заблужденіями или съ древней Церковью Христа и съ ея богодухновенными отцами—пастырями и учителями церковными. Православное ли ученіе Церкви оно передаетъ намъ или несетъ въ себѣ искаженіе церковнаго ученія. Діаконъ Александръ съ товарищами спрашивали въ своихъ вопросахъ: «Князь Владиміръ и вси православнїи христіане прїяша отъ грекъ креститися

трема ли первыми персты или двѣма?» (вопросъ 17-й). «Аще тремя первыми персты креститися пріаща, то когда сіе перемѣниша и кто перемѣнилъ?» (вопросъ 18-й). «Православни ли суть древнія книги старописменныя харатейныя и бѣлорусскія печатныя, кіевскія, львовскія, виленскія, угорскія и московскія, учащія креститися двуперстно?» (вопросъ 27-й). «И аще неправославни, тое неправославіе ересь ли или расколъ, коего еретика ересь, въ каѣ лѣта и кѣмъ въ Россію внесеса?» (вопросы 28, 29 и 33-й). «Въ новопечатныхъ книгахъ «Соборномъ свиткѣ» и во псалтирѣхъ съ возслѣдованіемъ и въ «Скрыжали» двоеперстное сложеніе названо арменствомъ и аріанствомъ и несторіанствомъ— право ли?» (вопросъ 30-й). «Въ новоизданной заручной книгѣ Пятирима то сложеніе перстовъ названо армянскою и латинскою ересію,— котораго армянскаго и латинскаго еретика та ересь?» (32-й). «Въ каѣ лѣта армяне и латини пріаща эту ересь?» (32-й). «Кто отъ святыхъ отецъ нарекъ, прежде новопечатныхъ книгъ, двоепорстное моленіе армянскою и несторіанскою и латинскою ересію?» (вопросы 34, 38—40-й). «Названо оно ересію коего ради уподобленія?» (35-й) «Каѣ въ томъ сложеніи армянская ересь?» (36-й). «Можно ли его армянскою ересію нарицати, аще армяне отъ первобытія во правовѣрїи пріаща и содержатъ его непревратно?» (37-й). «Кое согласіе съ Несторіемъ имѣетъ двоеперстіе?» (вопросы 41 и 43-й). «Кое согласіе съ Аріемъ еретикомъ?» (вопросы 44 и 45-й). «Коего ради пріуподобленія латиномъ нарицается оно латинскою ересію?» (вопросы 46 и 103—106). «Подобаеть ли вѣщи неравными (каковы, напр., три первыхъ перста) образовати равенство ѵпостасей Святыя Троицы?» (47—53, 57—61, 65 и 67-й). «Есть ли гдѣ отъ святыхъ отецъ писано тако, еже бы заключати трема персты тайну Святыя Троицы, вкупѣ

же и смотрѣніе вошлещія?» (54—56-й). «Въ которомъ писаніи, въ старопечатныхъ книгахъ, исповѣдуется, что крестящійся двѣма персты воображаютъ особь божество Сына Божія, наго пріятія плоти, особь же человѣчество нагствующее того божества?» (63-й). «Нѣсть ли образованія отъ святыхъ отецъ двѣма вещми, между собою разстоящими и другъ отъ друга отлученными, двухъ естествъ Христовыхъ?» (64—67-й). «Кто святой написалъ и гдѣ, еже крестится тремя первыми персты?» (68-й). «О ѱподіаконѣ Дамаскинѣ и словѣ его о сложеніи трехъ перстовъ» (вопросы 69, 70 и 72-й). «Кому подобаеъ лучше вѣрити: Максиму Греку, учившему крестится двѣма персты, или Дамаскину?» (71-й). «Чесо ради ни единыя книги на имя святого коего отъ множества старыхъ книгъ, собранныхъ для исправленія церковныхъ книгъ, въ «Скрыжали», въ «Жезлѣ» и «Увѣтѣ» не явили о триперстномъ сложеніи, кромѣ Дамаскина?» (81-й). «Господь нашъ, въ день вознесенія своего, просто ли простертыма дланма или сложены имѣя персты благослови учениковъ и еще сложенными персты, то коими благослови?» (100 и 102-й). «Православно ли двоеперстное сложеніе благословящихъ и молящихся рукъ, воображенное на святыхъ чудотворныхъ и на прочихъ древнѣйшихъ иконахъ?» (107—110-й). «Въ кая лѣта начася изображение на честныхъ иконахъ троеперстія на молящихся рукахъ и именованнаго перстосложенія на благословящихъ?» (111-й). «Чесо ради не согласуетъ «Срыжалъ», приводящая во свидѣтельство къ сложенію трехъ первыхъ перстовъ простыхъ людей поселянъ, съ «Увѣтомъ», который таковыхъ отрицаетъ?» (188-й). «Чесо ради не согласуетъ «Срыжалъ», исповѣдующая тремя первыми персты тайну Святыя Троицы, вкупѣ и смотрѣніе два же персты имати празды, съ «Увѣтомъ», по которому тремя первыми персты воображается Святая

Троица, двѣма же послѣдними Бога Слова вочеловѣченіе?» (190-й). «Разумѣніе «Жезла» и «Увѣта», еже чрезъ двое алиллуія, а третіе—слава Тебѣ Боже, три лица изображаются, единство же естества ни мало, православно ли?» (62 и 187-й). «Православно ли преданіе старописменныхъ харатейныхъ и печатныхъ сербскихъ, бѣлорусскихъ, кіевскихъ, львовскихъ, острожскихъ, виленскихъ и московскихъ книгъ, въ которыхъ въ уреченныхъ мѣстѣхъ повелѣно глаголати дважды святая алиллуія, а третія приглашати—слава Тебѣ Боже?» (134—135). «Прежде на антимицахъ изображался крестъ единъ съ подножіемъ, а нынѣ воображаютъ снятіе со креста,—чесо ради тако?» (131 и 133-й). «Кто отъ святыхъ отецъ предалъ совершати божественную литургію на пяти просфорахъ?» (126-й). «Чесо ради отложено нынѣ печатати на просфорахъ образъ трисоставнаго креста, съ подножіемъ, копіемъ, тростию и обычною подписію: се Агнецъ Божій, вземлай грѣхи міра?» (127—129-й). «Нынѣ на литургін, на воспоминаніе словесъ Христовыхъ: «пріимите, ядите» творять поклоны; Іоакимъ же патріахъ то поклоненіе нарицаеть латинскимъ обычаемъ,—чесо ради несогласно?» (192-й).

Не мало вопросовъ направлено къ оправданію тогдашняго положенія старообрядцевъ, когда имъ приходилось вести церковную жизнь въ утѣсненіи и при тяжкихъ лишеніяхъ, когда у нихъ не было православнаго епископа. Составители вопросовъ спрашивали: «Іерей, аще построишь церковь безъ повелѣнія архіерейскаго во время нужды въ гоненіи, каковой винѣ подлежати будетъ?» (вопросъ 222-й). «Аще кто отъ правовѣрныхъ, отъ архіерея или іерея, измѣняющаго преданіе церковное, не дождался соборнаго на него осужденія, отступить отъ него: свободенъ ли будетъ онаго архіерея связанія или ни?» (228-й). «Можно ли

измѣнять церковныя чиноположенія. егда бываетъ нужда христіаномъ или гоненіе или утѣшеніе» (215—216-й). «Человѣкъ, ересь держащій невѣдѣніемъ или расколство, можетъ ли спастися?» (220-й). «Четыре вселенскіи патріархи имуть ли въ правовѣріи неизмѣнно до скончанія вѣка быти или ни?» (237-й). «На комъ збыться сказаніе «Книги о вѣрѣ», по которому около 1666 года по Р. Хр. нужно было ожидать смуты въ церкви, и отъ кого премѣненіе въ російской церкви учинися и кто тому премѣненію и смятенію виновенъ?» (240-й).

Вопросы діакона Александра охватываютъ собою почти всѣ спорные пункты вѣры, волновавшіе тогда весь русскій народъ. Съ этой стороны вопросы представляютъ большой историческій интересъ для всякаго изслѣдователя старообрядчества. Но еще большій интересъ представляютъ отвѣты Питирима на предложенные ему вопросы. Онъ изложилъ здѣсь все вѣрованіе и всѣ основанія своей церкви по всѣмъ пунктамъ, выдвинутымъ старообрядческими вопросами. «Пращица» Питирима — это катихизисъ новой церкви, ея символическая книга. Изъ нея мы узнаемъ — какъ и во что вѣровала, что признавала и что отвергала и на чемъ основывалась эта церковь. Отмѣтимъ прежде всего основной тонъ этого катихизиса.

Черезъ всѣ отвѣты «Пращицы» проходитъ утвержденіе, что древняя русская церковь, начиная съ XII-го вѣка, погрязла въ тинѣ ересей, самыхъ пагубныхъ и наиболѣе зловредныхъ и нечестивыхъ: аріанской, несторіанской, армянской, латинской и другихъ; книги ея наполнены еретическими погрѣшеніями и искаженіями; чины и обычаи ея — мерзки, нечестивы и богохульны. Сущность пререканій между людьми старой

вѣры и представителями новой церкви сводилась къ спорамъ о святости и благочестіи древней Церкви. Старообрядцы отстаивали достоинство этой Церкви, какъ вѣрные сыны своей Матери, ревностно защищали и оправдывали ея вѣковыя вѣрованія, преданія, обычаи, чины и уставы и мужественно шли на смерть за честь благочестивой и святой Матери своей. Предъ ихъ духовнымъ взоромъ она стояла неповинной въ своихъ вѣрованіяхъ и установленіяхъ, величавой въ своемъ смиреніи и кротости, ярко сіяющей, какъ звѣздное небо, многочисленнымъ сонмомъ великихъ святителей, славныхъ подвижниковъ, праведныхъ людей, святыхъ мужей. Въ сторонѣ отъ этой чистой и незлобивой Невѣсты Христовой стоялъ полкъ ея гонителей, руководимый такими кровожадными вождями, какими были Никонъ, Іоакимъ, Питиримъ и другіе. Они пылали ненавистью къ св. Церкви, пускали въ нее стрѣлы своей злобы, осужденія и презрѣнія. Предъ милліонами вѣрующихъ русскихъ людей стоялъ выборъ: или остаться при своей родной Матери-Церкви, воспитавшей ихъ въ своемъ ученіи, жизни, обычаяхъ и поступкахъ, или передаться на сторону этого вражескаго полка и за одно съ нимъ вести противъ Церкви хамскую войну. Русскіе люди выбрали первое: они остались вѣрными святой Церкви. Объ этомъ свидѣлствуютъ и ихъ вопросы Питириму, въ которыхъ они умѣло и искусно ведутъ защиту своей Матери. Отвѣты же на ихъ вопросы громятъ безпощадно древнюю Церковь и ея установленія. Справедливо отвѣты названы «Пращицей», т.-е. орудіемъ бросающимъ камни. Твореніе Питирима наполнено одними камнями, которыми онъ забрасываетъ св. Церковь, тщетно пытаясь разбить ея основы и утвержденія. Питиримъ иначе и не можетъ представить себѣ свою церковь, какъ гонительницей и убійцей. Онъ и христіанство пони-

маеть, какъ кровавую инквизицію, учрежденную въ этомъ мірѣ съ цѣлю—истреблять и убивать всѣхъ непокоряющихся ему. Даже Кроткій Спаситель рисуется въ безумномъ воображеніи Птиримъ гонителемъ и палачомъ. «Исусу Христу онъ приписывалъ—говорить свящ. Синайскій о Птиримѣ, — одобрение и освященіе жестокихъ мѣръ противъ еретиковъ и раскольниковъ. Это значитъ, что преосв. Птиримъ *уменьшилъ значеніе христіанства, какъ религіи высшей во всѣхъ отношеніяхъ*, и въ отношеніи требованія милосердія, справедливости и великодушія къ согрѣшающимъ и заблуждающимъ. Это была крайность, вытекавшая съ одной стороны изъ недостатка истинныхъ понятій о сущности нравственнаго христіанскаго ученія въ то малопросвѣщенное время, а съ другой—изъ преувеличеннаго представленія о враждебности и политической неблагонадежности раскольниковъ» («Отношеніе русской церковной власти къ расколу», стр. 55). Другими словами, Птиримъ и его единомышленники отреклись отъ самой основы христіанства—любви и милосердія и стали во враждебное отношеніе къ Самому Основателю христіанства. Христосъ говоритъ: «Вы слышали, что сказано древнимъ: не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду (Исходъ, 20, 13). А Я говорю вамъ, что всякій, гнѣвающийся на брата своего напрасно, подлежитъ суду» (Мѣ., гл., V, ст. 21—22). «Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего (Левит. 19, 17—18). А Я говорю вамъ: *любите враговъ вашихъ*, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ, да будете сынами Отца вашего Небеснаго, ибо Онъ повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ» (Мѣ. гл. V, ст. 43—45). Однажды Христосъ шелъ съ учениками

своими въ Иерусалимъ, «и послалъ вѣстниковъ предъ лицемъ Своимъ; и они пошли и вошли въ селеніе Самарянское, чтобы приготовить для Него; но тамъ не приняли Его, потому что Онъ имѣлъ видъ путешественнаго въ Иерусалимъ. Видя то, ученики Его Іаковъ и Іоаннъ сказали: Господи! хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ и Ілїя сдѣлалъ? Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: не знаете, какого вы духа, ибо Сынъ Человѣческій пришелъ не губить души человѣческія, а спасать» (Лк. IX, 51—56). Такъ Самъ Христосъ разъясняетъ смыслъ своего посланничества и задачи христіанства.

Совсѣмъ иначе понимаетъ ихъ Питиримъ. Если,—голкуетъ онъ,—«въ ветхозаконнѣй церкви непокоривыхъ *повелѣно убивати и убивали, колыми паче въ новой благодати непокаряющихся* святѣй восточнѣй и великоросійстѣй церкви подобаетъ наказанію предавати, достойно бо и праведно есть: понеже тамо сѣнь, здѣ же благодать; тамо образы, здѣ же истина, тамо агнецъ, здѣ же Христосъ; тамо манна и вода изъ камене, здѣ же тѣло Христово и кровь, изъ ребръ его изтекшая и прочая таковая, оныхъ древнихъ превосходящая» (лис. 360 и об.). Если въ ветхомъ завѣтѣ — разсуждаетъ Питиримъ,—за одно око выкалывали только одно око, то въ новомъ должно выкалывать два. Если тамъ приказано любить ближняго, то тутъ нужно ненавидѣть его, «понеже тамо сѣнь, здѣ же благодать». Древнимъ сказано: не убивай, теперъ же мы говоримъ: не щади никого—бей и убивай. «Убо како васъ не мучити?»—воскликаетъ Питиримъ, обращаясь къ старообрядцамъ. — «Како въ заточенія не посылати? како главъ не отсѣкати?» (лис. 380 об.). Сравнительно съ новымъ завѣтомъ исторія ветхозавѣтной церкви представляется Питириму необычайной тишиной и миромъ. Исторію

же христіанства онъ понимаетъ, какъ сплошное убійство всѣхъ враговъ Церкви, при чемъ это убійство возводитъ въ основной церковный догматъ. По толкованію Птириима, въ усиленномъ убійствѣ собственно и состоитъ «новая благодать и истина». Такое ученіе новаго апостола убійствѣ есть величайшая ересь. Она ниспровергаетъ все домостроительство Христово, превращая христіанство въ застѣнокъ жестокихъ пытокъ и смертныхъ казней. Ученіе это было не личнымъ взглядомъ Птириима, оно было общимъ фундаментомъ созданнаго Никономъ зданія. Оно составляетъ общій фонъ и «Пращицы».

*
* * *

Старописьменные и старопечатныя книги древней русской Церкви Птиримъ признаетъ наполненными ересями и погрѣшностями. Старообрядцы спрашивали въ 14-мъ вопросѣ: «Православную вѣру, и святое крещеніе, и благочестивыя преданія, архіереи, и іереи, иноки, и пѣвцы, и святыя книги, и весь чинъ церковный, въ великую Россію отъ константинопольскія восточныя церкви пріять великій князь Владиміръ: о томъ писано въ степенной книзѣ, и въ книзѣ кормчей, и въ книзѣ о правой вѣрѣ: и отъ того времени во всей Россіи тую ли правую вѣру и преданія церковная, чины же и уставы греческія содержали въ Кіевѣ и въ царствующемъ градѣ Москвѣ, *благочестивіи цари и князи, архіереи и іереи, и вси православніи народи*, и до лѣтъ царя Іоанна Василіевича, и даже до лѣтъ Никона патріарха московскаго, или иную кую?» Ставился вопросъ не объ одномъ какомъ-либо лицѣ, а обо всей древней Церкви (всѣхъ ея царяхъ, князьяхъ, архіереяхъ, іереяхъ и обо всемъ православномъ народѣ): правую ли она содержала вѣру — сначала въ Кіевѣ, когда тамъ была митрополичья кафедра (до

св. Петра митрополита), потомъ въ Москвѣ, съ основанія здѣсь митрополичьей кафедрой и до лѣтъ Никона, патріарха московскаго, или другую какую вѣру Церковь содержала? Питиримъ отвѣчаетъ: «Всея Россіи благочестивіе царіе, и князи, и патріарси, и архіереи, и вси духовнаго и мірскаго чина люди, вѣру во единого Бога, въ Троицѣ славимаго и покланяемаго, и семь святыхъ таинъ, и все церковное послѣдованіе всякаго священнослуженія, и вся святыя книги, ихже исчисляетъ кормчая книга, и которыя воспоминаетъ уставъ церковный, отъ лѣтъ князя Владиміра, отнемеже прія онъ отъ константинопольскія церкви, вся содержали православно, не точію до лѣтъ царя Іоанна Василіевича и патріарха Никона, но и до сего настоящаго 1717 году содержатъ по всему православно, и неизмѣнно, тако, якоже святая восточная апостольская соборная Церковь предаде и научи: *точію кролѣ оныхъ тяжкихъ погрѣшеній, которая во оныхъ древнія книги отъ аріевыхъ, и отъ несторіевыхъ и отъ прочихъ еретиковъ ереси, неискусными переводчиками, и преписателями видоша*» (лис. 37 и об.). Питиримъ далъ отвѣтъ за весь періодъ древней Церкви «отъ лѣтъ князя Владиміра» и «до сего настоящаго 1717 года». «Вся святыя книги ея содержатъ по всему православно», кромѣ только «тяжкихъ» ересей, которыя вошли въ эти же древнія книги отъ наиболѣе опасныхъ еретиковъ: аріанъ, несторіанъ и другихъ. Такой отвѣтъ былъ не только осужденіемъ древней Церкви и ея святыхъ книгъ, но и злой насмѣшкой надъ ней. Сказать о чловѣкѣ, что онъ во всемъ здоровъ, но только зараженъ нѣсколькими опасными болѣзнями и хвораетъ ими почти съ дѣтства — это значитъ отрекомендовать его совсѣмъ больнымъ. То же, что Питиримъ сказалъ о древней Церкви, можно сказать обо всѣхъ еретикахъ: они во всемъ православны, кромѣ только содержимыхъ.

ими ересей. «Пращица» однако утѣшаетъ своихъ читателей слѣдующимъ: «Соборне, съ волею же восточныхъ патріарховъ, во оныхъ книгахъ несогласія и несходства, приложенія же и отъятія, и рѣчей примѣненія, и *въ разумѣ погрѣшенія, и ересей приложенія.* съ древнихъ греческихъ и съ російскихъ съ хартейныхъ письменныхъ книгъ добрѣ исправиша: и таковыхъ ради винъ, нынѣшнія новоисправныя книги со старопечатными книгами и несходны» (лис. 397). Можно, по Питириму, порадоваться: съ никоновскихъ временъ церковь очистилась отъ ересей — старопечатныя книги ея отвергнуты, а новоисправленныя приняты. Но какими же собственно ересями и погрѣшностями была заражена древняя святая Церковь? Питиримъ во многихъ мѣстахъ своихъ отвѣтовъ перечисляетъ эти «ереси». «Совершахуся вся святыя тайны по чину восточныя церкви, — отвѣчаетъ онъ на 25-й вопросъ, — *но кромѣ погрѣшеній, и ересей, и самоиѣнныхъ и нововодныхъ повелѣній, но и въ тѣхъ старописменныхъ, и старопечатныхъ книгахъ обрѣтающихся;* въ литургіи нововодное и самоиѣнное повелѣніе, вмѣсто пяти просфоръ семь, на просфорахъ крестное начертаніе, вмѣсто сицеваго воображенія (т.-е. четвероконечнаго), положили сицевое (т.-е. восьмиконечное) съ надписаніями излишними. Еще приложиша неприличная ко оному дѣйству: на просфорѣ бо печаташа копіе, трость, главу адамову, и аки бы вся таковая, копіе и трость и глава адамова, на просфорѣ воображенная, въ совершеніи святыхъ таинъ прелагахуся у нихъ въ тѣло Христово. *И сіе всему святому писанію противно,* и нѣсть таковаго во святомъ писаніи повелѣнія, еже бы образу копія, трости, и главѣ адамовѣ прелогатися въ тѣло Христово, и вмѣсто, еже совершатися преложенія призываніемъ Духа Святаго, точію единѣми словесы Христовы мудрствоваху, и сіе мудро-

ваніе латинское. И въ крещеніи, вмѣсто еже бы обходить купѣль противу солнца на право на востокъ, они же творяху по солнцу на западъ на лѣво, *поримски*, страну лѣвую честнѣйше правыя, якоже и латини творятъ; и вмѣсто еже бы читати апостоля и евангеліе на крещеніи, они того не творяху до лѣтъ патріарха Іоасафа; и вмѣсто трикратнаго погруженія, немощныхъ младенцевъ обливаху трикратнымъ *обливаніемъ поримски*, и сіе творяху до лѣтъ патріарха Филарета» (лис. 82 об.). «Еще же во освященіи церкви, въ вѣнчаніи браковъ, творити повелѣно кругъ по солнцу, а не противу солнца, не по разуму же восточныя церкви: но отъ *преданія еретика Мартина Армянина* мнѣша, не разсмотрѣніемъ самоиѣнно узакониша. Еще въ печатныхъ же книгахъ повелѣно креститися двѣма персты, а не тремя первыми, такожде повелѣно и благословляти: *и се отъ преданій еретика же Мартина мнѣша*, и отъ безимянныхъ творцевъ, и неизвѣстныхъ свидѣтелей. Еще въ старопечатныхъ же книгахъ по псалмѣхъ аллилуіа, напечатано глаголати по дважды, а не по трижды, и се отъ *преданій онаю же еретика Мартина*. И безимяннаго писателя житія Евфросина Псковскаго, неразсмотрѣніемъ внесесея, и прочая симъ подобная. Еще въ символѣ противу древняго преданія приложили реченіе: истиннаго» (лис. 53 об. и 54). За это реченіе Птиримъ въ другомъ мѣстѣ «Пращицы» подводитъ старопечатныя книги подъ грозныя анаѣемы вселенскихъ соборовъ и древнихъ святыхъ отцовъ (лис. 387 и об.). Кромѣ слова «истиннаго» Птиримъ находитъ въ символѣ вѣры, напечатанномъ въ старыхъ книгахъ, и другія погрѣшности: въ однихъ книгахъ, напр., напечатано: «во едину святую соборную и апостольскую Церковь», въ другихъ: «во едину святую соборную апостольскую церковь» (одно «и» пропущено); въ одномъ мѣстѣ читается:

«распята же за ны», въ другомъ: «распятаго за ны»; въ однихъ изданіяхъ набрано: «и Маріи Дѣвы вочеловѣчьшася», въ другихъ слово «вочеловѣчьшася» поставлено подъ титлой. «Зри, противниче,—воскликаетъ торжествующе авторъ «Пращицы»,—какая въ старопечатныхъ книгахъ въ символѣ измѣненія, отгьятія и приложенія, *за чтѣ отѣ святыхъ отецъ положены страшныя клятвы*, и ни склада, ни реченія, ни приложенія, ни отгьятія въ символѣ повелѣша не измѣнати» (лис. 391 и об.). За одно—«же», за одно—«и», даже за одну титлу неумолимый Питиримъ объявляетъ старыя книги еретическими и подводитъ ихъ подъ «страшныя клятвы святыхъ отецъ». Но вѣдь сами же святые отцы древней русской Церкви учили тому, что содержатъ старообрядцы: знаменаться двоеперстнымъ сложеніемъ, аллилуію говорить сугубо, служить литургію на семи просфорахъ, ходить по солнцу и т. п. Можно-ли преслужать эти святотеческія опредѣленія? Они закрѣплены даже на такомъ соборѣ, какъ Стоглавый, который былъ голосомъ всей русской церкви. Питиримъ отвѣчаетъ, что установленія этого собора были противными святой Церкви: «Правое преданіе,—разъясняетъ онъ,—и чина уставленіе есть право, которое преданіе восточной церкви; неправое же преданіе и чина уставленіе есть неправое, которое не восточнѣй церкви преданіе, но и *противное святѣй восточнѣй церкви: якоже креститися двѣма персты*, и утверждати тое живыми свидѣльствы, и *аллилуіа глаголати по дважды*, еже утвердиша писаніемъ ложнымъ, которое еретика онаго, иже списатель живой житія преподобнаго Евфросина псковскаго, онаго собора отцы *таковая ново и противно святѣй церкви предаша*» (лис. 74 об.). «Онаго собора отцевъ повелѣніе противно церкви и *всма неправославно*» (лис. 77 об.). Именно еретическое повелѣніе. Однако не одинъ Сто-

главѣй соборъ такъ мудрствовалъ, тому же учили и всѣ благочестивые московскіе патріархи: Іовъ, Ергогенъ, Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ. Неужели и они были противниками древнѣйшей Церкви и ея святителей? Неужели и въ ихъ печатныхъ книгахъ содержатся ереси и погрѣшности? Питиримъ и этихъ великихъ святителей русской церкви признаетъ отступниками восточной церкви и ея патріарховъ, а книги ихъ наполненными ересями и нововведеніями, противными св. Церкви. «Московскіе патріархи,—читаемъ въ «Пращицѣ»,—Іовъ, Ергогенъ, Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ, онымъ православнымъ патріархомъ во всемъ были послушни и покорни и имѣли себѣ ихъ за единовѣрныхъ и сие по всему повиновались имъ, *кромя оныхъ вышепоказанныхъ погрѣшеній и ересей, и нововодныхъ повелѣній*» (лис. 84). Не въ мелочахъ какихъ-либо не повиновались, а въ нововводствахъ и ересяхъ: они были заражены аріанствомъ, несторіанствомъ, македоніанствомъ, латинствомъ, армянствомъ и другими заблужденіями. Составители вопросовъ указывали Питириму, что не одни московскіе святители учили знаменаться двѣперстно и сугубить аллилуію, этому же учили книги, напечатанныя въ Малороссіи и въ Литвѣ, училъ св. Евфросинъ Псковскій, о чемъ говорится въ его службѣ, принятой всей русской церковью, учили въ своихъ писаніяхъ и восточной церкви отцы — преподобный Максимъ Грекъ и блаженный Феодоритъ. Развѣ и во всѣхъ этихъ книгахъ, службахъ и писаніяхъ также заключаются ереси и погрѣшности? Есть, на примѣръ, грамматика напечатанная въ Вильнѣ, 17103 года: «а въ ней напечатано, крестится двѣма персты, указательнымъ и среднимъ; и другая книга о правой вѣрѣ, и въ ней такожде. Подобнѣ въ нѣкихъ книгахъ повелѣно и аллилуіа глаголати по дважды, а въ третіе, слава Тебѣ Боже, еще и хожденіе по солнцу

во освященіи церкви. и въ вѣнчаніи браковъ. и въ крещеніи» (лис. 64 об.). Значить и сюда проникли ереси и новшества? Съ указанными свидѣтельствами Питиримъ раздѣлялся безпощадно. По его приговору. все это писали и всему этому учили одни лишь еретики. «Но аще бы кто,—дополняетъ Питиримъ,— и отъ знаменитыхъ тако двѣма персты креститися написалъ, обаче за противное и нововводное таковое ученіе властію церковною отместетя убо благочестно» (лис. 294). Службу св. Ефросину Псковскому онъ обозвалъ ложной и противной (лис. 267 и об.). Подъ блаж. Θεодорита поддѣлялся, по увѣренію Питирима, еретикъ. «Не расколщикъ ли убо оный неизвѣстный Θεодоритъ, и не еретикъ ли?»—спрашиваетъ авторъ «Прациды» и отвѣчаетъ: «Ей сущій расколщикъ и еретикъ». Почему же? Да потому,—разъясняетъ Питиримъ,—«понеже оное его писаніе, учащее креститися двѣма персты, всячески подобно ереси Аріевѣ и Несторіевѣ» (лис. 292). Съ такою же легкостью отразилъ Питиримъ и указанія на преподобнаго Максима Грека, въ сочиненіяхъ котораго заключается ученіе о двоеперстїи и сугубой аллилуїи. «Оная оба слова не суть его, — увѣряетъ Питиримъ, — но вѣкто противникъ сущій восточнѣй церкви написалъ, укрываясь подъ именемъ его, а не Максимъ: и тѣхъ ложно подъ имя его подверженныхъ словесъ не приѣмлю. Понеже оная слова безконечно восточнѣй церкви противна» (лис. 337). «И таковое онаго льстеца, иже укрывается подъ именемъ Максима преподобнаго — *еретическое разумѣніе всей святѣй церкви противное. и весьма не согласуется пророческимъ и апостольскимъ, и святыхъ отецъ писаніемъ и ученіемъ.* И таковыхъ ради винъ оная два слова, 27 и 40, не приѣмемъ и весьма отместемъ: понеже не преподобнаго Максима, но вѣкогого льстеца и *скрытаго еретика* таковое оныхъ

словесъ *противное твореніе*» (лис. 339 об и 340). Не предъ кѣмъ и не предъ чѣмъ не постѣснялся откровенный Питиримъ: всѣхъ объявилъ то явными, то скрытыми еретиками, а ученіе ихъ противнымъ, погрѣшительнымъ и еретическимъ

*
* *
*

Питиримъ изо всѣхъ сихъ старается доказать, что древніе церковные преданія и обычаи, за которые стояли старообрядцы, дѣйствительно заключаютъ въ себѣ страшныя догматическія ереси.

1) Сугубая аллилуія еретична, во-первыхъ, потому, что предана еретикомъ Мартиномъ; во-вторыхъ, «склоняется подобіемъ ереси Македоніевѣ, понеже онъ ипостась третію, еже есть Духа Святаго, Отцу и Сыну единосущну быти не исповѣдывалъ, но иносущну и не Бога сушъ, но тварь быти глаголаше: и тако Македоній въ божествѣ славилъ и чествовалъ точію двѣ ипостаси, Отца и Сына, а Духа Святаго равночестіе отметае. Подобно и дважды глаголати аллилуія будетъ точію двумъ ипостасемъ, по Македонію еретику. слава и честь возсылатися, а третія ипостась, яже есть Святаго Духа весма славословія и равночестія отметаема и лишаема будетъ, и *такова слава зѣло нечестива*» (лис. 76). «Еже дважды глаголати аллилуія,—повторяетъ Питиримъ,—и то будетъ въ прославленіе точію двумъ ипостасемъ, а слава Тебѣ Боже будетъ точію прилагатися единству дву ипостасей, *и то есть не православно и святѣй церкви весма противно*» (лис. 128 об.—129). Старообрядцы указывали, что сугубая аллилуія съ приложеніемъ слава тебѣ Боже находится не только въ русскихъ древнихъ книгахъ, но и въ греческихъ. На это указаніе Питиримъ даетъ такое объясненіе: «То не восточныя церкви преданіе, но всячески *новоумышленіе латинскаго костела*. имже раздира-

тоще и разсѣкающе соединеніе россійскія православныя церкви со греческою, привносяще на восточную церковь ложное мнѣніе, яко бы греки тако аллилуіа по псалмѣхъ поють и читають. А наипаче оны латинщики, увѣдавши ваше безумное отъ церкви отступленіе, и много-различное на ню клеветаніе и непокорство, тако по вамъ печатають, да наипаче на россійскую церковь подвигнутъ брань, мятежь, и нестроеніе, на большее между вами и нами раздраніе. И такому противному повелѣнію послѣдовати всячески не подобаетъ» (лис. 225). Старообрядцы разъясняли, что еврейское слово «аллилуія» на русскомъ языкѣ значитъ «слава тебѣ Боже», и что слѣдовательно сугубая аллилуія съ приложеніемъ «слава тебѣ Боже» означаетъ трижды «слава тебѣ Боже» и такимъ образомъ прославляются три лица Св. Троицы. Вопросители указывали на пр. Максима Грека, который дѣйствительно даетъ такое объясненіе сугубой аллилуіи. Птиримъ въ отвѣтъ на это указаніе и здѣсь объявляетъ, что подъ именемъ Максима скрылся какой-то лъстець, который достоинъ за свое толкованіе страшной казни. «Онъ лъстець,—говоритъ Птиримъ,—самъ себѣ клятвеннымъ словесамъ подложилъ, зане приложилъ во Апокалипсисѣ речи три чины, въ немже сего не обрѣтается. Сего ради приложитъ Богъ на него семь язвъ, написанныхъ въ книгѣ той. Также дерзнулъ отъяти и отъ словесъ книги пророчествія четвертую аллилуіа. Сего ради да отъиметь Богъ часть его отъ книги животныя. Еще тойже лъстець, иже укрывается подъ именемъ Максима Грека, ложно и неправедно толкуетъ, глаголя сиче: что бо есть у насъ еже слава тебѣ Боже, то есть у еврей аллилуіа» (лис. 301). Птиримъ на помощь себѣ приводитъ книгу «Жезлъ», при чемъ замѣчаетъ, что это говоритъ «святая церковь» (лис. 326 об.). Въ «Жезлѣ» говорится: «Въ двоекратномъ аллилуіа никакоже Тро-

ица во единицѣ показатися можетъ, паче же двойца токмо изображается. Ибо аще аллилуія тожде знаменуетъ, еже хвалите Господа, то рекше дважды, аллилуія, аллилуія, глаголется: хвалите Господа, хвалите Господа; и будутъ помяновена токмо два лица, таже приложивше слава тебѣ Боже, заключается сице: слава двома лицама, единому же Богу, еже есть богомерзко и противно вѣрѣ православной». «Зри противниче,—добавляетъ Пятиримъ,—книга Жезлъ сказуетъ двоекратное аллилуія къ двумъ лицамъ божественнымъ быти, а слава тебѣ Боже единому Богу, и тако будетъ слава двумъ точію лицамъ, а единому Богу: *сичевое называетъ быти богомерзко и поистинѣ есть тако*» (лис 323). Что же касается издавна существующаго въ древней русской церкви толкованія, что аллилуія означаетъ: «слава тебѣ Боже», то это толкованіе, по увѣренію Пятирима, явно еретическое. «Тогдашніи же еретики и противники, — говоритъ онъ, — хотящіе себѣ оправдати въ двоекратномъ глаголаніи аллилуія, рекоша сице: яко аллилуія тожде есть, еже слава тебѣ Боже: убо чрезъ двое аллилуія и третіе слава Тебѣ Боже довольно славится Святая Троица, занеже всѣмъ тремъ лицамъ слава причитается. Доздѣ,—заканчиваетъ авторъ «Пращицы»,—слова оныхъ еретиковъ» (лис. 323). Между тѣмъ эти «слова» находятся въ книгѣ «Стоглавъ» (гл. 42) и въ подлинномъ твореніи пр. Максима Грека, т. е. написаны не еретиками, а святыми русской церкви. Ихъ именно Пятиримъ обозвалъ еретиками. Составители вопросовъ указали, что и въ новопечатныхъ книгахъ, вышедшихъ въ Москвѣ при Никонѣ повелѣвается говорить по древнему: дважды аллилуія, а въ третій разъ—слава тебѣ Боже, при чемъ въ нихъ завѣряется, что книги эти въ точности исправлены по древнимъ и харатейнымъ книгамъ славянскимъ, сербскимъ и греческимъ. Напримѣръ: «Трїодъ постная, печатана въ

лѣто 7164, повелѣніемъ великаго государя царя Алексія Михайловича, вкупѣ совѣтомъ и благословеніемъ Никона патріарха московскаго, справлена, сказуетъ, съ греческихъ и харатейныхъ славенскихъ, и сербскихъ древнихъ книгъ, въ чинѣхъ и реченіяхъ и во ороографіи, во именахъ же и глаголѣхъ, и прочихъ частѣхъ (якоже восточная церковь содержитъ, тако исправиша), и первую такую изданную исправленіемъ, якоже въ книзѣ оной видѣти есть, отъ себѣ ничтоже совнесоша, далече бо отъ нихъ таковая дерзость, боящися бо клятвъ нанесенныхъ отъ святыхъ отецъ, и прочее тамо: въ ней же напечатано дважды аллилуія, а третіе слава Тебѣ Боже. Такжеже и часословы въ четверть печатаны въ лѣто то же 7164, при немже патріархѣ Никонѣ: и сказуетъ въ немъ во описаніи, что изслѣдовалъ отъ греческихъ древнихъ харатейныхъ, святыя горы Аѳона: славенскихъ и сербскихъ книгъ, а въ нихъ такжеже аллилуія дважды, а третіе слава тебѣ Боже. Сиде и во ирмологіяхъ печатныхъ, въ лѣто 7165, глаголетъ онъ же Никонъ со всѣмъ своимъ соборомъ: что изъ греческихъ древнихъ харатейныхъ, а въ нихъ аллилуія дважды, а третіе слава тебѣ Боже. Такжеже и во псалтирѣхъ со возслѣдованіемъ печатныхъ въ лѣто 7166, повелѣніемъ того же Никона патріарха, сказуетъ съ прилежнымъ исправленіемъ съ греческихъ книгъ исправися, а въ нихъ аллилуія дважды, а въ третіе слава тебѣ Боже». Почему же теперь,—спрашиваютъ старообрядцы,—не слѣдуютъ этимъ книгамъ, которыя, какъ увѣряютъ ихъ издатели (царь Алексѣй и патріархъ Никонъ), тщательно провѣрены съ древними святыми книгами (вопросъ 137-й)? Питиримъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Онъ долженъ былъ или отвѣтить, что и никоновскія книги еретическія, что и въ нихъ повелѣвается говорить аллилуію богомерзко и нечестиво и что и древнія книги, съ которыхъ онѣ правлены,

также неправославны и хульны; или отречься отъ своего и своей новой церкви толкованія о сугубой аллилуіи, дѣйствительно неправого и хульнаго. Питиримъ ни того, ни другого не сдѣлалъ. Онъ уклонился отъ прямого отвѣта. «Во оныхъ книгахъ,—заявляетъ онъ,—еще такое повелѣніе и обрѣтается напечатано, но еще до правленія оныхъ книгъ соборнаго повелѣнія, а не послѣ исправленія соборнаго тѣ книги напечатанася» (лис. 224). «А вамъ нынѣ всѣмъ соборомъ не единожды отъ всея церкви сказано и *запрещено было многожды и нынѣ съ моленіемъ церковь вамъ возбраняетъ*, еже бы вамъ аллилуія дважды не глаголати, но глаголати вамъ повелѣваетъ по трижды, съ приложеніемъ слава тебѣ Боже» (лис. 78). На самомъ же дѣлѣ указанныя вопросителями книги напечатаны послѣ соборовъ 1654 и 1656 г.г. («Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ», Н. Θ Каптерева, т. I, стр. 266—267). Уловка Питирима явно не удалась. Своими нападками на сугубую аллилуію онъ осудилъ не одну древнюю Церковь, въ еретичество попала, по его суду, и новая Никоновская церковь.

2) Ересью признавалъ Питиримъ и требованіе древней Церкви ходить по солнцу при совершеніи таинствъ крещенія и брака и при освященіи Церкви. Составители вопросовъ предлагали Питириму (вопросъ 25): «Аще кія святыя тайны древле, по старопечатнымъ книгамъ, не по чину совершаемы бяху, не по преданію Христа Спасителя и святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и ты о всемъ томъ объяви по статьямъ, и тыя не по чину совершаемыя тайны обличи святымъ писаніемъ» (лис. 82). Питиримъ отвѣчаетъ, что въ древне-русской церкви совершались всѣ таинства согласно чину восточной церкви, кромѣ только тѣхъ «подложностей, ересей и самомнѣнныхъ и нововводныхъ повелѣній», которыя «обрѣтаются»

въ старопечатныхъ книгахъ. Въ числѣ этихъ «ересей» онъ указываетъ хожденіе по-солонь при крещеніи. «Въ крещеніи,—говоритъ,—вмѣсто еже бы обходити купѣль противу солнца на право на востокъ, они же творяху по солнцу на западъ на лѣво, *поримски*; страну лѣвую честнѣйше правыя, якоже и латини, творять» (лис. 82 об.). Не меньшая «ересь»—ходить по солнцу и при освященіи храмовъ и при вѣнчаніи. «И сіе,—заявляетъ Пителирь,—всячески древнему обычаю святыя восточныя церкви *противно и весьма неприятно*, паче же послѣдовно *римскому костелу*. Понеже они вся во обхожденіяхъ почитающе лѣвую страну паче десныя, творять все по солнцу на лѣво» (лис. 258). «Зри противниче и вси вамъ подобніи противницы,—воскликаетъ Пителирь,—*кому послѣдуете*, утверждающе лѣвую страну полунощную честнѣйшую правыя полуденныя въ хожденіи, по вашему, по солнцу, а не противу солнца на правую страну: *явѣ яко костелу римскому*» (лис. 258 об.). «Составители вопросовъ допытывались отъ Пителиря: какая же «противность въ томъ трикратномъ по солнцу обхожденіи—ересь ли или расколъ, скажи отъ святого писанія?» (лис. 262 об.). Разумѣется отъ святого писанія Пителирь не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Онъ отослалъ вопросителей къ предыдущему своему отвѣту на вопросъ 157-й, «понеже тамо пространно покажемъ, яко надлежитъ по преданію святыя восточныя Церкви въ чинѣхъ церковныхъ, идѣже бываетъ круга хожденіе, ходити противу солнца, а не по солнцу, якоже римляне творять, почитающе лѣвую страну сирѣчь полунощную честнѣйше правыя страны, сирѣчь полуденныя. *Того ради не надлежитъ послѣдовати такому противному повелѣнію: понеже оное повелѣніе латинскаго есть костела, не восточныя Церкви*» (лис. 262 об.). По толкованію Пителиря, посолонное хожд-

деніе есть и расколъ, «понеже всячески древнему обычаю св. Церкви противно есть», и ересь, такъ какъ оно взято отъ латинскаго костела.

3) Установленіе древней Церкви приносить за Божественной литургіей семь обязательныхъ просфоръ Питиримъ также подвергаетъ осужденію и доказываетъ, что нужно приносить только пять просфоръ, прибавка двухъ, по его мнѣнію лишнихъ, просфоръ заключаетъ въ себѣ большую погрѣшность и даже ересь (лис. 82 об.). «Въ старопечатныхъ книгахъ,—увѣряетъ авторъ «Прашицы»,—приложено *неразсуднѣ* двѣ просфоры излишнія, имже въ поминовеніи *раздѣлиша священный чинъ и монашескій отъ соединенія благовѣрныхъ царей, боярѣ, и князей, и съ воинскими людьми, и со всѣми православными христіаны*. А чего ради тако *раздѣлиша священный и монашескій чинъ отъ мірскаго*, о томъ извѣстія никакова въ старопечатныхъ книгахъ не напечатано. А о семь убо зѣло дивно, еще же и *зазрѣнія достойно, таковое ихъ неразсудное дву просфорѣ приложеніе*, имже отдѣлиша духовный чинъ отъ мірскаго, мірскій же отъ духовнаго чина». Это—«самомнѣнное смышленіе и неразсудное приложеніе на возмущеніе святыхъ Церкви и на соблазнъ простѣйшаго народа и на разрушеніе церковнаго соединенія» (лис. 207 и об.). Вотъ къ какой гибели ведутъ двѣ просфоры:—одна за царя, другая за епископа и весь освященный чинъ! «Зри противниче и разумѣй,—увѣждаетъ Питиримъ,—нововводное дву просфорѣ приложеніе и проскомидію, ими же *раздѣлиша о Христѣ смиренное соединеніе* между благочестиваго царя, и всѣхъ князей, и боярѣ и воинства, и православныхъ христіанъ, со святѣйшими православными патриархи, и съ преосвященными митрополиты, со архіепископы, и епископы, со архимандриты, и игумены, и съ пресвитеры и ді-

аконны, и со всѣмъ освященнымъ и духовнымъ чиномъ И чрезъ таковое нововводное повелѣніе ничтожно познавается въ таковыхъ повелѣніяхъ, точію гордости знаменіе. Понеже яко бы духовный чинъ *вознепщевалъ надъ царемъ и надъ всѣмъ мірскимъ чиномъ* превосходство нѣкое, и изъ единыя просфоры выниматися яко бы имъ не достойтъ. *Еще же дерзнула соединеніе раздѣлити и въ духовномъ чину между патріарха и епископства, со архимандриты и игумены съ братією*, понеже не повелѣша за ихъ за всѣхъ изъ единыя просфоры въ проскомидіи вынимати, но изъ дву узакониша, изъ четвертыя просфоры за патріарха, и за епископство, и прочая; а изъ шестыя просфоры за архимандрита, или за игумена съ братією, и прочая. Зри, противниче,—снова восклицаетъ Питиримъ,—неразсужденіе или простоту такового повелѣнія: таковымъ дѣйствомъ не точію мірскій чинъ отдѣлили отъ духовнаго, но и духовный чинъ раздѣлили на двое въ разныя просфоры» (лис. 207 об.). Нужно бы всѣхъ въ одну просфору вмѣстить, тогда было бы, по объясненію Питирима, полное и самое тѣсное единеніе между собой всѣхъ членовъ Церкви—и духовныхъ и мірскихъ. Это объясненіе Питирима, конечно, нелѣпо, но оно выдается за несомнѣнную истину и на основаніи его авторъ «Пращицы» осуждаетъ древнюю русскую церковь въ очень тяжкихъ преступленіяхъ—въ безразсудствѣ, достойномъ зазрѣнія, въ раздѣленіи смиреннаго о Христѣ соединенія, въ раздѣленіи духовнаго чина съ мірскимъ и въ раздѣленіи между собой духовнаго чина. Преступленіе заключается даже въ «вознепщеваніи» духовнаго чина будто бы онъ имѣеть «нѣкое превосходство» надъ мірскимъ чиномъ. Очевидно, Питиримъ не признаетъ за іерархіей никакого (даже «нѣкогого») превосходства надъ мірскими чиновниками. Словомъ, Пи-

тиримъ объявляетъ большимъ еретичествомъ установленіе св. Церкви—служить Божественную литургію на семи просфорахъ.

4) Еще болѣе преступной ересью Питиримъ признавалъ изображеніе на просфорахъ восьмиконечнаго креста съ орудіями крестныхъ страданій—тростию и копіемъ и съ главою Адамовой подъ крестомъ (лис. 82 об.). Сего «весьма не подобаешь якоже вводить, тако и пріимати» (лис. 213 об.). Въ противномъ случаѣ нужно признать,—толкуетъ авторъ «Пращицы»,—«аки бы вся таковая: копіе и трость и глава Адамова на просфорѣ воображенная въ совершеніи святыхъ таинъ прилагахуса въ тѣло Христово» (лис. 82 об.). По этому же соображенію Питиримъ находилъ невозможнымъ изображать на просфорѣ и подножіе у креста Христова и дщицу: «того убо ради,—богословствуетъ онъ,—на просфорѣ не приличествуетъ быти воображенію крестному съ подножіемъ и со дщицею» (лис. 214). По странному взгляду Питирима на совершеніе Агнца въ Божественной литургіи, пресуществляется въ тѣло Христово не одинъ только хлѣбъ (вынутый Агнецъ изъ просфоры), но и изображенія на этомъ хлѣбѣ. Онъ вѣритъ, что только два дерева (прямое и поперечное), изображающихъ четвероконечный крестъ на просфорѣ, могутъ преложиться и предлагаются въ тѣло Христово, а ужъ съ остальными двумя деревцами (подножіемъ и дщицей) этого никакъ не можетъ случиться. Помимо своей неѣпости это вѣрованіе Питирима еретично. Во время Божественной литургіи предлагается въ тѣло Христово не крестъ (хотя бы и четвероконечный) и не буквы: «Исусъ Христосъ — ни ка», а хлѣбъ-просфора. Авторъ «Пращицы» всѣ изображенія на просфорѣ принимаетъ за самыя дѣйствительныя вещи: изображеніе копія за самое копіе, изображеніе главы Адама за самую

сушую главу. Онъ потому и находилъ «неприличнымъ» изображать эти вещи на просфорѣ, что думалъ, что и онѣ превращаются въ тѣло Христово: представьте черепъ Адама превращается въ Христово тѣло. Это же—искаженіе таинства Евхаристіи. Птиримъ никакъ не могъ понять, что всѣ изображенія на просфорѣ въ сущности есть только изображенія, при чемъ сдѣланные изъ хлѣба-просфоры. И нѣтъ ничего страннаго, если они преложатся, такъ какъ они есть собственно хлѣбъ. Не допуская изображенія на просфорѣ того евангельскаго событія, которое совершалось на Голгоѣѣ и которое символизируется святой проскомидіей, Птиримъ въ то же время допускаетъ изображать на просфорѣ явленное Константину Великому видѣніе, которое въ проскомидіи совсѣмъ не воспоминается, да и его изображаетъ по-своему. Этимъ допущеніемъ онъ самъ опровергъ всѣ свои разсужденія, направленные противъ изображенія на просфорѣ голгоѣскаго событія. Если допустимо изобразить на просфорѣ видѣніе Константину, то тѣмъ болѣе допустимо на ней начертаніе образа страданій Христа на Голгоѣѣ. И не только допустимо, но такъ и должно быть. Однако Птиримъ признаетъ это изображеніе на просфорѣ въ такой степени преступнымъ, что чрезъ него не можетъ быть теперь сущаго тѣла и крови Христовой въ Божественной литургіи. Старообрядцы спрашивали: «Аще который іерей *нынѣ во святѣй церкви* отслужитъ святую литургію по старопечатнымъ службникамъ, на седми просфорахъ, съ воображеніемъ честнаго креста, съ подножіемъ и съ прочією обычною подписію,—будетъ ли пречистое тѣло и кровь Христова, или ни?» (вопросъ 212) Вопросъ былъ поставленъ не о старообрядческихъ священникахъ, ихъ Птиримъ совсѣмъ не признавалъ за священниковъ, а о полахъ господствующей церкви: вотъ если они

отслужать литургію на семи просфорахъ съ воображеніемъ креста, съ подножіемъ—и не гдѣ нибудь, а въ святомъ храмѣ,—то будетъ ли за этой литургіей тѣло и кровь Христова или нѣтъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Птиримъ прежде всего увѣренно заявляетъ старообрядцамъ, что «нынѣ на семи просфорахъ и воображеніе полагати креста сицевымъ образомъ: съ тростию и съ копіемъ, и съ главою Адамовою, *ни кто служити не будетъ*, кромѣ васъ, противниковъ. По-неже убо *противящихся въ таковыхъ* соборнѣ восточниі патриархи: Паисій александрійскій, Макарій антиохійскій и московскій патриархъ Іоасафъ и вси російстїи архіереи *проклятїю предаша и священства извергоша* и всякаго священнодѣйствїя весьма обнажиша». Не за хулы какія-либо на церковь, не за ересь или какія-либо заблужденія были преданы проклятїю и изверженїю священнослужители русской церкви, а только за сопротивленіе никоновскимъ нововводствамъ, т.-е. за то, что они совершали святую литургію и другія священнодѣйствїя по старымъ книгамъ. Противящихся именно «*въ таковыхъ*», какъ увѣряетъ Птиримъ, «соборнѣ восточная патриархи проклятїю предаша и всякаго священнодѣйствїя обнажиша». «И аще которїи попы,—заключаетъ авторъ «Прашицы»,—невѣжди суще, вами прелщенниі и весьма развращенниі, нынѣ дерзнуть тако служити, противящесе восточнѣй и великороссїйствѣй церкви и вышепомяненной соборной клятвѣ, таковїи суть прокляти и отлучени и извержени и весьма священнослуженїя обнажени. *И отъ таковыхъ, соборомъ проклятыхъ и изверженныхъ и священства обнаженныхъ, не можетъ быти суще святое тѣло Христова и кровь Христова, весьма*» (лис. 345 и об.). И сами они прокляты и дѣйствїя ихъ ничтожны—и только потому, что служатъ на семи просфорахъ, съ изображеніемъ на нихъ вось-

миконечнаго креста. Въ этомъ собственно и было ихъ противленіе патріархамъ и архіереямъ.

5) Больше всего преступленій, ересей и нечестія заключается въ двоеперстномъ сложеніи. Питиримъ ведетъ съ нимъ очень упорную борьбу. По его утвержденіямъ, двоеперстіе уже по одному тому не можетъ быть допустимо, что «оное перстовъ сложеніе—*преданіе еретическое еретика Мартина мниха Армянина* и множайшими соборы отъ церкви отриновенно весьма» (лис. 104). «Сложеніе перстовъ, еже креститися двѣма персты,—поясняетъ Питиримъ,—у армянъ *новое преданіе, а не древнее: того ради и клятвами по вышесанному отречено*» (лис. 102 об.). Оно въ то же время есть и латинское преданіе и ересь. По увѣренію «Пращиды», «оное двоеперстное сложеніе *ересію латинскою* называлъ православный грекъ, восточныя церкви учитель, Константинъ философъ Панагіотъ: егда у него было преніе съ латинскимъ кардиналомъ Іоанномъ Азимитомъ, тогда Константинъ философъ рече ко Азимиту сиде: Паки вопрошу тя о седмидесятихъ и дву ересѣхъ вашихъ, отвѣщай ми. И въ первыхъ рекъ о ихъ ересѣхъ: како вы Пречистую Богородицу не Богородицу именуете, но святая Маріа? и прочая. Потомъ второе спросилъ: и почто не согibaеши три персты (мало пониже), но твориши крестъ обоими персты, и послѣди палцемъ *вѣшнюю страну?*» «Зри,—заключаетъ Питиримъ,—яко здѣ Панагіотъ еже двѣма персты креститися *ересію латинскою нарицаетъ*» (лис. 97 об.). Но кромѣ того и въ старопечатномъ Требникѣ повелѣвается приходящему къ св Церкви «вся ереси проклинати, и той проклинаетъ вся ереси, въ томъ числѣ проклинаетъ и латинскія вся ереси, и *св тѣмъ ереси проклинаетъ же крестящихся латинѣ двѣма персты*» (лис. 98) «И по всему вышесанному показанію *есть латинское и армянское таковое повелѣніе,*

еже креститися двѣма персты, и церкви святѣи противно, не нынѣ (*но еще изъ древле*) проклято суще церковнымъ повелѣніемъ, такожде якоже и прочія ихъ ереси, и яко латини, тако и еретики армяне». «Также то двоеперстное знаменованіе наречено съ прочими ересми *влѣстѣ армянскою ересію, и проклято древле на востоцѣ*» (лис. 98 об.). Можно было бы и ограничиться только этими осужденіями на двоеперстіе. Если оно произошло отъ еретиковъ, да такихъ еще гибельныхъ, какъ армяне и латиняне, и издревле объявлено ересью и предано проклятію, то, казалось бы, и нечего больше о немъ разсуждать. Но Пителима оно почему-то сильно беспокоило. На протяженіи всей книги онъ старается доказать, во что бы то ни стало, что двоеперстіе по самому сложенію своему есть совокупность нѣсколькихъ ересей. Старообрядцы спрашивали: на какомъ основаніи двоеперстіе признано еретичествомъ въ новопечатныхъ книгахъ? Пителима отвѣчаетъ: «Еже въ соборномъ свиткѣ и во Псалтыри и въ Скрижали оное *противное повелѣніе, еже креститися двѣма персты названо арианствомъ, несторіанствомъ и армянствомъ* не туне, понеже отъ имущихъ независтный умъ и духъ смиренія разумѣется тако, ибо таковое преданіе не восточныя церкви, но содержащійся *обычай еретиковъ армяновъ и проклятыхъ латиновъ*» (лис. 91 об.). Далѣе Пителима разъясняетъ, что и по содержанию своему двоеперстіе есть страшное еретичество. «Еже *арианствомъ* таковое сложеніе перстовъ поречено въ Скрижали и въ прочихъ поистиннѣ, аще благо разумно разсудити, и не туне, якоже видѣти есть по тремъ благословнымъ винамъ: первое отъ глагола, второе отъ вещи, третіе отъ посредства, понеже бо о сложеніи трехъ перстовъ речено сие: ибо три перста сложити купно, великій и малый и третій что подлѣ малаго, исповѣдуется тайна божественныхъ трехъ ипостасей,

Отца, и Сына, и Святаго Духа, единого Бога въ трехъ лицахъ» (лис. 91 об. 92). Это «реченіе» Питиримъ взялъ не изъ старообрядческихъ сочиненій своего времени, а изъ старопечатныхъ книгъ: Псалтыря, Кирилловой, Большого катихизиса, Малаго катихизиса и Книги о вѣрѣ. Именно въ этихъ книгахъ говорится: «Сиде исповѣдуетъ святая церковь: Совокупленіе тріехъ перстовъ правыя руки, сирѣчь великаго и малаго перста и третіяго, что подлѣ малаго, исповѣдуется въ томъ таинство божественныхъ тріехъ ипостасей, Отца и Сына и Святаго Духа, единого Бога въ тріехъ Лицѣхъ» («Книга о вѣрѣ», лис. 74). Подобно собору 1667 г. и всѣмъ его послѣдователямъ, Питиримъ направляетъ свои обличенія противъ старопечатныхъ книгъ. Въ *ихъ* объясненіи и наименованіи пальцевъ въ двоеперстіи онъ раскрываетъ страшныя ереси, обвиняя такимъ образомъ всю древнюю Церковь въ еретичествѣ. «Здѣ — говоритъ Питиримъ, — рассмотреть подобаетъ о сложеніи трехъ перстовъ, имиже по вышеписанному воображаютъ таинство Святыя Троицы». «По вышеписанному» — значитъ, какъ изложено въ старопечатныхъ книгахъ. Питиримъ доказываетъ аріанство въ старопечатныхъ книгахъ и въ двоеперстномъ сложеніи тремя «благословными винами»: во-первыхъ, тѣмъ, что изображающіе Св. Троицу персты названы одинъ — «великимъ», другой — «малымъ», а третій — «что подлѣ малаго»; во-вторыхъ, разницей пальцевъ — не всѣ они равны: одинъ больше, другой поменьше, третій еще меньше; въ третьихъ, не всѣ они стоятъ подрядъ: большой палецъ отдѣленъ отъ остальныхъ пальцевъ двумя посредствующими перстами (указательнымъ и безымяннымъ»). «Самою вещью» двоеперстное сложеніе подобно аріанству и македоніанству, — замѣчаетъ Питиримъ (лис. 92 об.). Конечно, такими «благословными винами» можно доказать аріанство и македоніанство гдѣ угодно и въ чемъ угодно.

У одного человѣка короткіе пальцы, у другого—по-
длиннѣе, вотъ уже и ересь, по Птириму. Эту ересь
еще легче замѣтить въ Никоновскомъ триперстіи: въ
немъ большой палецъ значительно отличается отъ ука-
зательнаго—по росту и толщинѣ, да и не рядомъ съ
ними стоитъ; кромѣ того и называется онъ, какъ у
старообрядцевъ, такъ и у никоніанъ, «*большимъ* паль-
цемъ», въ отличіе отъ остальныхъ пальцевъ. На лицо,
слѣдовательно, всѣ три «богословныхъ вины», по ко-
торымъ Птиримъ имѣетъ полное основаніе и свое
триперстіе признать и аріанствомъ, и македоніанствомъ.
Разумѣется, все разсужденіе Птирима о двоеперстіи
есть ни что иное, какъ глупость. Но она догматизи-
рована на соборѣ 1667 г. и стала «правиломъ вѣры»
новой церкви. Авторъ «Пращицы» съ большимъ упор-
ствомъ твердитъ во многихъ мѣстахъ своей книги, что
двоеперстное сложеніе именно «самою вещью», т. е.
само по себѣ, есть еретичество. «Нововводное преда-
ніе,—повторяетъ онъ,—еже креститися двѣма персты,
указательнымъ да среднимъ, названо ересію Аріевою,
и Македоніевою, и Несторіевою подобія ради таковаго,
понеже глаголомъ и вещью подобится оныхъ еретиковъ
злomu мудрованію» (лис. 99). «По такому глаголу,—
снова разъясняетъ Птиримъ,—еже великій и два по-
слѣднія малыя, *и по вещи*, еже великій первый перстъ,
и два перста малыя послѣднія *всячески подтверждается*
и подобится оныхъ еретиковъ мудрованію» (тамъ же
на обор.). «Убо по всему,—еще разъ заключаетъ авторъ
«Пращицы»,—всячески такое сложеніе перстовъ, *по*
глаголу и по вещи подобно мудрованію Аріеву и Ма-
кедоніеву, вводящему въ Троицу великое и малое, и
первое и послѣднее» (лис. 100). Кромѣ этихъ ерети-
ковъ, «тоже ваше,—обращается Птиримъ къ старо-
обрядцамъ,—такое сложеніе перстовъ подобится *по*
глаголу и по вещи еретикю Несторію» (лис. 100 об.).

Ничего еретическаго старообрядцы, разумѣется, не содержали въ своемъ перстосложеніи, какъ не заключала въ немъ ереси и древняя Церковь, учившая двоеперстію. Это хорошо зналъ и Пителирмъ со всѣми своими единомышленниками, поэтому онъ такъ упорно указываетъ ереси не въ толкованіи *догматическаго значенія* двоеперстнаго сложенія, а лишь въ самыхъ перстахъ, именно въ томъ, что они не одинаковаго размѣра, что они не по-ряду стоятъ и что носятъ разныя названія (глаголы). По разъясненію Пителирмы, двоеперстное сложеніе должно признать еретическимъ даже у Самого Христа, такъ какъ и у Господа персты были такого же вида и размѣра и такъ же складывались, какъ и у каждаго старообрядца. Съ точки зрѣнія автора «Пращицы», должно признать еретической всю Церковь предыдущихъ вѣковъ, со всѣми ея святителями, ибо она очень часто изображала три лица Св. Троицы различными между собою «вещами» и явленіями, на что сдѣланы указанія въ самой «Пращицѣ». «Святый Аѳанасій Александрійскій,—приводитъ самъ Пителирмъ,—невоображаемаго Бога въ Троицѣ славимаго *воображаетъ* *вещію зримою*, паче же несозданнаго созданною: *солнцемъ* бо воображаетъ его единство, Божественныя же его три ипостаси воображаетъ: *кругомъ солнечнымъ* Отца, *лучею же* воображаетъ Сына, и *сіяніемъ* воображаетъ Духа Святаго. И паки той же воображаетъ *огнемъ* Отца, а еже *огня палителное тѣмъ* воображаетъ Сына, а еже *огня просвѣтительное тѣмъ* воображаетъ Духа Святаго» («Пращица», лис. 124 об —125). Три вещи: солнце, лучъ и сіяніе не равны между собой, какъ не равны между собой огонь, теплота и свѣтъ; однако, этими вещами св. Аѳанасій Великій символизируетъ Св. Троицу. По толкованію Пителирмы, и въ этихъ символахъ необходимо признать тѣ же ереси, какія онъ отыскалъ въ двоеперстіи. «Тотъ же св. Аѳанасій и Да-

маскинъ святой Іоаннъ,—приводится въ «Пращицѣ» же,—*Адаломѣ* воображаютъ Отца, *Сивоимѣ* воображаютъ Сына, Еввою воображаютъ Духа Святаго. Святой Григорій Синаитъ воображаетъ Тріипостасную Троицу трисоставнымъ крестомъ. Святая же великомученица Варвара тремя просѣченными окны вообразила Святую Троицу. Блаженѣйшій же Симеонъ Ѳессалонитскій воображаетъ образомъ крестнымъ Святую Троицу: правымъ древомъ, сирѣчь прямымъ, еже въ долготу, воображаетъ Отца, пречнымъ же древомъ, обоими его концами, воображаетъ Сына и Духа Святаго» (лис. 125). Никто, даже Птиримъ, надѣмся, не станетъ отрицать, что Евва «и вещью и глаголомъ» *меньше* Адама, еще меньше ихъ обоихъ Сноѣ. Никто также не станетъ отрицать, что и въ крестѣ два конца поперечнаго деревца вдвойнѣ, если не болѣе, меньше прямого деревца. Тѣмъ не менѣе, св. Церковь изображаетъ этими вещами (не равными между собой и по глаголу и по вещи) три лица Св. Троицы. По выводамъ Птирима, во всѣхъ этихъ символахъ заключается арианство и македоніанство. «Аще убо вы,—доказываетъ Птиримъ старообрядцамъ,—о Святѣй Троицѣ по Арію и по Македонію *такъ и не мудрствуете*, но хотящимъ тако по онѣхъ злѣ мудрствовати велій приуказъ *показуете онымѣ перстовѣ сложеніемѣ и глаголы оными*, еже речено: великій и малый, великій и два послѣднія малыя, между же онѣхъ и дву перстовѣ посредствіемъ, явѣсть по вышепоказанному арианство, и македоніанство *и не хотяще подтверждаете*» (лис. 93 об.). Такъ же подтверждается и ересь Несторія. «Аще тако по его *злому мудрованію и не мудрствуете*, но вещью, еже есть, *таковымѣ перстовѣ сложеніемѣ*, всѣмъ его ереси послѣдующимъ, и хотящимъ послѣдовати, веліе *показуете и не хотя* подтвержденіе и возслѣдованіе» (лис. 94). «И по всему выщеписанному показанію,—еще разъ Пти-

тиримъ дѣлаеть заключеніе,—аще вы Аріева, и Македоніева, и Несторіева *и не мудрствуютъ*, но тѣмъ, иже хошуть оныхъ еретиковъ таковое злое мудрованіе мудрствовать, и имъ послѣдствовать, *таковымъ сложеніемъ перстовъ и глаголы* велие показуете подкрѣпленіе и утвержденіе, и *непрестанное проповѣданіе таковымъ сущимъ подобіемъ* и за тое таковымъ же клятвамъ святыя церкви подпали есте» (лис. 101).

Вотъ въ чемъ была страшная вина всей древней Церкви и всѣхъ старообрядцевъ—въ самомъ перстосложеніи, независимо отъ какихъ бы то ни было объясненій и толкованій. За одни только пальцы, взятые сами по себѣ, безъ толкованія и объясненія ихъ значенія, новая церковь, въ лицѣ своихъ соборовъ и такихъ представителей, какъ Питиримъ, признала православныхъ христіанъ еретиками и предала ихъ проклятію, а съ ними вмѣстѣ объеретичила и проклѣяла и всю древнюю Церковь, со всѣми ея святыми угодниками Божиими.

Питиримъ навязываетъ аріанство и македоніанство не однимъ старообрядцамъ, но и древней Церкви и ея св. отцамъ. Двоперстное сложеніе было подтверждено на святомъ Стоглавомъ соборѣ. Питиримъ доказываетъ, что именно на этомъ соборѣ посредствомъ одного сложенія перстовъ утверждено еретическое мудрованіе. *«Тому же уподобится,»*—говоритъ Питиримъ *и оное сложеніе перстовъ*, еже отцы собора онаго ново предаша, слагати первый великій персть съ двѣма послѣдними и малыми. И се явно подтвержденіе, и приуказъ хотящимъ Аріева мудрствовать и держати: понеже первымъ великимъ перстомъ, яко бы о Бозѣ Отцѣ первое и великое, двѣма же послѣдними и малыми персты, яко бы о дву ипостасѣхъ, о Сынѣ и о Святѣмъ Дусѣ послѣднее и меньшее по Арію подтверждается. Но *аще тако, въ таковомъ сложеніи*

перстовъ, отцы онаго собора и не мудрствовали, но хотящимъ тако мудрствовати по Арію, и не хотяще, кромѣ мудрствованія, вещью подтверждаютьъ зѣло зѣло» (лис. 75 об.). Ни въ одной старопечатной книгѣ, ни въ одномъ старообрядческомъ сочиненіи не говорится, какъ не говорится и въ Стоглавѣ, чтобы первымъ большимъ пальцемъ изображать Бога Отца, а послѣдними двумя Сына и Духа Святого. Говорится только: тремя перстами изобразуется Св. Троица, а какимъ именно перстомъ какое именно лицо Св. Троицы изобразуется—этого не сказано. Но Питириму до этого нѣтъ никакого дѣла. Онъ твердитъ свое: хотя отцы Стоглаваго собора и не мудрствовали по аріански, но самымъ перстосложеніемъ, одною только вещью, подтверждаютъ аріанскую ересь «зѣло-зѣло». А такъ какъ, двоеперстіемъ знаменовалась вся древняя Церковь, со всѣми своими святителями и всѣмъ народомъ, то, по Питириму, вся она зѣло-зѣло подтверждала аріанскую ересь.

Раздѣлавшись съ тремя пальцами въ двоеперстіи, изображающими Св. Троицу, Питиримъ принялся за остальные два пальца (указательный и средній). Какъ по опредѣленію собора 1667 г., такъ и по объясненію «Пращицы», въ триперстномъ сложеніи два послѣднихъ пальца (мизинецъ и безымянный) должны быть «праздными», т.-е. ими ничего не должно изображать (см. Дѣянія Собора 1667 г., лис. 6, изд. 1893 г. братства св. Петра митр.). Въ двоеперстномъ же сложеніи кромѣ Св. Троицы изображаются еще особо два Христовыхъ естества двумя перстами—указательнымъ и среднимъ. Въ такомъ отдѣльномъ символѣ Питиримъ находитъ ересь еретика Несторія. «Писаніе блаж. Θεодорита, — говоритъ авторъ «Пращицы», — еже учить двѣма персты креститися подобно мудрованію несторіеву: понеже повелѣвалъ первый перстъ слагати со двѣма послѣдними, и тѣми сказуетъ во-

ображати Святую Троицу, Отца, и Сына, и Святаго Духа. И въ такомъ сложеніи перстовъ не объявилъ о ипостаси Сына Божія, еже бы со воспріятіемъ плоти, но умолча весма: пачеже и объявлено, яко ипостась Сына Божія, въ томъ сложеніи воображаетъ раздѣлну и нагу пріятія плоти: *понеже туюжде ипостась Сына Божія другими перстами воображаетъ*: указательнымъ божество, а среднимъ человѣчество. Но и здѣ убо, якоже и прежде тому же послѣдуя, указательнымъ образуетъ божество, а не сказуетъ того, еже бы со воспріятою плотію нераздѣлно. Такжеде и среднимъ человѣчество, и не сказую же яко нераздѣлно божественныя ипостаси Сына Божія, но всячески умолчано. И по такому воображенію, по премного подобно мудрованію еретика Несторіа, показующему два же Сына, единого чрезъ воображеніе божества, не припоминая воспріятого человѣчества: а другаго чрезъ воображеніе человѣчества, умолчая же яко соединено ли ипостаси Сына Божія» (лис. 286 и об.). Только потому, что особыми пальцами изображаются два Христовыхъ естества Питиримъ объявляетъ двоеперстіе несторіанствомъ, при чемъ подчеркиваетъ, что въ этомъ еретичествѣ повинны старопечатныя книги. «Вси крестящіися двѣма персты,—разъясняетъ авторъ «Пращицы»—указательнымъ перстомъ воображаютъ Божество едино, нагствующее человѣчество, среднимъ же перстомъ воображаютъ едино человѣчество нагствующее того божества: понеже *въ старопечатныхъ книгахъ*, во ономъ словѣ, еже о крестѣ, напечатано о указательномъ перстѣ сїце: Вышній же персть образуетъ божество, о среднѣмъ же сїце: А нижній человѣчество». Питиримъ дѣлаетъ посылку на 181 листъ книги «Кирилловой». «И сіе явѣ,—заключаетъ онъ,—и такое повелѣніе всякому разумѣти можно, яко повелѣно воображати кождо естество особнымъ перстомъ: выш-

нимъ божество, нижнимъ же челоуѣчество» (лис. 129 об.). Въ этомъ именно Питиримъ усматривалъ еще другую ересь. «У васъ, — разъясняя оны старообрядцамъ, — два перста едино лице показати не могутъ, но всячески два лица видѣти есть, и таковое ваше воображеніе весьма противно есть» (лис. 130). Чтобы доказать крайнее нечестіе въ изображеніи однимъ перстомъ божества, а другимъ челоуѣчества, Питиримъ приводитъ слова св. Іоанна Дамаскина: «По свидѣтельству святаго Дамаскина Іоанна, божество бо убо естество являетъ, Отецъ же ипостась. Вы же воображаете указательнымъ перстомъ божество, а не ипостась. Глаголетъ убо святой Дамаскинъ сице: Божество же о ипостаси рещи не можемъ. Той же о таковыхъ, иже воображаютъ божество, глаголетъ сице: Къ симъ же невидимаго и безтѣлеснаго и неописаннаго и необразнаго Бога кто можетъ сотворити подражаніе? Пребезумія убо крайняго и нечестія образовати божество» (лис. 125 об.). По Питириму, никоимъ образомъ не допустимо однимъ перстомъ образовать божество, а другимъ челоуѣчество. Это ересь. Нашелъ оны и третью ересь въ двоеперстномъ сложеніи, именно въ томъ, что указательнымъ и среднимъ перстомъ изображаются два естества Христовыхъ — божеское и челоуѣческое. Приписавъ протопопу Аввакуму ложное утвержденіе, будто бы Христосъ на особомъ престолѣ близъ Св. Троицы сидитъ, Питиримъ говоритъ: «Подтверждая же той свое таковое злое мудрованіе, указываетъ на оное сложеніе перстовъ, глаголя: три перста, великій и два послѣднія, ими же воображается Святая Троица; указательный да средний, ими же де воображаемъ два естества, божество и челоуѣчество, и се явѣ де, яко Христосъ близъ Святыя Троицы, на особомъ престолѣ сидитъ. И по таковому его злому мудрованію будутъ два Сына, единый со Отцемъ и Духомъ, еже есть Троица, а дру-

ий на особомъ престолѣ соцарствуя близъ Святыхъ Троицы» (лис. 94). Зная же хорошо, что старообрядцы такъ не мудрствуютъ, Пителиримъ оговаривается: «Аще же тако по его злому мудрованію и не мудрствуете, но вещью, еже есть, таковымъ перстовъ сложеніемъ, всѣмъ его ереси послѣдующимъ, и хотящимъ послѣдовати, веліе покажете и не хотя подтвержденіе и возслѣдствованіе» (лис. 94). Опять повинна въ ереси сама «вещь»: всѣ ереси Пителиримъ отыскиваетъ не въ ученіи старообрядцевъ, не въ толкованіи символическаго значенія двоеперстнаго сложенія, а въ самыхъ перстахъ—въ ихъ размѣрѣ, мѣстоположеніи, названіи. Старообрядцы указывали ему, что они ничего не имѣютъ общаго съ Несторіемъ, что они какъ въ перстосложеніи, такъ и въ другихъ символахъ и книгахъ содержатъ вполне православное ученіе о Сынѣ Божіемъ и о двухъ Его естествахъ.—Пителиримъ однако продолжаетъ громить двоеперстіе. «Кое согласіе съ Несторіемъ имѣти припознавается въ сложеніи перстовъ,—удивлялись составители вопросовъ,—той бо исповѣдалъ два Сына и два состава о единомъ Христѣ: двѣма же персты научаетъ познавати два естества во единомъ составѣ, а не два сына и не два состава, и не проста чловѣка по Несторію, но Бога совершенна, и чловѣка совершенна во единой ипостаси образуетъ перстами, и нѣсть ли отъ святыхъ отецъ такова же образованія приличнаго дву перстомъ, еже два естества, двѣма вещьма образовательнаго?» (вопросъ 41-й). Старообрядцы прямо указали, что св. Церковь тѣ же символы, какіе заключаются въ двоеперстіи, изображаетъ въ трикиріи и дикиріи: трикиріемъ—три Лица Св. Троицы, дикиріемъ—два Христовыхъ естества—божеское и чловѣческое. «Архіерей нынѣ благословляетъ въ служеніи литургіи обоима рукама держай свѣщы: въ правой руцѣ три свѣщы, въ лѣвой же двѣ, кую тайну три свѣщы обра-

зуютъ, и кую двѣ свѣщы?»—спрашивали старообрядцы (вопр. 42-й). Вопросомъ этимъ Питиримъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. По толкованію даже новой церкви, трикирій образуетъ Св. Троицу, а дикирій два естества Спасителя (см. «Новую Скрижаль», архіепископа Веніамина, час. I, гл. IX, § 2, стр. 34, изд. 16-е). По Питириму здѣсь должны быть всѣ тѣ ереси, которыя онъ отыскалъ въ двоеперстіи: и два Сына—одинъ въ трикирії, другой въ дикирії; и раздѣленіе Сына на нагствующее божество (въ одной свѣчѣ), и нагствующее человѣчество (въ другой свѣчѣ); и особое сдѣланіе Сына (въ дикирії) близъ Св. Троицы (въ трикирії). Питириму ничего не оставалось дѣлать, какъ признать самого себя и всю свою церковь повинными въ тѣхъ самыхъ ересьяхъ, которыя онъ съ такимъ усердіемъ и упорствомъ раскрывалъ въ двоеперстіи; или отречься отъ своихъ обвиненій противъ двоеперстія и признать, что оно и по вещи и по глаголу вполне православно. Казалось бы, Питириму легче всего сдѣлать послѣднее: повиниться въ своихъ вымыслахъ и натяжкахъ—и дѣлу конецъ. Но ему нельзя было сдѣлать этого по той простой причинѣ, что онъ въ своихъ нападкахъ на двоеперстіе былъ связанъ съ опредѣленіемъ собора 1667 г. Онъ повторялъ и развивалъ то, что уже догматизировано восточными патриархами и всей новой церковью. Отречься отъ собора 1667 г.—это значило бы признать правоту старообрядчества. Пойти на этотъ единственно спасительный путь Питиримъ не могъ. Однако отвѣчать нужно было на поставленный вопросъ. «Равноапостольный» авторъ «Пращицы» далъ классическій отвѣтъ: «Таковое ваше вопрошеніе, — заявляетъ онъ старообрядцамъ, — не истинное, но лукавое, и отвѣта не достойное: понеже вопрошаете не еже бы уразумѣти правду, но еже бы точію уподобити правдѣ неправду, свѣту тму, церков-

ному преданію еретическое преданіе, еже есть онымъ свѣщамъ противное ваше перстовъ сложеніе; но никакоже, никако такое ваше перстовъ сложеніе ко свѣщамъ онымъ подобитися возможетъ; понеже свѣщныя преданіе святыя Церкви не отриновенное, а оное ваше перстовъ сложеніе, преданіе еретическое еретика *Мартина мниха Армянина, и множайшими соборы отъ церкви отриновенно весма*» (лис. 104) Вотъ въ чемъ теперь дѣло: не въ томъ уже, что двоеперстіе не такъ и не тамъ изображаетъ Св. Троицу и два Христовыхъ естества, а только въ одномъ, что оно будто бы предано еретикомъ *Мартиномъ Армяниномъ*. Такимъ отвѣтомъ *Питиримъ* блестяще расписался въ банкротствѣ всѣхъ своихъ нападокъ на двоеперстное сложеніе. Однако онъ не унываетъ, и здѣсь снова обрушился на ненавистное ему перстосложеніе: «Оное же противное перстовъ сложеніе ваше свѣщамъ не подобитися, — заявляетъ онъ, — паче же подобитися ересемъ: *Аріевъ, и Несторевъ, и новому Несторию еретикю, лжепротопопу Аввакуму*» (лис. 104 об.).

Старообрядцы указали ему, что вѣдь и въ триперстномъ сложеніи обрѣтаются тѣ же ереси, какія онъ отыскалъ въ двоеперстіи. Напр., книга «Увѣтъ», изданная, какъ свидѣтельствуется *Питиримъ*, «всею соборной великороссійской церковью», исповѣдуетъ: «яко много лучше тѣ обѣ тайнѣ нами воображаютъ тремя первыми персты Святую Троицу, двѣма же послѣдними преклоненными Бога Слова вочеловѣченіе» (вопросъ 190-й, «Увѣтъ», лис. 138, по друг. изд. 134 об.). *Питиримъ* вывернулся такимъ объясненіемъ: «Увѣтъ не утверждаетъ, еже бы всѣми пятию персты тѣ таинства вообразати не отложно, но речено убо точію противу тогдашнихъ, вопреки противникомъ. Понеже по изреченіи оныхъ прекословныхъ рѣчей на концѣ речено о воображеніи перстовъ сиче:

лучше являться можетъ, сирѣчь, аще бы намъ тако вообразати, лучше бы тое являться могло: и сіе реченіе не утверди, еже бы тако вообразати и мудрствовати: но убо коликими премногими винословіи Увѣтъ утверди непремѣнно: еже знаменатися тремя первыми персты: въ нихже и таинство Святыя Троицы повелѣ православно вообразати. А при такомъ многомъ винословіи, въ послѣднихъ дву перстахъ никоего вообразати таинства воспоминауль, кромѣ онаго прекословія, а не утвержденія» (лис. 330). Значить, по Питириму, въ триперстномъ сложеніи ни въ коемъ случаѣ нельзя изображать двумя отдѣльными (послѣдними) перстами два Христовыхъ естества—божеское и человѣческое, въ противномъ случаѣ и здѣсь будутъ тѣ же ереси, которыя онъ съ такой настойчивостью раскрылъ въ двоеперстіи. «Увѣтъ» однако подвелъ всѣ его старанія къ печальнымъ результатамъ. Еще большій ударъ нанесли всѣмъ «глубокомысленнымъ» богословскимъ выводамъ Питирима книга «Обличеніе» Теофилакта Лопатинскаго и книга «Отвѣты» Никифора Астраханскаго, обѣ изданныя синодомъ. «Мы, — разъясняетъ архіепископъ Никифоръ, — простирая три первые перста, тройственнаго Бога первую всѣхъ виною быть показуемъ: наклоня же два послѣдніе, снисхожденіе божественное, и смиреніе воплощенія и Креста Сына Божія: къ рукѣ же оныя соединяя, два естества его въ одной ипостаси соединенныя означаемъ». («Отвѣты» Никифора Астраханскаго, стр. 120—121, изд. 1854 г.). Теофилактъ еще опредѣленнѣе говоритъ. «По обычаю святыя соборныя каѳолическія церкви, должны православніи въ знаменіи крестномъ слагати первые три персты во изображеніе Святыя Троицы, а два послѣдніе сибати къ ладонѣ во изображеніи двухъ естествъ во Христѣ Божія и человѣческаго» («Обличеніе», лис. 24). То же говорится и въ «Увѣщаніи» синода (лис. 55). Такимъ

образомъ всѣ труды Птирима — доказать въ двоеперстіи ересь обрушились на его же церковь, превратились въ самоосужденіе. Къ удивленію своему онъ доказалъ, что троеперстіе есть страшная ересь.

Птиримъ несомнѣнно понималъ, что не запугаешь двоеперстниковъ этими крайне недобросовѣстными указаніями въ двоеперстіи ересей. Никто изъ нихъ не могъ повѣрить, что двоеперстіе само по себѣ, одною лишь «вещію», есть еретичество. Авторъ «Пращицы» старается поэтому доказать, что двоеперстіе осуждено и древней Церковью какъ ересь и что за употребленіе его наложены страшныя анаѣмы и проклятія. Онъ приводитъ выдержки изъ Потребника, будто бы Феогноста російскаго митрополита. «Въ старописанномъ харатейномъ Требникѣ, — свидѣтельствуегъ Птиримъ, — во ономъ же числѣ, идѣже повелѣно отъ еретиковъ пришедшаго вріимати и вся ереси повелѣно ему проклинати; по проклинаніи ересей многихъ латинскихъ речено сиде: Проклинаю еретиковъ римлянъ, не творящихъ крестнаго знаменія совокупивше тремя первыми персты, но *точію двѣма, указательнымъ и среднимъ: да будутъ прокляти*. Еще во ономъ же Требникѣ о проклятій всѣхъ же еретиковъ и ересей ихъ, въ томъ числѣ проклятіе еретикомъ армяномъ и ересемъ ихъ, и по проклинаніи ересей ихъ, речено сиде: Проклинаю еретиковъ армяновъ, не творящихъ крестнаго знаменія тремя первыми персты, иже слагаютъ первый персть со двѣма послѣдними, и *творятъ крестъ двѣма персты, указательнымъ и среднимъ, да будутъ прокляти*» (лис. 98 «Пращицы»). Птиримъ рѣшительно утверждаетъ, что двоеперстіе проклято издревле. «По всему вышечисанному показанію, — говоритъ онъ, — есть латинское, и армянское таковое повелѣніе, еже креститься двѣма персты, и церкви святѣй *противно не нынѣ (но еще изъ древле) проклято* суще церковнымъ пове-

лѣніемъ, такожде якоже и прочія ихъ ереси» (лис. 98 об.). Питиримъ указываетъ, что двоеперстіе было проклято не въ Россіи только, но и на Востокѣ. «Также то двоеперстное знаменованіе,—увѣряетъ онъ,—наречено съ прочими ересми вмѣстѣ *армянскою ересію, и проклято древле на Востоцѣ* православнымъ патриархомъ Лукою всесоборнѣ» (тамъ же). По свидѣтельству Питирима, патриархъ Лука съ соборомъ проклинали нѣкоего еретика Мартина Армянина за то, что онъ въ пяти главахъ своего сочиненія училъ двоеперстію, сугубой аллилуйи, посолонному хожденію и т. п. «И за вся его вышешанная въ пяти главахъ, армяномъ единомудрствующаго проклинаемъ,—провозгласилъ соборъ съ патр. Лукою,—и отъ святыхъ восточныхъ церкви отлучаемъ и анаѣемѣ предаемъ: буди онъ анаѣема, анаѣема, анаѣема» (тамъ же). Проклято и самое двоеперстіе—даже за то одно, что оно новое преданіе. «Сложеніе перстовъ, еже крестится двѣма персты, у армянъ новое преданіе, а не древнее: *того ради и клятвами по вышешанному отречено*» (лис. 102 об.). Указываетъ Питиримъ, что будто бы и св. Софроній, патриархъ іерусалимскій, предалъ проклятію двоеперстниковъ (160 об.).

Угрожаетъ двоеперстникамъ авторъ «Пращицы» и новыми проклятіями уже своей церкви. «А еже вы нынѣ, противящеся святѣй церкви и соборному повелѣнію, и всей власти церковной, *креститесь двѣма персты* и другихъ учите и повелѣваете тако креститися, и такое ваше *дѣланіе, и ученіе, и повелѣніе*, за противленіе святѣй церкви, и соборному повелѣнію, и всей власти церковной *есть неправославно весьма*, по словеси Христову: Аще преслушаетъ церковь, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь. Убо вамъ святая церковь чрезъ многая лѣта *возбраняетъ соборнѣ* и сущою властію церковною, *еже бы двѣма персты не креститися и другихъ бы не учити и не повелѣвати*. Вы же

весма *въ таковомъ повелѣніи* церкви святѣй и соборному повелѣнію и власти церковной *противитися и преслушницы явистеся*» (лис. 87). Противленіе и преслушаніе русскихъ людей заключалось лишь въ томъ, что они и сами знаменовались и другихъ учили знаменоваться двоеперстнымъ сложеніемъ, т.-е. дѣлали то, чему учила и что содержала вся древняя Церковь — и русская и восточная. Именно «такое ваше дѣланіе и ученіе и повелѣніе, — говоритъ старообрядцамъ Питиримъ, — есть неправославно весьма». Перекрестился двумя перстами и сталъ еретикомъ. Въ этомъ одномъ «дѣланіи» — и противленіе новой церкви и ересь. За это же и прокляты русскіе люди. «А иже нынѣ, — разъясняетъ Питиримъ, — по преложеніи соборномъ и по исправленіи властію церковною, *противящися* соборному повелѣнію, и *непокоряющися* власти церковной (Въ чемъ противятся и не покоряются? Въ томъ) *еже креститися двѣма персты*, или другимъ повелѣвати, и учити тако креститися, *есть весьма неправославно, и соборнѣ за таковое церкви святѣй непокорство прокляти*» (лис. 88 об.). Не за хулы на церковь, не за отдѣленіе отъ нея прокляты были русскіе люди на соборѣ 1667 г., а только за то, что продолжали креститься двумя перстами и другихъ учили тому же. «За *такое* церкви святѣй непокорство прокляти», — увѣряетъ Питиримъ. «Зрите убо вси противящіися святѣй восточнѣй и великороссійскѣй церкви, — восклицаетъ онъ, — коликая свидѣтельства показываютъ и утверждаютъ купно вси едино, еже креститися тремя первыми персты, а не двѣма, а оная свидѣтельства вся древнему преданію по всему согласуются. Молимъ васъ, *престаните отъ таковаго душепагубнаго противленія* и повинуйтеся во всемъ, якоже святѣй восточнѣй церкви, тако и великороссійской, и ея пастыремъ» (лис. 138). Питиримъ признавалъ большимъ преступленіемъ и на

иконахъ изображать двоеперстное сложеніе. «Еже бы тако писати сложеніе перстовъ по вашему хотѣнію и мудрованію, — обращается авторъ «Пращицы» къ старообрядцамъ, — всячески отъ святыя церкви повелѣнія нѣсть. Аще ли же повелѣнія нѣсть, се явственнo, яко творити тако безъ повелѣнія церковнаго не надлежитъ весма» (лис. 192 об.).

Православныхъ людей, знаменающихся двоеперстно, Пителимъ осуждалъ еще за то, что они не знаменуются тремя перстами. Это — самостоятельное преступленіе, такъ же преданное проклятію, какъ и двоеперстіе, и въ древнее время, за долго до русскаго церковнаго раскола. Еще въ XIV столѣтіи въ такъ называемомъ Феогностовомъ «Требникѣ въ чинѣ, иже отъ ересей приходящихъ пріимати ко святѣй церкви, написано, — увѣряетъ Пителимъ, — *именно крестится тремя же первыми персты, и кто тремя персты не крестится, а крестится двѣма персты, таковый проклятію преданъ*» (лис. 160 об.). «Во ономъ древнемъ харатейномъ Требникѣ, — въ другомъ мѣстѣ разъясняетъ Пителимъ, — на оныхъ еретиковъ моноелитянь, на римлянъ и на армянъ, за *противность восточныя церкви, еже не крестятся тремя первыми персты, есть клятва написана*» (лис. 284 об.). Здѣсь авторъ «Пращицы» отмѣчаетъ противность церкви именно въ неупотребленіи триперстія. Онъ приводитъ весьма знаменательное событіе, совершившееся на Аѳонѣ всего только за три года до восшествія на патриаршій престолъ патриарха Никона. «Тоежде древнее преданіе, — сообщаетъ Пителимъ, — еже крестится тремя первыми персты, утвердиша святыя горы Аѳона преподобнѣйшіи *отцы вси соборнѣ* сщце: въ лѣто 7157 во святѣй горѣ Аѳонствѣй *быль соборъ всѣхъ честныхъ и славныхъ монастырей, отъ архимандритовъ и игуменовъ, и отъ всего священнаго и монашескаго чина: съ волею же и благословеніемъ*

чрезъ писаніе, по прошенію оныхъ аѳонскихъ отцевъ святѣйшаго цариградскаго патріарха Парѳенія, на сербянина іеромонаха Дамаскина, яко той во оное время сталъ учить, еже бы всякому креститися двѣма персты, а не тремя первыми. И за сіе его соборнѣ истязаша, и книгу у него взяша на російскомъ языкѣ, а въ ней тако писано, якоже той учаше, и тую книгу соборнѣ сожгоша, а тако творящихъ и учащихъ анаемѣ предаша. Повелѣша же и утвердиша по древнему преданію святыхъ восточныхъ церкви, якоже они съ начала вѣры пріяша, еже *всякому православному христіанину*, вообразати на себѣ крестное знаменіе *тремя первыми совокупленными персты* десныя своея руки» (лис. 134 об.). Никакой ереси не было указано за іеромонахомъ Дамаскинымъ. Единственное его преступленіе заключалось лишь въ томъ, что онъ «сталъ учить креститься двумя перстами», при чемъ ссылался на русскую книгу. Одно это обстоятельство, какъ видно, вызвало сильное волненіе на Аѳонѣ. Былъ созванъ по этому случаю многочисленный соборъ изъ представителей всѣхъ аѳонскихъ обителей. Вполнѣ православную книгу соборъ предалъ сожженію, а знаменающихся такъ, какъ она учить, анаематствовалъ. Соборъ, кромѣ того, утвердилъ, чтобы всякій православный христіанинъ воображалъ на себѣ крестное знаменіе триперстнымъ сложеніемъ.

Болѣе грозное осужденіе на православныхъ христіанъ за неупотребленіе триперстія послѣдовало въ Россіи уже во времена Никона патріарха. «Тожде древнее преданіе,—свидѣтельствуеть Птиримъ,—еже креститися тремя первыми персты, святѣйшіи православніи восточніи патріархи въ лѣто 7163, во отвѣтѣхъ своихъ, противу вопрошенія святѣйшаго московскаго патріарха Никона объявиша сице: Преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ,

и седми соборовъ, творити знаменіе честнаго креста тремя первыми персты десныя руки: и *кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ тако по преданію восточныя церкви, еже держа съ начала вѣры даже до днесь, есть еретикъ, и подражатель армяновъ: и сею ради имамы его отлучена отъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, и проклята*» (лис. 136 и об.). Не еретики и не раскольники, а православные христіане объявлены еретиками, отлучены отъ Святой Троицы и прокляты только за то, что не знаменаются тремя перстами. Это безразсудное проклятіе подписалъ прежде всѣхъ Макарій, патріархъ антиохійскій. Далѣе слѣдуютъ подписи другихъ восточныхъ патріарховъ, съ особыми приписками. Гавріилъ, патріархъ сербскій, приписалъ: «вышереченная тако исповѣдую и тако свидѣтельствую и тако держу, и аще кто не вѣруетъ, вышереченная не держитъ, *да будетъ проклятъ*». Григорій, екзархъ всея Визоніи, приписалъ: «вышенисанная тако исповѣдую, и тако проповѣдую, и тако держу; и кто не держитъ тако, *да имать клятвы* святыхъ трехъ сотъ и осминадесяти богоносныхъ отецъ въ Никей собравшихся, и прочихъ святыхъ соборовъ, и *да будетъ проклятъ*». Наконецъ, Гедеонъ, митрополитъ молдавскій, приписалъ: «вышереченная тако исповѣдую. и тако свидѣтельствую, и тако держу: и аще кто не вѣруетъ, и вышереченная не держитъ, *да будетъ проклятъ*» (лис. 136 об.). Все—только проклять и проклять, Жестокіе люди были въ XVII вѣкѣ. Съ какимъ-то наслажденіемъ проклинали православныхъ христіанъ. Съ этимъ же наслажденіемъ Пятиримъ приводитъ ихъ проклятія въ своей «Пращицѣ»: «Патріарси восточни антиохійскій Макарій, Гавріилъ сербскій, Григорій митрополитъ никейскій, Гедеонъ митрополитъ молдавскій всѣхъ онѣхъ непокоряющихся, еже креститися тремя первыми персты, отлученію отъ Отца, и Сына, и Свя-

таго Духа, и *клятвѣ предаша таковыхъ*» (лис. 155 и 286). Питиримъ всегда подчеркиваетъ, что непокореніе состояло собственно въ неупотребленіи триперстія. Онъ приводитъ повелѣнія и другихъ іерарховъ относительно триперстнаго сложенія. «Святѣйшій патріархъ московскій Никонъ, со всѣми російскими архіереи, и архіепископы и епископы, со архимандриты, и игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ волею же и съ повелѣніемъ благочестивѣйшаго государя нашего царя, и великаго князя Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, по всему вышеобъявленнымъ послѣдствуя, данною же отъ Христа Господа властію церковною, *треми же первыми персты утвердиша, и повелѣша всякому православному христіанину креста святаго на себе знаменіе полагати непрелѣнно*. И паки въ лѣто 7175 въ царствующемъ же градѣ Москвѣ святѣйшій патріархъ Іоасафъ, со всѣми же митрополиты, архіепископы, и епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ купно, въ то же время со присутствующими восточными патріархи: Паисіемъ патріархомъ александрійскимъ, Макаріемъ патріархомъ антиохійскимъ, тоюжде властію церковною, тожде утвердиша *и повелѣша треми же первыми персты всякому крестное знаменіе полагати, и клятвами противящихся отриновенныхъ сотвориша и анаѳемѣ предаша, духовныхъ же священства обнажиша*» (лис. 137). Никому не дано пощады: одни были преданы проклятiю и анаѳемѣ, другіе, сверхъ того, были еще низвержены изъ своихъ духовныхъ сановъ. И вся эта кара постигала ихъ только за то, что они не принимали триперстія. Триперстное сложеніе было ограждено такимъ обиліемъ анаѳемъ и проклятiй, какимъ никогда не ограждался ни одинъ догматъ церковный. Триперстіе было поставлено выше всѣхъ догматовъ. Оно стало альфой и омегой новой церкви. Безъ триперстія немы-

слимы: ни спасеніе, ни единеніе съ церковью, ни церковная жизнь, ни послушаніе. Дальше триперстія ничего не было видно—одна лишь зіяющая пропасть, проклятыя и вѣчная гибель.

* *
* *

Всѣ изложенныя въ «Пращицѣ» порицанія и осужденія на старые обряды и древнюю русскую церковь съ ея святителями и многочисленнымъ сонмомъ святыхъ и праведныхъ мужей, Питиримъ подтверждалъ двумя знаменитыми документами—Потребникомъ св. Θεогноста, митрополита російскаго, написаннымъ въ 1329 году, и соборнымъ дѣяніемъ на еретика Мартина Армянина, состоявшимся въ 1157 г. въ Кіевѣ. На нихъ Питиримъ ссылается чуть ли не въ каждомъ отвѣтѣ своей книги. Онъ держится за эти документы какъ за Евангеліе, какъ за твердую и исключительную опору своей церкви. Безъ нихъ «Пращица» была бы пустымъ мѣстомъ; безъ соборнаго дѣянія на Мартина и Θεогноста Требника немыслима защита Никоновской церкви и ея постановленій о старыхъ обрядахъ и старыхъ книгахъ, при которыхъ остались старообрядцы. Въ Θεогностовомъ Требникѣ и Соборномъ дѣяніи на еретика Мартина Армянина дѣйствительно заключаются всѣ тѣ осужденія, проклятія и анаѣмы на древнія преданія св. Церкви и на самую Церковь, которыя проходятъ яркой полосой черезъ всю «Пращицу». Въ этихъ документахъ они изложены еще ярче и сильнѣе. Соборное дѣяніе и Θεогностовъ Требникъ служатъ лучшимъ источникомъ для выясненія взглядовъ и отношеній Никоновской церкви къ старымъ обрядамъ и книгамъ и къ древней русской церкви, такъ какъ въ Θεогностовомъ Требникѣ и Соборномъ дѣяніи на Мартина, подтвержденныхъ и канонизованныхъ іерархіей господствующей церкви, звучитъ подлинный и искренній го-

лось именно этой іерархіи. Это — *ея* твореніе, это — родное *ея* дѣтище: плоть отъ плоти, кровь отъ крови *ея* вѣрованной и убѣжденій.

Въ концѣ «Працицы» приложены выписки изъ Θεогностова Требника и полностью Соборное дѣяніе на Мартина Армянина. Въ предисловіи къ нимъ Птиримъ говоритъ: «Во свидѣтельство же вышеписанныя истины, приложишася еще нѣкія потребныя главизны и реченія изъ древнія рускія рукописныя книги харатейныя, глаголемыя Потребникъ, подписаныя собственною рукою блаженнаго Θεогноста митрополита московскаго, въ лѣто 6837. Который Потребникъ како содержитъ въ себѣ чинъ и уставъ церковный, и съ кѣмъ согласуется и единомудрствуетъ, явно вся предъ очеса представить читающему: сомнящемуся же удобъ разрѣшить недоумѣніе. Прочее (любезный читателю), читая сію новонапечатаную Соборнаго дѣянія книгу, и прочая къ ней сущая, *отлагай всякое сомнѣніе непотребное, плѣняя умъ твой въ послушаніе Божіе. Ибо вѣра христіанская ищетъ послушанія и покоренія, а не любопытства неполезнаго и многоисканія словопрителнаго*» (лис. 6 предисловія, въ концѣ «Працицы»). Кто вѣритъ всему изложенному въ Соборномъ дѣяніи на Мартина Армянина искренно, безъ всякаго сомнѣнія, тотъ послушенъ Богу, у того вѣра христіанская.

Чему же мы должны внимать въ этихъ документахъ — Требникѣ Θεогноста и Соборномъ дѣяніи? Какіе изложены здѣсь догматы новой церкви, на которыхъ она построена, какъ домъ на фундаментѣ? Въ Требникѣ этихъ догматовъ изложено немного. Они сводятся лишь къ нѣсколькимъ проклятіямъ. «Проклинаю, — провозглашается здѣсь, — моноелитянь, творящихъ крестное начертаніе на собѣ единымъ перстомъ, *а не тремя первыми персты, да будутъ прокляты. Проклинаю еретиковъ римлянъ не творящихъ крестнаго зна-*

менія совокупивше тремя первыми персты, *но точію двома*, указательнымъ и среднимъ, а послѣди единымъ палцомъ: *да будутъ прокляти*. Проклинаю еретиковъ армень, не творящихъ крестнаго знаменія тремя первыми персты, но слагають первый персть съ двумя послѣдними, и *творятъ крестъ двумя персты указательнымъ и среднимъ: да будутъ прокляти*» (лис. 25). «Проклинаю иже не благословляютъ римляне о имени Иисусъ Христовъ по восточнымъ чрезъ І указательнаго, и чрезъ С, средняго перстовъ, тако Г^С, а чрезъ первый палець предложениемъ чрезъ возлѣ средняго, и чрезъ С, малаго мало наклонениемъ, и будетъ кратко Х^С: но благословляютъ не слагая тако, но просто пятию персты, *да будутъ прокляти*» (лис. 28). Далѣе излагается въ Требникѣ требованіе говорить аллилуію трижды, въ четвертый разъ—слава Тебѣ Боже; при освященіи церкви, при крещеніи и вѣнчаніи ходить противъ солнца, символъ говорить безъ «истиннаго», просфоры печатать печатью четырехугольной, молиться стоя на колѣняхъ и т. п. «До здѣ,—заключаетъ Питиримъ,—слова святаго Θεогноста Митрополита московскаго, *свидѣтельствующая о истинѣ*, и увѣряющая тѣхъ, иже невѣриемъ недугуютъ, и старую намъ отцепданную до днесь непоколебимо хранимую православно-каѳолическую вѣру новою и неправую нарицають» (лис. 31). Проклятія Θεогностава Требника Питиримъ приводитъ въ своей книгѣ довольно часто («Пращица», лис. 98, 134 и об., 160 об., 284 об. и друг.). Онъ основывается на нихъ, какъ на непреложной истинѣ. Для него они—«православно-каѳолическая вѣра».

Гораздо полнѣе эта вѣра выражена и тверже закрѣплена въ Соборномъ дѣяніи на еретика Мартина Армянина. Этотъ еретикъ, какъ свидѣтельствуеетъ Соборное дѣяніе о немъ, родился и воспитался въ Кон-

стантинополѣ, въ Россію пришелъ въ 1149 г. и началъ здѣсь сѣять свои ереси. Въ 1157 г. собрался на него въ Кіевѣ освященный соборъ русскихъ архіереевъ подѣ предсѣдательствомъ кіевского митрополита Константина и осудилъ Мартина какъ еретика со всѣми его новыми догматами. Затѣмъ онъ былъ отправленъ въ Константинополь къ патріарху Лукѣ ХризOVERXу. Тотъ «многожды врачевалъ» Мартина, но такъ какъ послѣдній упорно держался своихъ ересей, то патріархъ вынужденъ былъ предать его огнесожженію.

Къ сожалѣнію, ереси Мартина Армянина пустили очень глубокіе корни въ русской церкви,—всюду онѣ проникли: и въ народъ, и въ духовную среду, и въ богослужебныя книги, и даже въ соборныя опредѣленія русскихъ святителей. Правда, не всѣ ереси Мартина привились къ русской церкви, но зато—наиболѣе опасныя и губельныя, именно тѣ самыя, которыя онъ отстаивалъ съ наибольшимъ упорствомъ и которыя подвергались на соборѣ наибольшему осужденію. Всѣ ереси Мартина Армянина изложены въ 20-ти главахъ. Въ нихъ онъ требовалъ:

а) печатать на просфорахъ Распятіе (гл. 5-я),

б) «по погруженіи обходить купель по солнцу, также и въ хиротоніи и въ вѣнчаніи браковъ творити обхожденіе» (гл. 9-я), «и въ освященіи церкви обходить посолонь» (гл. 10-я).

в) писать имя Христа Спасителя «Исусъ» (гл. 15-я),

г) «по псалмѣхъ говорити аллилуія дважды, а не трижды, третіе приглашати: слава тебѣ Боже» (гл. 16-я),

д) «слагати ручныя персты первый перстъ съ двумя послѣдними, а указательнымъ и среднимъ повелѣваше креститися и поамъ благословляти» (гл. 18-я), «и иная многая нелѣпная и восходной церкви противная учаше творити» (лис. 7 об. и 8 Соборнаго дѣянія).

Всѣ ереси Мартина Армянина обрядоваго хара-

ктера, за исключеніемъ двухъ: въ 13-й главѣ онъ училъ «разумѣть во Христвѣ Ісусѣ едино естество», а въ 14-й—утверждалъ, что плоть Ісуса Христа снизошла съ небеси (лис. 7 об.). Всѣ эти ереси Мартинъ Армянинъ изложилъ въ своей книгѣ «Правда». Она послужила для Кіевскаго собора обличительнымъ матеріаломъ противъ ея автора. Замѣчательно, что соборъ мало обратилъ вниманія на догматическія ереси Мартина. Главнымъ образомъ онъ истязывалъ этого еретика за двоеперстіе, аллилуію, за посолонное хожденіе, имя «Ісусъ» и т. п. «ереси». По этимъ пунктамъ соборъ велъ съ подсудимымъ пространныя пренія и основательно изобличалъ его погрѣшности. Еще болѣе замѣчательно, что Мартинъ Армянинъ, отстаивая двоеперстіе, сугубую аллилуію, хожденіе по солнцу и другіе обряды, не вкладывалъ въ нихъ какого-либо погрѣшительнаго толкованія; онъ лишь упорно твердилъ, что всѣ эти обряды преданы древней Церковью, *поэтому онъ ихъ и распространяетъ*. Его спрашивали на соборѣ: «учити такъ-вая противная давно ли дерзнулъ еси? Той же отвѣща: *учити нача отнелѣже сѣмо придохъ. Однако же учение мое не противное и не новое, но у васъ нѣкая узрѣхъ новая и противная: того дѣла и учити азъ дерзнулъ, возвѣщая вамъ древнее преданіе, а не новое*» (лис. 8 об. Соборнаго дѣянія). Вотъ единственное его основаніе—искреннее убѣжденіе, что онъ держится старины—древняго церковнаго преданія. Кіевскій соборъ обличаетъ его за хожденіе посолонъ: «Въ девятой и въ десятой главѣ учиши противная восточнѣй церкви,—говорилъ ему предсѣдатель собора,—повелѣваеши въ хиротоніи, и въ крещеніи, и во освященіи церкви, и въ вѣнчаніи браковъ, и въ послѣдованіи церковномъ вся творити обхожденія и исхожденія посолонъ. Мы же изначала вѣры пріяхомъ отъ восточныхъ патріарховъ сія вся творити обхожденія и исхожденія на восходъ, противу

солнца, по древнему обычаю, и по преданію святыя церкви, и такового ученія ниже слышахомъ доселѣ». Мартинъ въ оправданіе свое отвѣтилъ: «Како, святыи владыка, глаголеши, ниже слышахомъ доселѣ? А азъ зрю въ инокѣхъ церквахъ тако творятъ всячески обхожденія и исхожденія посолонь» (лис. 10). Относительно сугубой аллилуіи ему говорили на соборѣ: «Еще же ты, возмущая церковь, дерзнулъ еси писати въ шестой надесять главѣ—по псалмѣхъ, идѣже по чину церковному глаголется: аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже, трижды,—ты же тако глаголати возбраняеши, и блюзнериши ересью и учиши глаголати сице: аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже» (лис. 10 об.). И по этому пункту обвиненія Мартинъ не высказалъ какого-либо погрѣшительнаго толкованія. Вся его вина въ требованіи сугубить аллилуію заключалась только въ томъ, что онъ «непокорства держашеся» (лис. 11). Съ особой твердостью онъ отстаивалъ двоеперстіе. Митрополитъ Константинъ говорилъ ему: «Персты ручныя слагати учиши по арменски: первый перстъ со двумя послѣдними слагати, двумя же персты, указательнымъ и среднимъ, крестное знаменіе повелѣваеши на себѣ воображати и благословляти священникомъ» (лис. 11 и об.). Рѣшительно никакой еретической мысли Мартинъ не заключалъ въ двоеперстіи. Во всемъ дѣяніи Кіевскаго собора ни однимъ словомъ не говорится, чтобы Мартинъ двоеперстіемъ выражалъ какую-либо ересь. Мартинъ далъ собору знаменитый отвѣтъ въ защиту двоеперстія. Онъ заявилъ, что если и у армянъ и у латинъ имѣется двоеперстное сложеніе, то это не ересь они держатъ, «но древній обычай и преданіе церковное». «Сему же и писаніе свидѣтельствуесть,—говорилъ Мартинъ,—*Θεοδωριτὴς* блаженный рече: аще сила креста велія, сего ради слагаемъ первый перстъ съ двумя послѣдними, два же перста верхній и сред-

ній сложа во едино протягше сице знаменатися и благословляти. Такожде и отцы собора Ефесскаго во своемъ соборномъ правилѣ клятвеннѣ рекоша сице: Аще кто не крестится двумя персты, якоже и Христось, да будетъ проклятъ. *И сіе не новое, но древнее и соборное преданіе*» (лис 11 об.). Вотъ по какимъ основаніямъ держался Мартинъ Армянинъ двоеперстія. Такъ и слышится въ его защитѣ опредѣленіе святаго Стоглаваго собора. Мартинъ буквально повторяетъ его основанія, какъ будто онъ имѣлъ подъ руками «Стоглавникъ». Замѣчательно, что и Кіевскій соборъ не указалъ никакой ереси въ двоеперстіи, онъ призналъ его только новымъ преданіемъ. «Мы же,—разъяснялъ Мартину предсѣдатель собора,—съ начала вѣры отъ святѣйшаго патріарха пріяли слагати правыя руки три первыя пальцы слагати всѣ равно вкупѣ, два же послѣднія персты имѣти наклонены къ длани крѣпко. Тако бо мы пріяхомъ, якоже оны на востоцѣ издревле пріяли, тако слагати правыя руки, первыя три пальцы во образъ Святыя Троицы. Два же послѣднія персты приклонены къ длани имѣти. Сице намъ предаша знаменатися» (лис. 12).

Мартинъ велъ себя на соборѣ въ высшей степени вѣжливо и даже смиренно. Въ отстаиваніи двоеперстія, сугубой аллилуйи, посолоннаго хожденія и другихъ обрядовъ онъ является типичнымъ единовѣрцемъ нашего времени. Попади онъ на соборъ русской господствующей церкви въ XIX или XX вѣкѣ, онъ былъ бы признанъ вполне православнымъ въ своей защитѣ тѣхъ обрядовъ и обычаевъ, какіе содержатъ до сихъ поръ старообрядцы и единовѣрцы. Въ нашъ вѣкъ даже нѣкоторые синодальные архіереи слѣдуютъ Мартину Армянину: знаменуются и благословляютъ двоеперстно, ходятъ при освященіи храмовъ по солнцу, аллилуйю говорятъ дважды, въ третій разъ—слава Тебѣ Боже

имя Христа Спасителя произносятся: «Исусъ» и т. п. Эти архіереи можетъ быть сочли бы даже за счастье видѣть въ своей средѣ знаменитаго проповѣдника XII-го вѣка, Мартина Армянина. Во всякомъ случаѣ они не раздѣлялись бы съ нимъ такъ, какъ Кіевскій соборъ, судившій Мартина.

Кіевскій соборъ не ограничился только своими увѣщаніями и обличеніями, онъ рѣшилъ обратиться по дѣлу Мартина къ константинопольскому патріарху Лукѣ и отправилъ къ его святительству «Мартиново вышечисанное въ двадесятихъ главахъ живое ученіе и соборныя противу его вопросы и отвѣты» (Соборное дѣяніе, лис. 15). Получивъ эти документы, патріархъ «повелѣлъ собратися множайшимъ архіереемъ и архіепископомъ, и епископомъ, архимандритомъ же и игуменомъ, и прочимъ отъ духовнаго чина; и былъ у нихъ соборъ три дни. А о чемъ былъ соборъ, то писано въ листѣ и въ свиткѣ» присланныхъ въ Кіевъ. Кіевскій митрополитъ Константинъ «повелѣ листъ и свитокъ переводити. И паки повелѣлъ всему духовному чину собратися на соборъ». По дѣлу Мартина собрался въ Кіевѣ второй «соборъ отъ всего освященнаго чина. Приведенъ же бысть на соборъ и Мартинъ мнихъ» (лис. 15 об.). Въ оглашенныхъ на соборѣ патріаршихъ листѣ и свиткѣ говорится, что состоявшійся въ Константинополѣ соборъ призналъ Мартина по всѣмъ двадцати главамъ его вѣроученія смѣшаннымъ еретикомъ и всѣ главы его—еретическими, «понеже,—говорится въ патріаршемъ свиткѣ,—*двадцать его главъ всякаго злаго противнаго мудрованія еретическаго исполнени, ни въ единой его главѣ что обрѣтется правды, но вся противная, различныхъ еретиковъ той ереси вознови*» (лис. 16). Константинопольскій патріаршій соборъ вполне согласился со всѣми сужденіями Кіевского собора. Онъ обратилъ самое серьезное вниманіе на ученіе

Мартина—знаменоваться двумя перстами и призналъ его еретическимъ (лис. 17 и об.). Призналъ соборъ ересь и сугубую аллилуію и посолонное хожденіе (лис. 19).

Опредѣленіе Константинопольскаго собора избилуетъ многочисленными анаемами, произнесенными на Мартина Армянина и на все его ученіе. Разсмотрѣвъ всѣ главы сочиненія Мартина, соборъ одни изъ нихъ отнесъ къ армянской ереси, другія—къ латинской, третьи—къ смѣшанному еретичеству и по каждой категоріи главъ произнесъ отдѣльные анаемотствованія «Мартина еретика мниха,—провозглашаетъ патриаршій соборъ,—за вся его вышеписанная въ пяти главахъ арменамъ единомудрствующаго *проклинаемъ*, и отъ святыя восходныя церкви отлучаемъ, и анаемъ предаемъ: *буди онъ анаема, анаема, анаема*. Да егоже мниха, смѣшеннаго еретика, во второй и въ третіей главѣ, и въ пятой и въ шестой и въ седьмой, и въ осмой надесять, и въ двадесятой, и во всѣхъ сихъ седми главахъ *познахомъ быти его еретика суца латинцика*» (лис. 17 об. и 18). Дальше слѣдуютъ новыя анаемы: «Мартина же мниха еретика суца,— снова провозглашаетъ соборъ,—за вся его вышеписанная въ седми главахъ латиномъ единомудрствующаго *проклинаемъ*, и отъ святыя восходныя церкви отлучаемъ, и анаемъ предаемъ: *буди онъ анаема, анаема, анаема*. Да онъ же еретикъ смѣшенный Мартинъ мнихъ въ седмой главѣ и въ девятой и въ десятой главѣ, и въ пятой надесять, и въ шестой надесять. *Во всѣхъ сихъ шести главахъ познахомъ его новоявляшагося еретика*» (лис. 18 об. и 19). И этихъ дважды тройныхъ анаемъ собору показалось мало. Онъ прибавилъ къ нимъ еще тройку анаемъ. «Мартина же мниха новоявляшагося еретика,—еще разъ провозглашаетъ соборъ,—за сія *проклинаемъ*, и отъ святыя церкви отлучаемъ, и

анаемѣ предаемъ: *буди онѣ анаема, анаема, анаема*» (лис. 19 об.). Цѣлый ураганъ проклятій и анаемъ. Кажется, можно было бы на этихъ анаемахъ и закончить соборный приговоръ. Однако соборъ въ заключеніе посылаетъ Мартину еще три анаемы, подводя подъ нихъ всѣхъ единомышленниковъ Мартина и всѣхъ держащихся проповѣдуемыхъ имъ обрядовъ и обычаевъ. «За вся его злая еретическая и *вышеписанныхъ двадцати главахъ мудрованія*,—торжественно заключаетъ патріаршій соборъ,—*проклинаемъ*, и отъ святыхъ восходныхъ церкви отлучаемъ, и анаемѣ предаемъ *всѣмъ соборомъ: буди онѣ анаема, анаема, анаема, и со всеми его единомудренниками и придерживающимися ему*» (лис. 20). Все проклялъ соборъ: и двоеперстіе, и сугубую аллилуію, и хожденія посолонь, и всѣхъ содержащихъ эти преданія и обычаи. Всѣхъ ихъ соборъ прямо таки утопилъ въ бурномъ потокѣ отлученій, анаемъ и проклятій.

Кіевскому собору, ознакомившемуся съ дѣянiями Константинопольскаго собора, оставалось только вручить этотъ приговоръ окончательно проклятому еретику Мартину. Но вычитанныя на соборѣ анаемы такъ заразили всѣхъ членовъ собора, что они не могли удержаться, чтобы не прибавить еще отъ себя нѣсколько анаемъ несчастному Мартину Армянину. Они возгласили всѣмъ соборомъ: «И мы тя проклинаемъ и анаемѣ предаемъ: *буди ты анаема, анаема, анаема*» (лис. 20). Эти громы анаемъ такъ сильно подѣйствовали на впечатлительную душу Мартина, что онъ сначала остолбенѣлъ, «потомъ начать плакати горько, прося у всего собора прощенія, и обѣщася о всемъ своемъ зломъ ученіи принести писаніемъ покаяніе» (тамъ же). Непрерывныя анаемы и проклятiя, въ такомъ изобиліи провозглашавшіяся на вторичномъ Кіевскомъ соборѣ, заразили, точно эпидемія, даже самого

Мартина, и онъ, словно обезумѣвъ отъ многочисленныхъ анаемъ, началъ вслѣдъ за соборомъ возглашать свои проклятія. «Азъ училъ,—восклицалъ кающійся еретикъ,—*слагати первый палецъ съ двумя послѣдними, указательный же сложенъ съ среднимъ стоящъ прямо, средний же наклоненъ мало.* И тако повелѣвалъ всякому христіанину знаменатися. Священному же чину тако знаменатися и благословляти. Но сія вся арменская своя отъ нынѣ держати, и тако творити и мудрствовать не стану, и отрицаюся, *держащихъ же и мудрствующихъ по вышеписанному тако проклинаю: будите они прокляти*» (лис. 21). Дальше онъ проклиналъ творящихъ посолонное хожденіе, сугубящихъ аллилуію, учащихъ писать имя Христа «Ісусъ». «Отъ нынѣ,—возглашалъ Мартинъ,—сія шесть главъ держати оставляю и отрицаюся, *и проклинаю*, и въ предъ таковыхъ лжесоставныхъ писати не стану. *Пишущихъ же и мудрствующихъ тако проклинаю: будите они прокляти*». (лис. 22). Долго онъ изрекалъ проклятія на собственное ученіе, изложенное въ его книгѣ «Правда»; наконецъ, произнесъ заключительное осужденіе: «И о сихъ всѣхъ отъ нынѣ каюся и прощенія прошу, и тоя моя книги всея опроче дву въ ней правдивыхъ главъ, третій надесять и четвертой надесять, отрицаюся *и проклинаю* и держащихъ ю и мудрствующихъ тако, яже азъ въ сихъ во осми надесяти главаху написалъ; *вся та и держащихъ я проклинаю и анаемъ предаю: буди все проклято, и анаема, анаема, анаема.* Аминь» (лис. 22 и об.). Столь усердныя анаемы не спасли однако Мартина отъ гибели, ибо онъ не доклялъ двухъ главъ изъ своей книги. Вслѣдствіе сего соборъ объявилъ его непокорникомъ и закончилъ свои дѣянія провозглашеніемъ новыхъ анаемъ на Мартина. «Константинъ же митрополитъ,—повѣствуетъ Соборное дѣяніе,—со всѣмъ соборомъ, еретика мниха Мартина предаша.

анаемѣ, глаголюще сие: *буди ты анаема, анаема, анаема*» (лис. 23). Затѣмъ Мартинъ былъ отправленъ въ Константинополь, гдѣ и былъ преданъ сожженію по суду константинопольскаго патріарха. Такъ погибъ наивный и глуповатый еретикъ Мартинъ.

Соборное дѣяніе на Мартина Армянина производитъ весьма тягостное и кошмарное впечатлѣніе. Въ этомъ неподобномъ актѣ, въ его безпримѣрныхъ проклятiяхъ и анаемахъ видна какая-то сатанинская ненависть къ древнимъ церковнымъ преданіямъ: точно весь адъ собрался и дохнулъ въ этомъ дѣяніи всѣми силами своей злобы на св. Церковь. Изъ этой адской пасти, называемой «Соборнымъ дѣяніемъ», льется шумный водопадъ проклятiй и анаемъ, направленный на древніе церковные преданія и обычаи. Питиримъ залилъ ими всю свою «Пращицу». «Соборное дѣяніе» на Мартина Армянина было для него непререкаемымъ авторитетомъ. Онъ заявлялъ старообрядцамъ, что въ этомъ дѣяніи ничего нѣтъ неправославнаго или погрѣшительнаго и осуждалъ ихъ за противленіе кievскому собору 1157 года. «Во ономъ соборномъ дѣяніи,—увѣряетъ Питиримъ,—святѣй восточнѣй и великороссійской церкви мудрованія и повелѣнія противнаго *никогого нѣсть и не обрѣтается*, якоже въ немъ самомъ видѣти есть». «А вы,—обращается авторъ «Пращицы» къ старообрядцамъ,—противящеся святѣй восточнѣй и великороссійской церкви, *оное по всему православное соборное дѣяніе* злѣ тщите изничтожити лукавствомъ своимъ ложно предъ простѣйшимъ народомъ и предъ невѣдущими премногаго вашего противленія святѣй церкви, укрывающе своя противности и непокорство. Понеже убо оное дѣяніе вашу противность и непокорство весьма обличаетъ, и предъ всѣми явленно показываетъ, яко вы своимъ *непокорствомъ и противленіемъ, оному еретикъ и про-*

тивнику Мартину мниху послѣдствуете въ двоекратномъ по псалмѣхъ глаголаніи аллилуіа, и въ двоеперстномъ знаменованіи, и въ отпечтаніи на просфорахъ четвероконечнаго креста, и въ крещеніи, и въ вѣнчаніи, и въ хожденіи по солнцу, и въ прочихъ симъ подобныхъ противностяхъ. Обаче не можетъ тма быти свѣтомъ, а свѣтъ тмою, тако убо и ваша клевета и многоковарная лжа, оную правду онаго Соборнаго дѣянія весма не можетъ укрыти» («Прашица», лис. 168 об.). Питиримъ съ необыкновеннымъ упорствомъ отстаивалъ всѣ постановленія Кіевскаго собора. Ссылаясь на нихъ, ему легко было доказать, что старообрядческіе обряды еретическаго происхожденія. Старообрядцы спрашивали о двоеперстіи: «Въ кака лѣта тая армянская и латинская ересь въ Россію внесеса, при которомъ державствѣ, и кто тоя ереси былъ въ Россіи преемникъ, и противъ тоя ереси былъ ли кто стоятель, и во всей ли Россіи тую ересь пріяша, или не во всей?». Питиримъ отвѣчалъ: «Внесеса таковое противное повелѣніе, еже креститися двѣма персты, въ Россію еретикомъ Армяниномъ Мартиномъ мнихомъ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1149, на негоже о таковомъ его еретическомъ ученіи и соборъ бысть въ Кіевѣ» (лис. 96 об.). Однако «таковое его ученіе нѣщїи отъ духовнаго чина пріяша», «потомъ дойде нѣкако и къ Москвѣ» и подтверждено было на Стоглавомъ соборѣ и даже «въ печатныя книги не разсмотрѣніемъ внесеса» (лис. 97). Какъ увѣряетъ Игнатій митрополитъ сибирскій и тобольскій, «всю Россію тако арменскій онъ смрадъ надхне и зарази, яко едины точію престарѣлыя люди того арменскаго ученія не пріяша, и едва спасошася» («Посланія Игнатія», стр. 95). Выходить—вся русская церковь съ XII вѣка включительно до патриаршества Никона была заражена многочисленными

армянскими и латинскими ересями и состояла подъ страшными и убійственными анаеемами трехъ соборовъ: двухъ Кіевскихъ и одного Константинопольскаго и кромѣ того—подъ анаеемами св. Феогноста російскаго митрополита и самого Мартина Армянина. Всѣхъ же проклятій и анаеемъ на старые обряды не перечестъ. Кто только не проклиналъ ихъ: клялъ и анаеемствовалъ ихъ Константинопольскій соборъ, кляли и анаеемствовали Кіевскіе соборы, проклиналъ Мартинъ Армянинъ, анаеемствовалъ митрополитъ Феогностъ, проклинали восточные іерархи: антиохійскій патріархъ Макарій, сербскій патріархъ Гавріилъ, никейскій митрополитъ Григорій, сучавскій митрополитъ Геденъ; проклиналъ соборъ 1656 г., проклиналъ и великій соборъ 1667 г., клялъ Птиримъ, клялъ синодъ, кляли русскіе архіереи. Всѣ эти проклинатели подобны огнедышащему вулкану, выбрасывающему изъ себя всеопаляющую лаву. Все заливаешь на своемъ пути эта лава, неся въ своемъ потокѣ огненную смерть. Никого не пощадили изложенныя въ «Пращицѣ» и «Соборномъ дѣяніи» проклятія и анаеемы: вся русская церковь за пять вѣковъ, начиная со времени Мартина Армянина и кончая патріархомъ Никономъ, подвергнута проклятію. Преданы проклятію всѣ ея святители, всѣ ея чудотворцы, подвижники, святые мужи и жены. Великіе русскіе митрополиты: Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ не избѣжали этихъ проклятій, какъ не избѣжали и благочестивые московскіе патріархи: Іовъ, Ермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ, подверглись проклятію и многочисленные освященные соборы русской церкви. Прокляты были и святыя книги, иконы, церковная утварь и т. п. святыня. Страшный адъ безошадныхъ проклятій всюду проникъ и всюду произвелъ свое смертоносное дѣйствіе.

Русскимъ благочестивымъ людямъ, читавшимъ «Пращицу», выписки изъ Феогностова Требника, Соборное дѣяніе на Мартина Армянина и опредѣленія новыхъ соборовъ 1656 и 1667 гг. съ проклятіями восточныхъ іерарховъ, — необходимо было избрать одно изъ двухъ: или признать, что русская древняя церковь, ихъ родная мать, дѣйствительно была заражена въ теченіе многихъ вѣковъ гибельными ересями и состояла подъ чудовищной тяжестью многочисленныхъ проклятій и анаемъ. Въ случаѣ этого признанія рускіе вѣрующіе люди могли жить въ своемъ отечествѣ свободно, ничего не боясь, никого не страшась, пользуясь всѣми благами міра сего. Или они должны были отвергнуть—и Соборное дѣяніе на Мартина Армянина, и Феогностовъ Требникъ, и новѣйшія проклятія московскихъ соборовъ и восточныхъ іерарховъ, признавъ всѣ эти акты преступными, лживыми и еретичными. За это признаніе имъ предстояло убійственное наказаніе: ссылки, заточенія, пытки и смерть. Къ чести и славѣ великаго русскаго народа, въ его средѣ нашлись мужественные, честные и праведные люди, которые смѣло и рѣшительно избрали этотъ послѣдній путь—путь страданій и мученичества.

Это были старообрядцы.

*
* *

Старообрядцы, какъ вѣрные сыны св. Церкви, усомнились въ подлинности Феогностова Требника и Соборнаго дѣянія на Мартина Армянина. Они подвергли безпристрастной критикѣ эти акты. Въ «Отвѣтахъ діакона Александра» и въ «Поморскихъ отвѣтахъ» старообрядческіе писатели неопровержимо и блестяще разоблачили подложность Феогностова Требника и Соборнаго дѣянія на еретика Мартина. Они доказали, что никогда въ Россіи не было еретика

Мартина Армянина, не было и собора на него. Какъ Соборное дѣяніе, такъ и Феогностовъ Требникъ—грубый подлогъ, нечистое дѣло не въ мѣру усердныхъ преемниковъ патріарха Никона. Съ разоблаченіями старообрядцевъ согласились и ученые изслѣдователи старообрядчества уже новѣйшаго времени. «Разъ церковное правительство,—говорить о немъ профессоръ Н. С. Суворовъ,—вступило на путь не евангельскій,—ему уже не трудно было, идя по наклонной плоскости, дойти до прискорбной, такъ мало согласующейся съ характеромъ православной Церкви, мысли,—до мысли о подлогѣ. Составлено было подложное дѣяніе небывалаго Кіевскаго собора на небывалаго еретика Мартина Армянина, изъ котораго явствовало, что еще въ 1157 г. будто бы церковный соборъ въ Кіевѣ осудилъ еретика, учившаго какъ разъ тому, чему учили старообрядцы, то есть, двуперстію, сугубой аллилуіи, хожденію посолонь и проч. Соблазнъ былъ немалый, когда обитатель глухихъ керженскихъ лѣсовъ, нѣкій діаконъ Александръ, разобралъ это дѣяніе по всѣмъ правиламъ науки, указалъ историческіе анахронизмы, филологическія и палеографическія несообразности и доказалъ съ очевидностію подложность этого дѣянія» («О происхожденіи и развитіи русскаго раскола», Н. С. Суворова, стр. 64—65). П. И. Мельниковъ-Печерскій утверждаетъ, что подложное дѣяніе на Мартина Армянина составлено вслѣдствіе слѣдующей резолюціи Петра I-го: «написась нѣчто противъ раскола и сказать на Дмитрія съ братією» («Письма о расколѣ», П. Мельникова, стр. 63, въ примѣч.). Питиримъ дѣйствительно увѣряетъ, что онъ впервые увидалъ копію Соборнаго дѣянія на Мартина Армянина у Дмитрія митрополита ростовскаго («Пращица», лис. 170). Послѣ же ему былъ присланъ и подлинникъ дѣянія, будто бы найденный въ Кіевѣ, въ мо-

настырѣ св. Николая Пустыннаго (лис. 170 об.),— «книга въ полдестъ, на паргаминѣ писаная, плѣснью аки сѣдиною красящаяся, и на многихъ мѣстахъ молиемъ изъядена, древнимъ бѣлорускимъ характеромъ писаная» (лис. 4 об. въ концѣ «Прашиды»). Ловко обманывалъ Питиримъ русскій народъ. Но далеко не весь народъ успѣлъ онъ провести своею «плѣсенью». «Моль» строгой критики, вооруженной всѣми средствами безпристрастной науки, дѣйствительно уничтожила подлогъ. Но не уничтожила того вопіющаго преступленія и величайшаго позора, которымъ запятнала себя въ своей противостарообрядческой дѣятельности церковное правительство. Позоръ этотъ не смыть до настоящаго времени.

Вслѣдъ за старообрядцами признали ученые люди подложнымъ и Феогностовъ Требникъ. «Я нашелъ,— свидѣтельствуется историкъ Карамзинъ,—въ синодальной библиотекѣ подъ № 551 въ четверть листа харатейный Требникъ съ подписью Феогноста митрополита... *Признаюсь, однакожъ, что сія подпись кажется мнѣ сомнительной, то есть, новѣйшихъ временъ Феогностовыхъ*» («Исторія государства Россійскаго», т. IV, примѣч. 321). Еще рѣшительнѣе заявляетъ академикъ и профессоръ С. П. Шевыревъ: «Въ числѣ рукописей, означенныхъ вѣрными годами, я не привелъ Требника Феогноста митрополита, который по подписи относимъ былъ къ 1329 году. *При внимательномъ взглядѣ на эту подпись сейчасъ видно, что она есть позднѣйшее произведеніе*» («Исторія русской словесности», лекціи Шевырева, част. III, изд. Москва, 1858 г., стр. 304, примѣч. къ 14 лекціи). Питиримъ и его единомышленники самымъ наглымъ образомъ оклеветали святителя Феогноста и всѣхъ русскихъ архіереевъ XII-го столѣтія съ митрополитомъ кievскимъ Константиномъ, оклеветали и константинопольскаго патріарха Луку Хризо-

ворха со всѣми подчиненными ему архипастырями. Словомъ—оклеветали всю древнюю восточную и русскую церкви, приписавъ имъ преступнѣйшія и бессмысленнѣйшія дѣянія и опредѣленія, полныя лжи, злобы, проклятій, анаемъ.

Ясныя, убѣдительныя, исторически и научно обоснованныя разоблаченія подлоговъ, сдѣланныя старообрядцами въ діаконovýchъ и поморскихъ отвѣтахъ, не вразумили ни Питирима и ни кого изъ тогдашнихъ архипастырей господствующей церкви. «Питиримъ, — свидѣтельствуесть о немъ священникъ А. Синайскій, — продолжалъ пользоваться названнымъ памятникомъ и тогда, когда подлинность его была старообрядцами заподозрѣна, и когда основательно, научно и неотразимо была скоро, въ 1722 г., доказана Андреемъ Денисовымъ его подложность» («Отношеніе русской церковной власти къ расколу», стр. 52). Діакономъ Александромъ она была выяснена еще раньше, въ 1719 году. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года Питиримъ уже ознакомился съ разоблаченіями его подлоговъ. Тѣмъ не менѣе, въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года послѣдовалъ слѣдующій указъ. «Книгу Соборное изложеніе о Мартинѣ еретикѣ на утрени въ воскресные дни вмѣсто пролога читать всѣмъ вслышаніе жѣ. Дабы о прелестномъ его мудрованіи были всѣ свѣдомы и не покоряющіеся святой церкви, слыша оное прелестное ученіе еретика Мартина, обращали ко святой матери нашей восточной апостольской церкви. А оному проклятому еретическому преданію не ревновали. Аще же кто по сему великаго государя указу и по вышеявленному соборному свидѣтельствуванному изложенію отъ того прелестнаго ученія не отщетится и церкви святѣй не покорится, и таковой оному же суду предастся, якоже и учитель ихъ треклятый еретикъ Мартинъ» («Христіанское чтеніе», 1895 г., янв. — февр., стр. 40—41 въ прилож. и у

Синайскаго, стр. 124, прим. 2-е). Въ какую великую святыню возведенъ былъ дерзкій и позорный подлогъ. По царскому и соборному требованію, его читали въ храмахъ господствующей церкви, какъ Символь вѣры, какъ опредѣленія вселенскихъ соборовъ. За непокореніе же этому разоблаченному уже подлогу всякому христіанину грозила смертная казнь чрезъ сожженіе. Подвергали старообрядцевъ и жестокихъ пыткамъ даже за одно «называніе книги Соборнаго дѣянія на Мартина еретика подставною» (у Синайскаго, стр. 274). Съ удивительнымъ упорствомъ русская іерархія защищала подлогъ. Она не осудила его и до нашего времени. Книга «Пращица» съ «Соборнымъ дѣніемъ» на еретика Мартина издана въ 1721 г. по благословенію «преосвященныхъ архіеревъ», а въ 1726 и 1752 г.г. по благословенію «святѣйшаго правительствующаго синода»,—всѣ три раза послѣ разоблаченій подлога. Архіереи и синодъ знали, конечно, и безъ разоблаченій, что это—подлогъ, какъ всякій фальшивомонетчикъ знаетъ, что онъ сбываетъ фальшивыя деньги. Но имъ нельзя было отказаться отъ подлога, такъ какъ безъ него у нихъ не было рѣшительно никакихъ основаній въ защиту никоновскихъ нововведеній. Да и жаль было бросить собственное дѣтище, рожденное съ многими потугами. Кто не любитъ своего ребенка. Нельзя русской іерархіи отречься отъ Соборнаго дѣянія на Мартина Армянина и потому, что тѣнь этого еретика витала уже на великомъ московскомъ соборѣ 1667 г. Въ опредѣленіяхъ этого собора былъ зачатъ злополучный Армянинъ-еретикъ. На долю же Питирима и современныхъ ему архіереевъ выпало только произвести его рожденіе. Въ 22 правилѣ собора 1667 г. постановляется: «Еще же и писаніе еже есть сложено отъ *нѣкотораго раскольника и скрытаго еретика арменскія ереси*, и напечатася невѣжествомъ и неразумно въ Книзѣ Псал-

тирѣ со възслѣдованіемъ, и во иныхъ (сирѣчь о сложеніи перстовъ, яко знаменатися повелѣваетъ по обычаю еже еретики армени знаменуются крестомъ), да не пріимете сіе и да никто же отъ нынѣ сему писанію вѣруеть, ниже да держить, но искоренити повелѣваемъ отъ таковыхъ печатныхъ книгъ» («Дѣянія Собора 1667 г.,» лис. 15 и об.). Здѣсь уже вполне обозначился Мартинъ еретикъ, но онъ еще «скрытъ». Богѣе сорока лѣтъ его разыскивали и раскрывали. Наконецъ, при Питиримѣ онъ явился во всемъ пришествіи ему блескъ и величіи. Причину его появленія извѣстный государственный дѣятель и церковный писатель Т. И. Филипповъ объясняетъ единственно попыткой оправдать соборъ 1667 г. «Желаніемъ, — говоритъ Т. И., — подтвердить мнѣніе собора о мнимо еретическомъ происхожденіи дониконовскихъ обрядовъ только и можно объяснить появленіе въ печати въ мартѣ 1718 года подложнаго дѣянія небывалаго собора на небывалаго еретика Мартина Армянина, въ которомъ этому еретіку, пріуроченному къ XII вѣку, присвоивается, вмѣстѣ съ еретическими заблужденіями преимущественно монофизитскаго свойства, и введеніе въ Россію воспрещенныхъ на соборѣ 1667 г. обрядовыхъ особенностей (двоперстнаго сложенія, сугубой аллилуйи, посолонья, печатанія просвиры крестомъ съ Распятіемъ, изображенія имени Ісусъ), и которое, несмотря на очевидные признаки грубѣйшей поддѣлки, долгое время служило опорой нашей полемики съ расколомъ и упоминается, безъ отрицанія его подлинности, даже въ «Исторіи русскаго раскола» преосвящ. Макарія (изд. 1855 г.)» (Современные церковные вопросы), Т. И. Филиппова, стр. 401). Отказаться отъ Мартина Армянина значитъ отказаться отъ собора 1667 года. Этого не можетъ сдѣлать іерархія господствующей церкви, потому что если она вступитъ на

этотъ путь отказа, то придетъ неизбежно къ признанію своей весьма тяжкой вины предъ древней Церковью, къ признанію правоты и истинности на сторонѣ старообрядчества. Говоря смѣло, она могла бы и должна бы именно это сдѣлать, ибо это единственно спасительный для нея путь. Но видно еще не «у приде часъ» для этого великаго и святаго подвига. Т. И. Филипповъ удивляется, что даже московскій митрополитъ Макарій, извѣстный богословъ и историкъ, жившій въ срединѣ XIX столѣтія, вѣрилъ въ Соборное дѣяніе на Мартина Армянина. Но какъ же ему было не вѣрить въ этотъ подлогъ, когда послѣдній освященъ всей предыдущей дѣятельностью синодальной іерархіи. Достоверность Соборнаго дѣянія подтверждаютъ изданныя синодомъ полемическія книги: «Прашида» и «Отвѣты» Никифора архіепископа астраханскаго (стр. 3—4 и 320—321, изд. 5-е, 1854 г.). О немъ авторитетно свидѣлствуютъ такіе церковные историки, какъ Иннокентій архіепископъ пензенскій (въ его «Начертаніи церковной исторіи», отд. II-е, вѣкъ 12-й, стр. 198, изд. 7-е, 1849 г.), Амвросій епископъ саратовскій (въ его «Исторіи російской іерархіи», т. I, час. I, гл. 2-я, стр. 496, изд. 1827 г.) и другіе писатели и защитники господствующей церкви. Даже такое высшее учебное заведеніе, какъ петроградская духовная академія, готовила ученыхъ апологетовъ подлога. Въ январѣ 1804 г. на публичномъ академическомъ собраніи было прочитано кандидатомъ богословія Ив. Лавровымъ: «Разсужденіе о Соборномъ дѣяніи на еретика Мартина». Авторъ «Разсужденія» безъ всякаго стыда пытался доказать подлинность и достоверность очевиднѣйшаго и грубѣйшаго подлога. Въ благодарность за его цинизмъ «Разсужденіе» его было «печатано при святѣйшемъ синодѣ» того же 1804 года. Что всего удивительнѣе, даже въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева встрѣчаются

свѣдѣнія о небываломъ Мартинѣ Армянинѣ и небывшемъ соборѣ на него (кн. I, т. III, столб. 729, изд. 3-е, Т-ва «Обществ. Польза»). Соловьевъ неосторожно довѣрился духовнымъ писателямъ господствующей церкви и хотя въ послѣдующемъ изложеніи «Исторіи Россіи» подаетъ мысль, что Соборное дѣяніе на Мартина подложно (кн. IV, т. XVI, стол. 253), но допущенную раньше неосторожность оставилъ неисправленной.

Господствующей церкви трудно отказаться отъ Соборнаго дѣянія на еретика Мартина, ибо о немъ она возвѣщаетъ даже въ богослужебныхъ книгахъ, прославляя одного изъ своихъ святыхъ, Димитрія Ростовскаго, за его ревностную борьбу съ никогда несуществовавшимъ Мартиномъ Армяниномъ. Въ службѣ Димитрію поется: «Буря ересей отъ преисподнихъ чрезъ Арія во Греціи возродившаяся, а въ послѣдняя лѣта *проискажи Мартина Армянина чрезъ брынскихъ скипоначальниковъ возникшая въ нашемъ отечествѣ*, готова была опровергнуть тишину единыя, святая соборныя и апостольскія церкви: ты же, пастырь добрый, положивъ душу твою за овцы, прогнавъ оныхъ душепагубныхъ волковъ, бурю суетудрія укротилъ еси, вѣрныя же научилъ еси Трѣипостасному Богу взывати: Аллилуія» (кондакъ 4-й, въ Службѣ Димитрію Ростовскому, изданной синодомъ въ 1801 г., лис. 33). Служба Димитрію Ростовскому съ прославленіемъ этихъ его «подвиговъ» печатается и въ наше время (у насъ имѣется изданіе 1891 года, см. въ немъ лис. 38 об.).

Знаменитые подлоги—*Феогностовъ Требникъ* и Соборное дѣяніе на Мартина Армянина имѣютъ весьма цѣнное историческое и церковно-догматическое значеніе. Какъ историческіе документы, они чрезвычайно ярко свидѣтельствуютъ о томъ, на что способна была духовная іерархія петровской эпохи и какими приѣмами и средствами боролась она съ старообрядчествомъ.

Какъ церковно-догматическіе акты, эти подлоги раскрываютъ вѣрованія и убѣжденія іерархіи господствующей церкви. Вѣдь это она написала проклятія въ подложномъ Феогностовомъ Требникѣ. Вѣдь проклятія и анаемы Константинопольскаго и Кіевскихъ соборовъ—ея собственное произведеніе. Это она объявила еретичествомъ двоеперстіе, сугубую аллилуію, хожденіе посолонь и другія преданія и обычаи церковные и предавала ихъ жестокимъ анаемамъ. Каждая строчка этихъ подлоговъ освящена и закрѣплена какъ истина согласіемъ, одобреніемъ, благословеніемъ и утвержденіемъ всей іерархіи господствующей церкви. Говоримъ *всей*, потому что изъ ея среды не раздалось въ теченіе столѣтій ни одного осуждающаго протеста противъ сфабрикованныхъ ею подлоговъ. Да и не могло быть подобнаго протеста, ибо вся іерархія такъ вѣровала и мыслила, такъ утверждала и опредѣляла, какъ изложено въ ея подлогахъ. Питиримъ свидѣтельствуесть, что къ Соборному дѣянію на Мартина Армянина не онъ одинъ причастенъ. «Азь писахъ про оное Соборное дѣяніе не отъ себе,—заявляетъ онъ,—но писахъ о немъ самую истину, понеже оное поручено бысть мнѣ ради списанія преосвященнымъ *Димитріемъ митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ*» («Пращица», лис. 167 об.). «И преосвященный Юсафъ митрополитъ кіевскій — увѣряетъ Питиримъ, — оную обрѣтенную книгу, Соборное дѣяніе, *соборнѣ свидѣтельствоваѣ*» (лис. 170 об. и 172 об.). Особенную заботу о Соборномъ дѣяніи проявилъ патриаршій намѣстникъ, Стефанъ митрополитъ рязанскій и муромскій (лис. 170 об. и 171). Питиримъ рѣшается утверждать, что даже Самъ Богъ помогъ отыскать этотъ кощунственный и дерзкій подлогъ (лис. 176). Столь великой святыней признаетъ іерархія господствующей церкви Соборное дѣяніе на Мартина Армя-

нина. По своему содержанию и авторитету *Θεογνωσтовъ* *Требникъ* и *Соборное дѣяніе на Мартина Армянина* имѣютъ гораздо большее значеніе, чѣмъ великій московскій соборъ 1667 г. Соборъ—дѣло официальное, тутъ по необходимости будешь сдержаннымъ и осторожнымъ. Подлоги же—дѣло интимное, душевное. Сваливая ихъ на другихъ лицъ, авторы подлоговъ не стѣсняются вкладывать въ это свое творчество подлинную *свою* душу, ничѣмъ не прикрашенную и не прикрытую, излагаютъ въ подлогахъ искрення *свои* помыслы и чувствованія, раскрываютъ въ нихъ подлинную *свою* вѣру и настоящее лицо *свое*. Здѣсь имъ нечего и некого стыдиться, разъ они разыгрываютъ въ подлогахъ другихъ лицъ. И авторы *Θεογνωстова* *Требника* и *Соборнаго дѣянія* дѣйствительно ничего не стѣсняются: они—точно въ купальнѣ или у себя въ спальнѣ, ходятъ здѣсь совсѣмъ распоясанными и даже нагишомъ. По этимъ подлогамъ мы безошибочно знаемъ—кто они по своимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, по своимъ дѣламъ и поступкамъ. Замѣчательно, что и преемники творцовъ *Θεογνωстова* *Требника* и *Соборнаго дѣянія* видѣли въ этихъ подлогахъ собственное лицо и свою душу. Иначе они не воспѣли бы *Димитрія Ростовскаго*, какъ борца съ *Мариномъ Армяниномъ* и съ его «бурей ересей». Службой *Димитрію* синодальная іерархія еще тверже закрѣпила *Соборное дѣяніе на Мартина Армянина* и изложенныя въ немъ проклятія и анаѣемы. Откровенно говоря, въ этой службѣ какъ и въ подлогахъ, осуждается не кто иной, какъ вся древняя Церковь—и русская и восточная, ибо въ роли *Мартина*, именно въ его защитѣ старыхъ обрядовъ (двоперстія, сугубой аллилуіи, посолоннаго хожденія и друг.), выведена она съ своими соборами и святителями. И всѣ многочисленныя анаѣемы, наполняющія подлоги, произнесены именно на нее, древнюю

Церковь, на ея святителей и многочисленный сонмъ угодниковъ Божіихъ. Не Мартинъ еретикъ.—его вѣдь не было,—училъ двоеперстію и сугубой аллилуіи, а наши древніе святители, московскіе чудотворцы: Петръ, Алексѣй, Іона, Филиппъ; наши благочестивые патріархи: Іовъ, Ергогенъ, Филаретъ, Іоасафъ, Іосифъ. Не Мартинъ ссылался на Θεодоритово слово о двоеперстіи и на клятву на некрестящихся двоеперстно, а святой Стоглавый соборъ съ присутствовавшими на немъ святыми русской церкви: Макаріемъ, митрополитомъ московскимъ, Гуріемъ и Варсонофіемъ казанскими чудотворцами, Филиппомъ московскимъ чудотворцемъ и другими святыми мужами и подвижниками. Не Мартинъ Армянинъ училъ посолонному хожденію, а наши древніе служебники, потребники и уставы. Въ лицѣ Мартина новая церковь анаеменовалъ всѣ наши древнія книги и иконы съ двоеперстнымъ на нихъ сложеніемъ, всѣхъ ихъ составителей и писателей, всѣхъ служившихъ по этимъ книгамъ, всѣхъ молившихся на эти иконы—весь народъ, всю Церковь. Это—наиболѣе тяжкое преступленіе новой іерархіи. Собственно къ этому преступленію и сводились всѣ ея пресловутыя реформы. Проклятіе на старую вѣру—вотъ сущность новой вѣры. Отсюда ясно, кто въ отношеніи къ древней Церкви состоитъ съ нею въ расколѣ—старообрядцы ли или никониане.

Оеогностовъ Требникъ и Соборное дѣяніе на Мартина Армянина имѣютъ значеніе и въ томъ еще отношеніи, что свидѣтельствуютъ о глубокой древности проклинаемыхъ новой церковью обрядовъ. Составители подлоговъ, какъ видимъ, были убѣждены, что двоеперстіе, сугубая аллилуія и другіе обычаи,—изъ-за которыхъ поднялись споры въ XVII вѣкѣ, появились на св. Руси не позднѣе, какъ въ XII вѣкѣ и были въ непрерывномъ употребленіи въ русской церкви цѣлыхъ

пять вѣковъ; тогда какъ о новыхъ введенныхъ Никономъ обрядахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, кромѣ, конечно, подлоговъ.

Сфабрикованные подлоги оклеветали даже армянъ, которые знаменаются совсѣмъ не двоеперстіемъ, а триперстіемъ, о чемъ сами они свидѣлствуютъ въ своихъ вѣроучительныхъ книгахъ. Въ одной изъ нихъ армянскій протоіерей Максимаджіанъ заявляетъ: «Нѣкоторые полагаютъ, что армяне кладутъ на себя крестъ, будто бы, четырьмя пальцами, пригнутыми къ ладони. Мнѣніе это ошибочно. *Крестное знаменіе у армянъ троеперстное* и совершается такимъ образомъ: складываются три первыхъ пальца правой руки — большой, указательный и средній вмѣстѣ; два другихъ пальца — безымянный и мизинецъ прикладываются къ ладони. Правую руку со сложенными пальцами кладутъ сначала на чело, произнося: «во имя Отца», затѣмъ нѣсколько ниже груди и произносятъ: «и Сына», далѣе на лѣвую и на правую стороны груди, съ произнесениемъ: «и Духа Святаго», въ подтвержденіе же истинности всего этого, кладя на грудь, говорятъ: «аминь». Изъ всего вышесказаннаго, — заключаетъ духовный представитель армянъ, — ясно вытекаетъ догматическій и обрядовый духъ и характеръ армянской церкви». («Краткій очеркъ вѣроисповѣданія армянской церкви»). Составилъ прот. С. Максимаджіанъ, по благословенію армянскаго патріарха. Изд. 2-е, 1909 г. въ Ростовѣ н/Д., стр. 40—41). Цѣлыя столѣтія упрекали старообрядцевъ ихъ обвинители въ подражаніи и послѣдованіи армянамъ. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что сами они, эти обвинители, — подражатели армянъ, и въ пользу триперстія никого не могутъ привести, кромѣ армянъ, да своихъ подлоговъ.

«Пращица» своею доказательностью может про-
извести на незнакомаго съ дѣломъ читателя сильное
впечатлѣніе. Въ защиту введенныхъ Никономъ обрядовъ
Питиримъ указываетъ на весьма древнихъ святителей
русской церкви и даже на самихъ апостоловъ. При
самомъ крещеніи Руси, — утверждаетъ авторъ «Пра-
щицы», — «князь Владимиръ и вси духовнаго и мірскаго
чина, съ начала вѣры, юже пріяша отъ восточныя цер-
кве, пріяли тогда знаменатися тремя первыми персты,
а не двѣма: понеже Михайлъ митрополитъ, Θεонемптъ,
и Константинъ свидѣлствуютъ и показываютъ, яко
такъ они пріяли знаменатися отъ восточныхъ па-
тріарховъ; съ нимиже и патріархъ восточный Лука
ХризOVERXъ тожде утверждаетъ, еже знаменатися тремя
же первыми персты, со свидѣтельствомъ писанія свя-
таго Софроніа патріарха, такожде творити повелѣва-
юща» (лис. 62). Этыхъ весьма авторитетныхъ свидѣтелей
Питиримъ приводитъ довольно часто, иногда приба-
вляя къ нимъ новыхъ еще болѣе авторитетныхъ. «А яко
восточныя церкви древнее преданіе — утверждается отъ
множайшихъ свидѣтельствъ, — продолжаетъ увѣрять
Питиримъ, — якоже видѣти есть: Въ первыхъ, десная
рука святаго апостола Андреа, имѣетъ три первыя
персты совокуплены. Второе, святой Софроній па-
тріархъ іерусалимскій повелѣ трима же первыми пер-
сты креститися. Третіе, цареградскій патріархъ Лука,
пореку ХризOVERXъ, всесоборнѣ трима же первыми
персты повелѣша креститися. Четвертое, кіевскіи свя-
тіи митрополити: Михайлъ, Θεонемптъ, Константинъ
трима же первыми персты повелѣша креститися»
(лис. 284 об., 293 и об. и друг.). Въ другихъ мѣстахъ
своей книги Питиримъ указываетъ еще на руку пре-
подобнаго Комненоса, имѣющую триперстное сложеніе
(лис. 149 и об.), на саккосъ митр. Фотія и омофоръ
«отъ лѣтъ шестого вселенскаго собора», на этихъ ве-

цахъ вышито именованное перстосложеніе (лис 185 и 388 об.); на Корсунскій крестъ, на которомъ также есть именованное перстосложеніе (лис. 185 об.), на богородичную икону, именуемую Іерусалимской, «юже написаша святіи апостоли по вознесеніи Господни на небеса», на ней также изображено именованное перстосложеніе (лис. 185 об.). Кромѣ этихъ чрезвычайно убѣдительныхъ доказательствъ у Питирима было еще много другихъ. Но,—заявляетъ авторъ «Пращицы»,— «прочая же свидѣтельства писати множества ради оставляю» (тамъ же.) И безъ того сочиненіе Питирима разрослось въ огромную книгу. Читателямъ «Пращицы» оставалось вѣрить выставленнымъ въ ней доказательствамъ. Какъ не повѣрить древности триперстія, именованнаго перстосложенія, трегубой аллилуіи и проч. иконовскихъ установленій, когда о нихъ свидѣлствуютъ древніе наши русскіе святители, восточные патріархи и даже сами апостолы. Но откуда Питиримъ взялъ всѣхъ этихъ весьма авторитетныхъ свидѣтелей? Въ нашу задачу не входитъ—разбирать и критиковать «Пращицу», мы лишь выясняемъ ея качества и характеръ и приемы автора. Именно съ этою только цѣлю мы кратко отмѣтимъ достоинство приводимыхъ Питиримомъ историческихъ свидѣтельствъ.

Еще совопросники Питирима спрашивали его: гдѣ же это, въ какомъ писаніи, свидѣлствуютъ о троеперстіи и трегубой аллилуіи кіевскіе митрополиты: Михаилъ, Θεопемптъ, Константинъ и восточные патріархи—Лука и Софроній? Питиримъ безъ всякаго стѣсненія отвѣчалъ: «Оныхъ святыхъ митрополитовъ кіевскихъ оная поученія написана въ Соборномъ дѣяніи собора онаго, иже бѣ въ Кіевѣ, во дни святаго митрополита Константина на еретика Мартина Армянина». (лис. 382). Тамъ же находится свидѣтельство и патріарховъ Луки Константинопольскаго и Софронія Іерусалим-

скаго (лис. 58 об., 59 об., 61 и об. и друг.). Въ какомъ-либо другомъ источникѣ Питиримъ не могъ ихъ указать, такъ какъ кромѣ дерзкаго подлога у него ничего другого не имѣлось подъ руками. Но онъ не ограничился только однимъ Соборнымъ дѣяніемъ на Мартина Армянина, да Θεогностовымъ Требникомъ. Его опыты въ дѣлѣ подлоговъ шли дальше. Онъ ссылается на Іерусалимскую икону Пресвятой Богородицы, находящуюся въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ. Объ этой иконѣ вотъ что свидѣлствуютъ знаменитые «Поморскіе отвѣты»: «На Москвѣ въ соборнѣй Успенской церкви, на образѣ Пресвятыя Богородицы, иже именуется Іерусалимскій, у святыхъ по краемъ, греческимъ изображеніемъ писанныхъ, яко у апостоловъ: Петра, Іоанна и Марка благословящія, тако у мучениковъ, Дмитрія и Меркурія, молебныя руки, *сложеніе перствъ вообразено двѣма перстома*» (отв. на 5 вопросъ, стр. 50, изд. московскаго братства Честн. Креста). Правда, на этой иконѣ есть и именованное перстосложеніе, но оно явилось здѣсь вслѣдствіе того, что «образъ той весь поновленъ зрится и якоже видомъ поновленія, новымъ живописцемъ, а не древнимъ согласуетъ, — тако и рукою благословеніе нынѣшнее, а не древнее являетъ» (тамъ же, стр. 129). Неумѣренные поклонники триперстія и именованнаго перстосложенія дѣйствительно поновляли древнія иконы на новый ладъ. Извѣстный писатель Н. С. Лѣсковъ свидѣлствуетъ, что въ древнемъ Софійскомъ соборѣ, построенномъ въ Кіевѣ при Ярославѣ Мудромъ (XI в.), были изображены святые съ двоеперстнымъ сложениемъ, но потомъ, уже въ XIX вѣкѣ, они оказались съ триперстіемъ. Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Соборъ поновлялся при Кіевскомъ митрополитѣ Филаретѣ Амфитеатровѣ (съ 1837 по 1857 г.); «иконописецъ Пѣшеховъ въ одной изъ стѣнописныхъ кар-

тинъ собора вздумалъ открыть контуры двурестнаго сложенія и, добраяся стариннымъ очертаніямъ, прописалъ было ручки по этимъ абрисамъ. Но, къ счастью(?) для кіевскихъ святынь, Пѣшехоновъ не укрылся этимъ отъ вниманія досужихъ людей, которые довели о томъ до вѣдома митрополита, и дѣло было поправлено: антикварныя вольности(?) Пѣшехонова были отстранены, и святыя отцы древняго собора сложили свои ручки троеперстно» («Мелочи архіерейской жизни», Н. С. Лѣскова, стр. 77, по изд. Тузова, 1879 г.). Такимъ образомъ переправлены перстосложенія во многихъ древнихъ соборахъ и храмахъ. Питиримъ не находитъ въ этой передѣлкѣ ничего предосудительнаго. «Аще кто, — заявляетъ авторъ «Пращицы», — таковое сложеніе перстовъ переправить, въ таковомъ преписаніи вѣсть никоего погрѣшенія» (лис. 192). Не находитъ онъ никакого погрѣшенія и ссылаться на переправленныя иконы, вводя этимъ въ обманъ довѣрчивыхъ читателей.

Ссылается онъ на Корсунскій крестъ. Но о немъ такія свѣдѣнія даются въ «Поморскихъ отвѣтахъ»: «Въ лѣто 6496, егда князь Владиміръ взя Корсунъ градъ греческій, и святое крещеніе въ Корсунѣ прія, и взя изъ Корсуна крестъ великій запрестольный, иже нынѣ на Москвѣ въ соборной Успенской церкви. На ономъ крестѣ, на праздниѣ Вознесенія, у Спаса благословящая рука, и на праздниѣхъ Рождества и Благовѣщенія у ангеловъ благословящія руки; на немъ же у святыхъ апостолъ Петра, Вареоломіа, Матѳея и Марка сложенные персты, и на праздниѣ Срѣтенія у святыя Анны молебная рука воображены рѣзнымъ и изваяннымъ художествомъ, у всѣхъ сихъ сложены три персты: палецъ съ двѣма послѣдними, а два перста, указательный и великосредній, совокуплена на знаменваніе» (стр. 27—28, см. стр. 131—133, изд. Братства).

Болѣ усердно Питиримъ ссылался на руку апостола Андрея, находящуюся тоже въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ (лис. 132, 146 и об., 149 об., 193 об., 284 об.). Въ книгѣ «Увѣтъ» помѣщенъ даже снимокъ съ этой руки, ясно изображающій никоніанское триперстіе («Увѣтъ», лис. 240 об., изд. 1882 г.). На самомъ же дѣлѣ рука апостола Андрея никакого подобія не имѣетъ съ триперстнымъ сложеніемъ. Издатели «Поморскихъ отвѣтовъ», вышедшихъ за границей въ 1884 г., свидѣтельствуютъ: «Въ 1872 году мы самолично и со вниманіемъ разсматривали эту святую руку и нашли въ ней только три перста: второй, третій и четвертый, неимѣющіе однакожъ никакого одинъ къ другому сложенія, а двухъ перстовъ: перваго и пятаго совѣмъ нѣтъ» («Поморскіе Отв.» Мануиловскаго изд., стр. 56, въ примѣч.). Миссіонеры господствующей церкви вынуждены были заявить въ 1887 г., во время происходившаго въ Москвѣ перваго миссіонерскаго съѣзда, что рука апостола Андрея дѣйствительно не имѣетъ триперстнаго сложенія: «Въ Увѣтѣ» приведено сказаніе о принесеніи въ Москву руки святаго апостола Андрея, имѣющей явственно троеперстное сложеніе, снимокъ котораго и приложенъ къ книгѣ, а между тѣмъ,—сознаются миссіонеры,—рука сія *въ настоящее время такого перстосложенія не представляетъ*, и это благопріятствуетъ возраженіямъ противъ приведеннаго въ «Увѣтѣ» свидѣтельства, сдѣланнымъ еще въ «Поморскихъ отвѣтахъ» («Съѣздъ противораск. миссіонеровъ въ Москвѣ», стр. 38) По присущему миссіонерамъ лукавству они не сказали правды вполнѣ. Изъ ихъ признанія можно заключить, что только «въ настоящее время» рука апостола Андрея не имѣетъ вида триперстія, а раньше была съ триперстнымъ сложеніемъ. Однако сохранившіеся три перста: указательный, великосредній и безымянный свидѣтельствуютъ,

что апостольская рука никогда не имѣла триперстнаго сложенія. Мы сами лично видѣли эту руку и поэтому смѣло и рѣшительно утверждаемъ, что Питиримъ говорилъ сознательную ложь о рукѣ апостола Андрея.

Такую же ложь онъ говорилъ и о рукѣ Комненоса, при чемъ приводитъ о ней свидѣтельство патріарха Іоакима, такого же достовѣрнаго свидѣтеля, какъ самъ Питиримъ. «Тая святая рука,—повѣствуетъ Питиримъ,—въ та лѣта была съ прочими святыми мощми въ Благовѣщенскомъ соборѣ не запечатана и о той рукѣ во увѣдѣніе всероссійскому народу во оной книжицѣ («Извѣщеніе о чудеси») объявлено, а послѣди того времени въ шестое лѣто, егда и оную святую апостольскую руку, святѣйшій патріархъ Іоакимъ, распечатавъ вышеобъявленный ковчежець, обрѣте ю, и испытавъ извѣстно, како принесена изъ Царяграда въ царствующій градъ Москву, кѣмъ и который прислалъ патріархъ, и при коемъ всероссійскомъ царѣ, и патріархѣ: и о томъ о всемъ въ прошедшемъ 7191 годѣ въ книгѣ Увѣтѣ напечатано подлинно, на листѣ 247, на оборотѣ. И тако о оныхъ рукахъ, якоже о Комненосовѣ, въ книжицѣ о извѣщеніи чудесе, тако и о апостольской, въ книгѣ Увѣтѣ духовномъ, напечатано *о семъ суще вѣдѣніи*. И тако о оныхъ святыхъ рукахъ сынове святыя церкви извѣстны, съ вѣрою приходяще во оныя святыя соборныя церкви, любезно цѣлуютъ и поклоняются тымъ. Послѣди же оныхъ книгъ о извѣщеніи чудесе и Увѣта въ прочихъ книгахъ о оныхъ святыхъ рукахъ во извѣстии печатію не повторяютъ, *понеже и оными книгами о нихъ всѣмъ объявлено подлинно*» (лис. 149 и об.). Іоакимъ утверждаетъ, что онъ соборнѣ и всенародно свидѣтельствовалъ руку Комненоса, и всѣ видѣли, что въ ней ясно триперстное сложеніе. «Приложитися можетъ въ обличеніе упорно-противящихся,—говоритъ онъ,—десница преподобнаго

отца Комненоса, архимандрита обители Пресвятыя Богородицы, яже близъ Иконіи, многотрудно гробъ Господень и прочая мѣста святая посѣтившаго, и по преставленіи являшагося, мощьми же честными въ недѣлнѣе пребывающаго, юже десницу принесе въ царствующій градъ Москву, святѣйшій киръ Теофанъ патріархъ іерусалимскій, въ лѣто 7127. Та же десница и днесь *имать три первыя персты совокуплены, свидѣтельствующія, како той преподобный отецъ во всемъ житіи крестное знаменіе творяще, и дѣломъ обличающія не покоривыя: чесо ради во прошедшее лѣто 7170 въ недѣлю православія, при блаженныя памяти, благочестивѣйшемъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Алексіи Михайловичѣ, всея великія, и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ: и при всемъ освященномъ соборѣ, и всемъ пресвѣтломъ царскомъ сиклитѣ, всему міру явѣ народствовася: да вси видяще очима своимиа треперстное сложеніе, не къ тому пререкаати дерзають собѣдствомъ спасенія душъ своихъ»* («Извѣщеніе чудесе о сложеніи триехъ первыхъ перстовъ, Іоакима, патр. московскаго»). Печатано въ Москвѣ въ 1677 г., іюля 15 дня, лист. 13—14). Кто же посмѣетъ сомнѣваться въ столь достовѣрномъ свидѣтельствѣ и весь освященный соборъ, и весь царскій сиклитъ, и весь міръ— всѣ видѣли, собственными глазами, что рука Комненоса имѣетъ триперстное сложеніе. Развѣ можетъ тутъ закрасться у кого-либо хотя малѣйшее сомнѣніе. Всѣ «сынове» новой церкви искренно довѣрили такимъ безспорнымъ увѣреніемъ своихъ пастырей. Одни только старообрядцы терпѣливо ждали, что изъ этого выйдетъ. И дождались чуда—большого чуда. Черезъ двѣсти лѣтъ о той же рукѣ Комненоса услышали они такое достовѣрное свидѣтельство со стороны московскаго миссіонерскаго братства имени св. Петра митрополита: «Въ московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ,—заявляетъ

братство, — хранится въ серебряномъ ковчегѣ часть негдѣнныхъ мощей, именно, рука св. архимандрита Комненоса, персты которой представляютъ явственное именованное сложеніе» («Выписки Озерскаго», ч. 2, стр. 327, изд. 1883 г., по изд. 1896 г. стр. 361). Все было триперстіе у Комненоса, всѣ видѣли именно триперстіе; это удостовѣряетъ соборъ, свидѣтельствуешь патриархъ Іоакимъ, видѣлъ весь міръ. Но прошло два столѣтія и триперстіе Комненоса превратилось въ именованное перстосложеніе. Не превратится ли оно въ кондѣ-кондовъ въ двоеперстіе. Поживемъ—увидимъ. Сомнительны и саккосъ и омофоръ, на которые сослался Питиримъ. Они давно заподозрѣны въ поддѣлкѣ. Не оправдывается ссылка Питирима и на грека Константина Панагіота, который будто бы «еже двѣма персты крестится ересію латинскою нарицаеть» (лис. 97 об.). Ничего подобнаго нѣтъ въ книгѣ «Кирилловой» (лис. 236), на которую сослался Питиримъ. Панагіотъ обличалъ латинъ не за двоеперстное сложеніе, а за ихъ собственное, латинское сложеніе, въ которомъ большой палецъ не пригибается къ двумъ послѣднимъ пальцамъ, а стоитъ особнякомъ «въ край длани», т.-е. они знаменуются тѣми же тремя перстами, что и никониане, но только не совокупаютъ ихъ въ кучку, а держатъ прямо. Въ книгѣ же «Кирилловой» ясно повелѣвается слагать персты по-старообрядчески—именно двоеперстно (лис. 178).

Приводитъ Питиримъ проклятiе на латинъ, крестящихся двумя перстами, изложенное въ «старопечатномъ Требникѣ» (лис. 98). Но не указываетъ: гдѣ, въ какомъ году и при какомъ царѣ или патриархѣ изданъ этотъ Требникъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что изданіе его созрѣло въ одной головѣ Питирима и больше нигдѣ нельзя видѣть этотъ Потребникъ. Въ старопечатномъ Потребникѣ патриарха

Филарета имѣется проклятіе за перстосложеніе, но только вотъ какого содержанія: «иже не креститъ двѣма перстами, яко Христось, да будетъ проклятъ» (въ чинѣ обращающимся отъ фалисинъ). Такое же проклятіе изложено и въ старописьменномъ сборникѣ, лично принадлежавшемъ московскому патріарху Ергогену, нынѣ канонизованному господствующей церковью. Именно въ «проклятіи латинскимъ ересемъ» провозглашается: «иже кто не креститъ (или,—замѣчаетъ въ скобахъ профессоръ Е. В. Барсовъ,—что то же, не крестится) двумя перстами, яко же Христось, да будетъ проклятъ». «Это проклятіе,—свидѣтельствуется только что названный профессоръ,—за отступленіе отъ двоеперстія повторяется во множествѣ Кормчихъ XIV, XV и XVI вв. и наконецъ узаконяется Стоглавымъ соборомъ» (журналъ «Свѣтильникъ», 1913 г., № 2, стр. 8).

Свидѣтельство пр. Максима Грека о двоеперстіи и о сугубой аллилуйи Птириимъ упорно опровергаетъ, заявляя, что это не Максимъ написалъ, а какой-либо лжецъ (лис. 140 об. и 297). На самомъ же дѣлѣ, какъ теперь удостовѣрено учеными изслѣдователями, препод. Максимъ Грекъ дѣйствительно писалъ о сугубой аллилуйи, доказывая ея правильность, и о двоеперстіи, свидѣтельствуя, что оно есть «тайное апостольское преданіе». «О подлинной принадлежности слова Максиму не можетъ быть никакого спору»,—рѣшительно заявляетъ профессоръ Е. Голубинскій (книга его: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами», стр. 172, въ примѣч., изд. 1905 г.). Между тѣмъ казанская духовная академія, издавая сочиненія пр. Максима Грека, выбросила изъ нихъ два его слова: одно—объ аллилуйи, другое—о двоеперстномъ сложеніи. Очевидно академія пошла по слѣдамъ творца подложныхъ актовъ—Птириима. Доцентъ московской

духовной академіи Н. Лебедевъ свидѣтельствуешь, что въ нѣкоторыхъ спискахъ сочиненій Максима Грека переправлены тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о сугубой аллилуйи и о двоеперстіи «Сочиненія о сугубой аллилуйи и двоеперстіи. находятся, — говоритъ г. Лебедевъ, — и въ другихъ лаврскихъ спискахъ сочиненій Максима (Грека) №№ 200, 201. Въ № 200 слова о сугубой аллилуйи (л. 274) и двуперстіи (л. 281) *подчищены и замѣнены* соответственно православному обычаю» («Макарій митрополитъ всероссійскій», Н. Лебедева, изд. Москва 1877 года, стр. 111, въ примѣчаніи). Ремесло подлоговъ и поддѣлокъ стало, какъ видно, обычнымъ дѣломъ у защитниковъ никоновскихъ нововведеній. Заниматься ими вынудила ихъ крайняя необходимость, ибо въ защиту своихъ новыхъ обрядовъ они до сихъ поръ не могутъ отыскать ни одного древняго свидѣтельства. Не имѣлъ его и Питиримъ. Вотъ почему «Пращица» его и наполнена одними лишь подлогами и собственными проклятіями.

* * *

Питиримъ всѣми силами старался опорочить и объеретичить древнюю русскую церковь. Онъ утверждалъ, что не только обряды ея еретичны и заимствованы отъ различныхъ еретиковъ, но самыя таинства ея имѣютъ печать еретичности, напр., таинство исповѣди. Въ чинѣ ея совершенія, — заявляетъ Питиримъ, — находится «повелѣніе *сущее отъ латинскаго костела*. Въ старопечатномъ Требникѣ печатано при патріархѣ Іосифѣ, въ лѣто 7159, на листѣ 155, сие: исповѣдаюся азъ многогрѣшный Господу Богу Вседержителю, Пречистой Его Богоматери святѣй Богородицѣ, и святымъ небеснымъ силамъ, и всѣмъ святымъ его. Тако и на листѣ 156 и на листѣ 161, и на листѣ 164, 165, на оборотѣ, и на листѣ 170, на обо-

ротѣ, и на листѣ 174. На всѣхъ убо оныхъ листахъ напечатано тако якоже у римлянъ, *по опредѣленію костелному*, повелѣно кающемуся говорити въ началѣ исповѣданія сие: исповѣдаюся азъ многогрѣшный Господу Богу Вседержителю, и Пречистой Его Матери святѣй Богородицѣ, и святымъ небеснымъ силамъ, и всѣмъ святымъ Его. Но святая восточная церковь и вси святіи восточніи, иже писаху о покаяніи грѣшнаго человѣка, повелѣша каяться точію единому Господу Богу, понеже къ Нему согрѣшихомъ. А еже каяться къ Богородицѣ, и къ небеснымъ силамъ, и ко всѣмъ святымъ, такового повелѣнія нѣсть и не обрѣтается въ восточнѣй церкви, и у святыхъ отецъ. И якоже сіе, также многое и излишнее вопрошеніе неподобное, церковію святою неприятое, *разѣ точію въ костелѣ у римлянъ обрѣтается*: и того ради святая великороссійская церковь не послѣдуетъ *повелѣнію костела римскаго*» (лис. 263 об.). Конечно, Питиримъ безсиленъ былъ доказать хотя какую-либо погрѣшность въ этомъ исповѣданіи. Онъ впрочемъ и не пытался доказывать, а лишь голословно утверждаетъ, что это—«повелѣніе римскаго костела». Въ чинѣ исповѣди, напечатанномъ въ Іосифскомъ Требникѣ, разрѣшаетъ отъ грѣховъ Христосъ, а не Богородица и не святые небесныя силы. Исповѣдать же грѣхи нигдѣ и никто изъ св. отцовъ Церкви не запрещалъ предъ св. Богородицей. По Потребнику исповѣдающійся кается предъ священникомъ. Питиримъ же, какъ можно заключить изъ его нападокъ на Іосифскій Требникъ, требуетъ каяться только Единому Богу. Однако въ никоновскомъ Требникѣ отводится главная роль въ исповѣди священнику. Именно онъ заявляетъ кающемуся: «Азъ, недостойный іерей, властію мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца,

и Сына, и Святаго Духа, аминь». Современные богословы въ этой формулѣ отпущенія грѣховъ находятъ именно латинство—отзвукъ римскаго костела. Никонскіе справщики несомнѣнно были подѣ сильнымъ вліяніемъ латинства. Оно сказалося и на ихъ книжной исправлѣ. Эпоха же Петра I-го, когда дѣйствовала Птиримъ, совсѣмъ была во власти западно-латинскихъ вліяній. Странно поэтому слышать отъ Птирима упрекъ древней русской церкви въ латинствѣ.

Онъ указываетъ еще одну латинскую погрѣшность, допущенную въ старопечатныхъ книгахъ. «Выходу патріарха Іова,—говоритъ Птиримъ,—и по патріархѣ Ермогенѣ, между патріаршества, въ Службеникахъ въ крещеніи младенцевъ немощныхъ вмѣсто погруженія напечатано обливать трижды рукою, *и сіе не восточныя церкви обычай, но римскаго костела*» (лис. 53 об.). «Обаче,—замѣчаетъ авторъ «Пращицы»,—сія вся и симъ подобная творяху по невѣдѣнію, а не по противленію» (лис. 83). Обливаніе даже больныхъ младенцевъ Птиримъ признаетъ «погрѣшеніемъ и ересью» (лис. 90 об.). О немъ онъ не разъ говоритъ въ своей книгѣ (см. еще лис. 226 об., 289 и об.). Дѣйствительно обливаніе больныхъ младенцевъ допущено въ Іовскомъ Потребникѣ и въ между патріаршескомъ по неосмотрительности. Это былъ періодъ страшной смуты въ Россіи: наше отечество переходило изъ рукъ въ руки то боярь, то самозванцевъ, то польскихъ вождей и просто разбойничьихъ шаекъ. При такой тяжелой государственной разрухѣ весьма возможны разнаго рода недосмотры и промахи и въ церковной жизни и дѣятельности. Но они тотчасъ же были исправлены, какъ только водворился въ Россіи порядокъ и во главѣ церковной іерархіи сталъ такой сильный и энергичный спаситель русскаго государства, какъ патріархъ Филаретъ. Состоявшійся

при немъ и подъ его руководствомъ соборъ 1620 г. твердо и безповоротно постановилъ признавать обливаніе ересью и ни въ какомъ случаѣ его не допускать. «Иже не креститъ въ три погруженіи,—изрекается въ Филаретовскомъ Потребникѣ, — во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ» (гл. 79, лис. 72). Что же сдѣлала новая никоновская церковь, которую защищалъ Питиримъ, съ этимъ соборнымъ постановленіемъ древней русской церкви, такъ строго осудившей обливаніе? Она на соборѣ 1667 г. отвергла это постановленіе и признала обливаніе дѣйствительнымъ крещеніемъ («Дѣянія собора 1667 г.», лис. 72 об., 73—74). Не много же поздыбе, именно въ 1724 году, она объявила «негодными свиньями», «ослами», «невѣждами», «глупцами», «безумцами», «ступыми и грубыми сумазбродами», «обманщиками», «атеистами» и «прямыми безбожниками»— всѣхъ тѣхъ, кто рѣшается отвергать обливаніе «аки бы неправильное» («Оправданіе поливательнаго крещенія», Θεофана Прокоповича, стр. 5 и об.). Стался Питиримъ облатынить русскую церковь временъ смуты, упрекая ее въ допущеніи обливанія надъ больными младенцами, но самъ попалъ за это, по суду собственной церкви, въ число «свиней», «ословъ» и даже «прямыхъ безбожниковъ». Невольно возникаетъ вопросъ: какъ же нужно признавать новую господствующую церковь на основаніи книги «Пращицы», осуждающей обливаніе, какъ «повелѣніе римскаго костела» и какъ ересь? Очевидно—церковью неправославной, уклонившейся къ римскому костелу и заразившейся его ересью. Питиримъ такимъ образомъ самъ изобличилъ предъ старообрядцами свою церковь въ еретичествѣ.

По книгѣ «Пращица», господствующая церковь повинна еще въ одной погрѣшности. Питиримъ гово-

рить, что должно «во время молитвъ на Троицкой вечерни точію колѣна преклоняти, и тако молитися, а не на землі лежати» (лис. 244 об.—245 и 246 об.). Моленіе на колѣнахъ—это латинскій обычай, котораго не знала ни древняя русская, ни древняя восточная церкви. Современный архипастырь господствующей церкви, харьковскій архіепископъ Антоній, въ своихъ распоряженіяхъ прямо называетъ моленіе на колѣнахъ латинскимъ обычаемъ, который необходимо вывести изъ употребленія.

Намъ остается отмѣтить еще одинъ пунктъ вбро-
ваній и утвержденій «Пращицы», чтобы закончить
наше разсмотрѣніе. Между старообрядчествомъ и
новообрядчествомъ идетъ споръ объ имени Христа
Спасителя. Древняя русская церковь всегда писала и
выговаривала имя Христа: *Исусъ*. Со временъ же
Никона это имя подверглось сначала только упраздне-
нію, а потомъ и осужденію, самому позорному и
хульному. Питиримъ также отвергаетъ это имя.
«У насъ же въ Россіи,—богословствуетъ Питиримъ,—
множайшіи неискусніи отъ невѣдѣнія обыкоша гла-
голати Исусъ а не Иисусъ: сего ради всячески подо-
баеть Спасителево имя писати и глаголати Иисусъ, а
не Исусъ. Аще ли же и сокращенно написано будетъ
подъ титломъ *Іѣзъ*, но глаголати Иисусъ, а не Исусъ,
понеже есть въ толкованіи въ таковомъ глаголаніи
различіе: Иисусъ бо три слога будетъ, а Исусъ
два слога, зане первый слогъ *І*, второй же слогъ
И, третій же слогъ *СУСЪ*, и будетъ тако три
слога Иисусъ, а не два Исусъ». «Намъ подо-
баеть также писати тресложно сие Иисусъ, а не
двосложно Исусъ, понеже есть въ томъ велие различіе
по греческому языку. У нихъ бо знаменуетъ *ІСОСЪ*,
по нашему то будетъ *равный*; по ихже языку *УСЪ*,
то по нашему будетъ *ухо*; и тѣ два реченія егда во

едино сложиши, и *будетъ Исусъ*, еже глаголется *равноухій*, но не буди намъ тако нарицати Христа Спасителя. И сего ради лучше есть писати *Исусъ*, неже *Исусь*. *Да и глаголемъ въ три слова, знаменующе Христа Спасителя нашего и Исцѣлителя, а не въ два слова, знаменующе равноухаго*» (лис. 231 об.—232).

Въ этомъ разсужденіи открываются два новыхъ догмата, о которыхъ не говорить ни одинъ изъ отцовъ св. Церкви. Одинъ догматъ заключается въ признаніи особаго символическаго значенія слоговъ имени *Исусъ*. Имя Христа должно быть трехсложнымъ на всѣхъ языкахъ всего міра: и англичане, и индусы, и французы и китайцы обязаны, если они христіане, не иначе писать и говорить имя Христа, какъ только *Исусъ*. Духъ Святой далъ апостоламъ въ день пятидесятиный силу говорить «на иныхъ языкахъ и нарѣчїяхъ» и на нихъ прославлять имя Божіе (Дѣянїя апост., гл. II, стр. 4—11). Новый же догматъ господствующей церкви становится въ противорѣчіе этой силы Св. Духа и требуетъ, чтобы Спаситель именовался у всѣхъ народовъ не иначе, какъ только трехсложнымъ именемъ. Второй догматъ новой церкви заключается въ хуленіи имени Господа «*Исусъ*». По толкованію Питирима, оно означаетъ не Христа Спасителя, какъ вѣровала вся русская церковь въ теченіе многихъ столѣтїй, а какого-то равноухаго. Этимъ новымъ догматомъ порицается не одно только имя Христа Спасителя, но и вся древняя церковь, всегда именовавшая Господа: «*Исусъ*». Осуждается даже современная сербская церковь, которая и до нашихъ дней продолжаетъ въ своихъ книгахъ богослужебныхъ и въ Евангелїи именовать Христа: «*Исусъ*» (см. напр. Новый Завѣтъ на сербскомъ яз., изданный въ Бѣлградѣ въ 1905 г.). Если вѣрить «*Прашицѣ*», то придется признать, что и сама новообрядческая церковь

именуетъ Христа Спасителя равноухимъ, ибо и сербы и наши русскіе единовѣрцы, входящіе въ составъ этой церкви, пишутъ и произносятъ имя Господа: «Исусъ», а не Исусъ.

Мы разсмотрѣли наиболѣе существенныя утверждения книги «Пращицы». Они сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ:

1. Русская церковь, начиная съ XII-го вѣка и кончая временемъ патріаршества Никона, была заражена многочисленными погрѣшностями, заблужденіями и ересями.

2. Эгими заблужденіями и ересями наполнены не только старописьменные, но и старопечатныя книги.

3. Въ ересяхъ повинны великіе святители русской церкви: Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ—московскіе чудотворцы.

4. Не чужды были ересей и святѣйшіе московскіе патріархи: Іовъ, Ермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ.

5. Особенно же заражены были ересями опредѣленія Стоглаваго собора, на которомъ участвовала вся русская іерархія и въ ея средѣ такіе яркіе свѣтильники, какъ Макарій митр. московскій, Гурій и Варсонофій, казанскіе чудотворцы, св. Филиппъ, игумень Соловецкаго монастыря (впослѣдствіи — московскій митрополитъ) и другіе преподобные и праведные отцы Церкви.

6. Символь вѣры, изложенный въ старопечатныхъ книгахъ, проклятъ вселенскими соборами.

7. Двоперстное сложеніе по одному своему виду («по вещи») есть аріанство, македоніанство и несторіанство.

8. По своему происхождению оно—армянство и латинство.

9. Двоперстие проклято и трепроклято.

10. Сугубая аллилуия противна церкви, она предана еретиками, заключаетъ въ себѣ македоніанскую ересь, она—богомерзка.

11. Служение литургіи на семи просфорахъ есть неразумство и раздѣленіе церкви.

12. Изображеніе на просфорахъ восьмиконечнаго креста съ копіемъ, тростию и главою Адама—преступно, еретично и проклято.

13. Хожденіе по солнцу вокругъ церкви при ея освященіи и при совершеніи таинствъ св. крещенія и брака есть также послѣдованіе римскому костелу и ересь.

14. Совершеніе исповѣди по старопечатнымъ Потребникамъ есть также послѣдованіе римскому костелу.

15. Всѣ знаменающіеся двумя перстами, говорящіе сугубую аллилуію, совершающіе литургію по старымъ служебникамъ, ходящіе посолонь есть противники церкви и прокляты.

16. Священники, совершающіе литургію на просфорѣ съ изображеніемъ восьмиконечнаго креста и другихъ орудій страданій Господа, низвержены и прокляты, и отъ нихъ не можетъ быть сущее тѣло и кровь Христова.

17. Имя Господа «Исусъ» совсѣмъ не имя Христа и не знаменуетъ Спасителя и Исцѣлителя, оно значитъ: «равноухій».

18. На всѣхъ языкахъ должно именовать Господа «Исусъ», это имя символическое по своимъ тремъ слогамъ.

19. Триперстное сложеніе, трегубая аллилуия и другія новыя преданія должны быть неизмѣнными

въ церкви, они, какъ догматы, вѣчны и непреложны.

20. Не знаменующіеся тремя перстами прокляты и препрокляты.

21. Изъ перечисленныхъ пунктовъ само собой вытекаетъ, что современные единовѣрцы, содержащіе всѣ старые обряды до никоновской церкви, есть еретики и раскольники, они прокляты—и сами, и ихъ обряды; служба ихъ богомерзка и таинства ихъ недѣйствительны.

22. Сущность Новозавѣтной Церкви заключается въ допущеніи непрерывныхъ кровавыхъ убійствъ. Въ этомъ именно благодать и истина.

Этими пунктами опредѣляется почти все содержаніе книги «Пращицы». Питиримъ проводитъ ихъ и защищаетъ ихъ съ поразительною твердостью и непреклонностью. Иначе онъ и не могъ сдѣлать, ибо все изложенное имъ въ «Пращицѣ» есть основа и сущность, альфа и омега новой никоновской церкви. Это *ея* вѣра, *ея* догматы. Изъ-за нихъ именно и произошелъ расколъ русской церкви. Какъ показываетъ «Пращица», старообрядцы возстали противъ Никона и его единомышленниковъ не изъ-за мелочи, не изъ-за буквы только и незначительныхъ обрядовъ, а изъ самой души Церкви. Наши многострадальные предки отстаивали *ея* вѣру, святость и благочестіе. Споръ шолъ изъ-за самой сущности христіанства, изъ-за пониманія Самаго Христа, Его божественнаго полномочія и благодати. Старообрядцы остались при прежней святой Церкви. Они пребыли съ Христомъ—Кроткимъ, Смирненнымъ, принесшими Себя въ жертву за весь міръ. Никонъ и его сторонники создали себѣ новую церковь на презрѣніи къ прежней Церкви, на проклятiяхъ и анаемахъ; Христа они проповѣдуютъ какъ законоположника убійствъ, благодать Его понимаютъ

какъ насиліе и кровавую расправу. Вотъ въ чемъ сущность расхожденія старой вѣры съ новой.

* *
*

Написавъ книгу отвѣтовъ на вопросы старообрядцевъ, Питиримъ отдалъ ее на судъ своей церкви. «При семъ, — заявляетъ онъ, — аще въ чемъ забвеніемъ и недоразумѣніемъ, или лѣвостію или грубостію, или по каковому образу и виду, въ чесомъ погрѣшихъ, у всея святыя церкви прошу прощенія. Азъ же остаюся *во всемъ въ повелѣніихъ и мудрованіихъ ея несомнѣнный послушникъ*. Прошу же погрѣшенная трудолюбивъ да исправятся и недостаточная *да тщаливнъ навершатся*, во славу единого Бога въ Троицѣ славимаго и покланяемаго, и въ душеспасительную многимъ пользу, аминь» (лис. 410 об.) Въ отвѣтъ на эту просьбу высшая церковная іерархія одобрила книгу Питирима и благословила ее къ печатанію. Церковь не нашла въ «Пращицѣ» ни единого погрѣшенія или недоразумѣнія. Авторъ «Пращицы» предсталъ въ своемъ твореніи дѣйствительно «во всемъ въ повелѣніяхъ и мудрованіяхъ церкви несомнѣннымъ послушникомъ». Сочиненіе его оказалось подлиннымъ голосомъ новой церкви. Питиримъ былъ лишь рупоромъ для этого голоса.

Полемическія книги господствующей церкви, направленные противъ старообрядцевъ, издавались всегда отъ ея имени и съ одобренія и благословенія высшаго священноначалія. Онѣ являются такимъ образомъ книгами символическими и каноническими, своего рода евангеліемъ новой церкви. Самъ Питиримъ отзывается о полемическихъ книгахъ, напр., «Жезлѣ» и «Увѣтѣ», такъ: «Въ книгѣ *Жезлѣ* и во *Увѣтѣ* и яже во псалтирѣхъ о сложеніи трехъ перстовъ, напечатано по *повелѣнію всея соборныя великороссійскія церкви, купно тожде едино православное мудрованіе восточныя цер-*

кве, понеже въ тѣхъ книгахъ о сложеніи тріехъ первыхъ перстовъ *властію святыя церкви* доволная винословія православнаго мудрованія напечатана» (лис. 175 и 128 об.). Не частныя лица отвѣчаютъ за полемическія книги, а вся «власть церкви» и сама «соборная церковь». По свидѣтельству «Пращицы», въ полемическихъ книгахъ изложено мудрованіе всей греко-россійской церкви. И сама «православно-каѳолическая церковь» увѣряетъ, что полемическія книги противъ старообрядцевъ, въ томъ числѣ и «Пращица», изданы и сочинены именно ею. «Отъ самаго того времени—читаемъ въ «Увѣщаніи», изданномъ синодомъ,—какъ сдѣлался сей печальный развратъ, не преминала *церковь святая разныя сочинять и издавать книги*, а именно: Жезль правленія, Увѣтъ духовный, *Пращицу*, Скрижаль, Розыскъ, Обличеніе, и многія другія, которыми всемѣрно тщалася сей раздоръ утишить, и изнемогающыя члены исцѣля, присоединить къ здоровому тѣла своего составу. И нельзя жъ сказать, чтобъ Божія благодать сіе спасительное церкви намѣреніе самымъ не обрадовала дѣломъ. Ибо не малое число, какъ-то уже извѣстно, оныя изданныя читая книги, свои погрѣшности усмотрѣли, и съ великою для истины славою къ церкви матери своей обратилися» («Увѣщаніе», стр. 2, изд. 1885 г.). Перечисленныя здѣсь книги признаются не только твореніемъ самой церкви, но и дѣломъ Божиимъ, благодатнымъ и спасительнымъ. Замѣчательно, что даже при учрежденіи единовѣрія самъ создатель его, Платонъ митр. московскій, счелъ нужнымъ заявить, во первыхъ, что полемическія книги издавала именно церковь и, во-вторыхъ, что и теперь она не отказывается отъ нихъ: «При дозволеніи просителямъ церкви потребно быть судится провозгласить слѣдующее: что несчастливый расколъ отъ чего произошелъ и когда сіе извѣстно изъ многихъ изданныхъ

о томъ книгъ. *Церковь* все тщаніе и ревность прилагала къ приведенію на путь истины отторгшихся отъ нея, и для того *изданы многія книги*, въ коихъ явственно и доказательно показано и заблужденіе отторгшихся, и погрѣшности отъ нерадѣнія и невѣжества взошедшія въ прежнія церковныя книги, и какъ сходственно съ греческими и славянскими древними книгами оныя погрѣшности исправлены, и что таковымъ образомъ исправленныя книги въ нашей церкви православной употребляются» «И нынѣ, — провозглашаетъ митр. Платонъ, — не можетъ быть о всемъ томъ иная *церкви мысль, развѣ* каковая ея *доселѣ за истину признана и признается*» («Правила учрежденія единовѣрія», см. въ «Трудахъ перваго единовѣрческаго съѣзда въ Москвѣ», стр. 115 — 116). Этимъ заявленіемъ о постоянномъ и неизмѣнномъ вѣрованіи своей церкви относительно древнихъ книгъ и обрядовъ Платонъ митрополитъ московскій, прямодушно и торжественно засвидѣтельствовалъ, что господствующая церковь признаетъ единовѣріе преступнымъ и еретичнымъ. Прошло болѣе ста лѣтъ со времени учрежденія единовѣрія, однако оно до сихъ поръ все еще не стало равноцѣннымъ господствующей церкви, и въ наше время синодальная іерархія смотритъ на него подозрительно и не выпускаетъ его изъ платоновскаго плѣна. Книга «Пращица» и Соборное дѣяніе на Мартина Армянина, со всѣми заключающимися въ нихъ проклятiями и анаемами, какъ и всѣ полемическія книги господствующей церкви, есть тяжкій приговоръ надъ единовѣріемъ и надъ всѣми его отличіями отъ новообрядческой церкви. Этотъ приговоръ никѣмъ не отмѣненъ до нашихъ дней. Господствующая церковь даже не можетъ отказаться отъ него. Это было бы равносильно признанію своихъ погрѣшностей и заблужденій. Конечно, дай Богъ чтобы это соверши-

лось. Это—единственный путь къ ея спасенію. Но когда совершится господствующей церковью признаніе своихъ заблужденій и раскаяніе въ нихъ и совершится ли,—это одному Богу извѣстно. Будемъ просить Господа, чтобы Онъ помогъ совершиться сему великому дѣлу.

* *
*

ОГЛАВЛЕНИЕ ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКЪ.

Александръ діакопъ. Біографія его, 20—21 стр. Доне-
сеніе его Петру Великому, 25—28. Казнь надъ нимъ, 28—29.

Аллилуія сугубал. Еретична и зблo нечестива, 47—49.
Имѣется въ никоновскихъ изданіяхъ, 49—50. Возбранена мно-
гажды, 51.

Анаемы на Мартина Армянина, 88—90.

Андрея апостола рука не имѣеть триперстія, 109—110.

Армяне знаменаются триперстіемъ, 104.

Двоеперстіе. Преданіе Мартина Армянина, 58. За него
прокляты армяне, 72 и латиняне, 58 и 72. Соборне воспрещено,
73—74. Клятвами отречено, 58 и 70. Издревле проклято, 59, 70,
72 и 73. Проклятіе на него: Феогностова Требника, 80—81; Аеои-
скихъ монастырей, 75—76; патріарха Макарія и друг. іерарховъ 77;
собора 1667 г., 78.

Армянская ересь, 73. Аріанство въ немъ, 58—60. Македо-
ніанство, 61. Несторіанство, 65—66. Латинская ересь, 58—59.
Еретично и потому, что особо изображаетъ два Христовыхъ
естества, 65—66 и 67. Двоеперстіе Стоглава еретично, 65. Еретично
въ старопечатныхъ книгахъ, 66. Не хотяще подтверждаютъ въ
немъ ереси, 63 и 68. Оно еретично по самой вещи, 60—61,
63—64, 65 и 68. Одно повелѣніе креститься двумя перстами—
весьма неправославно, 73. Противленіе Церкви въ двоеперстіи,
74. Иконы съ двоеперстіемъ переправлялись, 107—108.

Димитрію Ростовскому служба подтверждаетъ небы-
валаго Мартина Армянина, 100.

Догмать—убивать людей, 38—40.

Иконы съ двоеперстіемъ переправлялись на триперстіе,
107—108.

Исповѣдь въ старопечатныхъ Требникахъ по Римскому
костелу, 114—115.

Іеросалимскій образъ Богородицы съ двоеперстіемъ, 107.

Іисусъ—тресложное имя, 118.

Ісусъ значитъ равноухій, 118—119.

Казнь раскаявшихся старообрядцевъ, 2.

Керженскіе скиты, 4—6.

Колѣна преклонять на Троицкой вечерни, 118.

Комненосова рука съ триперстіемъ, 110—111. Она же
съ именованнымъ перстосложеніемъ, 112.

Корсунскій крестъ съ двоеперстіемъ, 108.

Максимъ Грекъ писалъ о двоеперстіи и сугубой али-
ли, 113. Это ученіе его передѣлывали никониане на свой ладъ, 114.
Ученіе его о двоеперстіи и сугубой аллилуіи имѣеть еретиче-
ское мудрованіе, 46.

Сочиненія Ѡ. Ѡ. Мельникова.

- 1) „Блуждающее богословіе“ *Обзоръ впроващенія господствующей церкви* Цѣна 75 к.
- 2) Испытаніе и побѣда Церкви Христовой. (Къ вопросу о паденіи и возстановленіи епископства). Цѣна 30 к.
- 3) Къ вопросу о богословіи Бѣлокриницкаго устава Цѣна 25 коп.
- 4) Участіе іудеевъ и иновѣрцевъ въ дѣлахъ церкви (Къ вопросу присоединенія митр. Амвросія). Цѣна 25 коп.
- 5) Въ защиту старообрядческой іерархіи. Цѣна 10 к.
- 6) Конецъ сомнѣній въ законности старообрядческой іерархіи. Цѣна 30 коп.
- 7) „Талантливый изслѣдователь раскола“ (членъ Госуд. Совѣта, прот. Буткевичъ) Цѣна 10 коп.
- 8) Возможно ли объединеніе старообрядчества въ одну Церковь Цѣна 60 коп.
- 9) Бесѣда о крещеніи митр. Амвросія и о 500 червонцахъ. (Паденіе 3-е, исправленное и дополненное). Цѣна 25 коп.
- 10) Свидѣтельство Арсенія Суханова о крещеніи грековъ. Цѣна 10 коп.
- 11) Антихристъ и крушеніе безпоповскихъ надеждъ на него Цѣна 10 коп.
- 12) Въ тенетахъ ересей и проклятій. (Къ современнымъ спорамъ объ именахъ Волжскихъ) Цѣна 15 коп.
- 13) Безотрадное положеніе современнаго бѣглопоповства. Цѣна 10 коп.
- 14) Мои наблюденія и впечатлѣнія отъ поѣздокъ на миссіонерскія бесѣды Цѣна 15 коп.
- 15) О старообрядческомъ священствѣ до митр. Амвросія. (Какое было на старообрядческихъ священникахъ крещеніе) Цѣна 10 коп.
- 16) Современные запросы старообрядчеству Цѣна 30 коп.
- 17) Разсмотрѣніе книги „Пращина“ и Соборнаго дѣянія на еретика Мартина Армянина. Цѣна 50 коп.

1) „Пращина духовная“, Питирима архіепископа нижегородскаго и Соборное дѣяніе на Мартина Армянина (съ критическимъ предисловіемъ Ѡ. Ѡ. Мельникова). Цѣна 5 руб.

2) Оправданіе поливательнаго крещенія (Сочиненіе Теофана Прокоповича, точная копія съ синодальнаго изданія), съ критическимъ предисловіемъ Ѡ. Ѡ. Мельникова. Цѣна 1 р.

Цѣны означеннымъ сочиненіямъ указаны безъ пересылки. При выпискѣ требуется прилагать приблизительно 20 коп. на каждый рубль заказа. Выписывающіе наложеннымъ платежомъ доплачиваютъ кромѣ того 10 коп. за налогъ и 10 коп. за заказъ.

ВЫПИСЫВАТЬ ПО АДРЕСУ.

Москва, Большіе Каменщики. Старообрядческому Братству Честнаго Креста Господня.